

ДЭВЛИН ДЖЕЙД

Звезда Амонтильера 1.

Девочка из Ордена

Глава 1

Идиотская затея, идиотские традиции, идиотские законы!

Иллис насупленно посмотрела на двухцветные флаги, вьющиеся между шпилей академии.

Идиотская конспирация! Это именно ради нее сейчас в каждом учебном заведении для дворянских сыновей появится выпускница Ордена. Чтоб она провалилась, эта Звезда, прямо карху в задницу!

Одно утешает. Другие девчонки ее выпуска сейчас точно так же стоят у ворот всех высших дворянских учебных заведений в стране и шепотом клянут судьбу.

Ну обалдеть же! Закончить обучение в Ордене, стать мастером-рейнджером, иметь за плечами несколько боевых выходов на темную территорию... и вдруг на тебе. Идите, девочки, еще поучитесь! Так нужно для конспирации, чтобы никто не догадался, в какой именно академии прячут наследника. Это ж всего годик, а вы крутые мастера Ордена, вы справитесь.

Тьфу!

Тради-иция... требование Звезды... рядом с наследником всегда должен быть мастер-рейнджер. А то, что в последние тысячу лет мастерами-рейнджерами становятся только женщины, — вопрос десятый. Положено так, и все. Вот и поехали девушки вживаться в дружные мужские коллективы... на радость всем. Зато даже торк не вычислит, в какой именно академии надо искать наследника.

Иллис вздохнула. Эх! Учеба еще ладно. А как быть с тем, что предстоит быть единственной девчонкой в мужской академии, и при этом ни одну заразу нельзя будет покалечить?!

На этаже старших царило оживление. Конечно, никто не носился по гулким коридорам, не норовил огреть приятеля учебником по голове и не прятался в засаде за резными колоннами. Здесь не было адептов и тем более мальков-первогодок. Выпускники — люди серьезные. Ар'гарды. А это уже означает, что после окончания курса можно претендовать даже на офицерский чин, если кто-то решит делать военную карьеру.

Но сегодня привычное деловое общение старших перед уроком было нарушено.

В класс просочилась новость. Да какая!

— Новенький? На седьмом курсе? Тебе сопровождение не нужно, Дин? К лекарю!

— Может, и нужно, — добродушно усмехнулся высокий шатен, доставая из добротной кожаной сумки учебник по высшему исчислению и пристраивая его на угол парты. — Только тогда и ректору требуется сходить в том же направлении.

— Что? Он тебе сам, что ли, сказал? Не может быть!

— А что, если это сам наследник? Потерянный?

— Точно! — после потрясенной тишины выдохнул кто-то в заднем ряду. — Его все это время прятали, а сейчас БАЦ — и к нам!

И все заговорили разом, торопясь поделиться друг с другом предположениями.

— Да ну, сплетни все это! Известно, что никто из королевской семьи не выжил!

— Угу, вдруг это я наследник?!

— Скорее уж Кейрош! — выкрикнул кто-то. — Или Норриан! Смех смехом, а эти двое лучшие по всем показателям. Тоже совпадение?

— Если слухи про чудом выжившего наследника верны, то Кейрош может оказаться того... в полете... Бедняга! Вот уж кто точно корону примеряет. Какой удар!

— Придержи язык, пока этот удар тебе в морду не прилетел, — посоветовали с задней парты.

— Угу, за Кейрошем не заржавеет.

Кириан Эса ди Кейрош — тоже ар'гард-выпускник — действительно всю дорогу строил из себя наследника, хотя никогда не говорил об этом прямо. Большая часть учеников Рандарской академии тоже была в этом уверена.

Но что, если все же не он?

— А Норрова четверка-то вообще в курсе, что у них прибавление? — быстренько сменил тему Дин. — Свободное место только в их спальне, если что.

Все перевели взгляд на дверь.

Упомянутая четверка, точнее ее часть, только что ознакомленная с интересной новостью, была в курсе... и не в восторге.

Трое ар'гардов вошли в класс, а их предводитель где-то задержался.

— Сто пудов еще один Кейрош! — фыркнул высокий, немного нескладный и похожий на слегка всклокоченного ворона брюнет, метнув косой взгляд в конец коридора. Как раз туда, откуда неспешно приближался еще один персонаж: высокий стройный блондин с красивым и надменным лицом. — Кого еще могли так экстренно взять? Небось, связей у такого выскочки до торка рогатого.

И тут же получил ответный взгляд, полный холодной насмешки. Владелец шикарной белокурой прически и безупречно-ленивых манер одним движением плеча заставил расступиться группу однокурсников и неспешной походкой двинулся в класс.

— Я слышал, вам несказанно повезло, господа? — Кириан Эса ди Кейрош, седьмой год с гордостью носивший имя «Князь», тонко улыбнулся, бросив издевательский взгляд налево, где за своей партией немного торопливо устраивались двое из «Норровой четверки». — Новый сосед? Придется выкинуть твой хлам из чужого шкафа, ди Репар?

Естественно, все моментально забыли о каком-то там новеньком и азартно принялись следить за перепалкой вечных врагов. Противостояние с переменным успехом длилось все семь с лишним лет и даже стало чем-то вроде местной традиции. Пару раз даже тотализатор устраивали, но потом всем здорово нагорело, и теперь за очередным цирком народ предпочитал наблюдать молча и со стороны.

— Я думаю, это не твое дело, Кейрош.

Услышав этот спокойный негромкий голос, уже покрасневший от злости вороненок-брюнет и его сосед по парте, миловидный блондин с густой вьющейся шевелюрой, похожей на одуванчик, разом успокоились и занялись тетрадами, учебниками, карандашами... и прочей учебной канцелярией, необходимой на уроке. Вроде как нету никакого Кейроша, пустое место.

— А ты, я вижу, ничуть не озабочен вмешательством в личную жизнь вашей команды? — Кириан подпустил яда в голос. Его взбесило то, что высокий синеглазый блондин со спокойными, полными сдержанного достоинства манерами в очередной раз не дал своим придуркам-друзьям купиться на провокацию.

— Меня вообще редко заботят глупости. Это ты по какой-то неизвестной мне причине считаешь их важными для себя, — невозмутимо отозвался Норриан ди Майрис, уже седьмой год носивший почетный титул Серебряного Принца академии и главного соперника Кириана-Князя.

Звон сигнального колокола поставил точку в этом раунде. Все замолчали и уставились на дверь в ожидании преподавателя.

Ректор Грарард вошел в аудиторию, окинул ничего не выражающим взглядом дружно вскочивших и вытянувшихся по стойке смирно ар'гардов и движением руки усадил группу на места.

— Представляю вам нашего нового ученика, — без долгих церемоний пророкотал он густым басом, слышав который, даже самый завзятый хулиган мгновенно становился примерным. Весь класс дружно уставился ему за спину и так же дружно уронил челюсти на парты.

— Ресса Иллис ди Рианн с этого дня будет учиться в нашей академии, — ректор указал на единственный свободный стул в классе. — Можете занять это место. Отныне и до выпуска оно ваше. Ваш сосед, Кириан Эса ди Кейрош, один из лучших учеников нашей академии, окажет вам любую необходимую помощь, пока вы не освоитесь, — ректор бросил на блондина внимательный взгляд и дождался ответного учтивого кивка.

— Девчонка! Это же девчонка! — покатился от парты к парте запоздалый шепот изумления.

Дин фыркнул и незаметно пихнул своего друга Алекса локтем:

— Вот тебе и наследник по крови...

Алекс, опасливо покосившись в сторону преподавательской кафедры, смешно поднял плечи и передернул ими, демонстрируя высшую степень недоумения и любопытства.

Между тем стройная фигурка, затянутая в форменный китель, выдвинулась из-за грузной ректорской спины и легким уверенным шагом проследовала в направлении свободной парты. Где и столкнулась с насмешливым взглядом Князя.

Свой «титул» Кириан Эса ди Кейрош получил не просто так и безмерно им гордился. У него была собственная свита. У него был особый статус. Его голос имел немалый вес в Совете ар'гардов. Его боялись, наконец.

Он занимал лучшее место в столовой, лучшее место в спальне и лучшее место в учебном зале — в первом ряду, у окна. Второе место рядом с ним пустовало, потому что он так хотел. До сегодняшнего дня.

Пока остальные переглядывались и бросали косые взгляды на самого неожиданного сокурсника, которого только можно было вообразить себе в этом заведении, Князь, откинувшись на спинку стула и скрестив руки на груди, открыто и беззастенчиво рассматривал девушку с ног до головы.

Если он и был удивлен, то по его внешнему виду этого никак нельзя было сказать. Напротив, казалось, что ситуация его до крайности забавляет.

Что ж, ничего впечатляющего. Даже жаль. Обычное лицо, не слишком правильные черты, волосы зализаны и стянуты в косу, даже цвет не разберешь, просто темные. Все какое-то бесцветное, невзрачное, взгляду зацепиться не за что. Пожалуй, только глаза. Глаза живые и смотрят без тени смущения, скорее с любопытством.

Иллис действительно не отвела взгляд, пристально изучая соседа, рядом с которым ей предстояло провести весь учебный год.

У Кириана было породистое лицо с правильными чертами и четко очерченным подбородком. Острые скулы. Брови вразлет над льдисто-серыми глазами и неожиданно пухлые, капризные губы. Он был красив и определенно об этом знал.

В легком прищуре глаз, в движении бровей, в частых лениво-снисходительных гримасах сквозила фамильная надменность, холодность и презрение ко всему миру.

Иллис мысленно скривилась. Про таких красавчиков их наставница по рейнджерскому делу говорила: «Копчиком чую, что этот цветочек на отборном навозе рос. Поскреби лепесток — и вони не оберешься».

В звенящей тишине отчетливо скрипнул отодвигаемый стул. Не обращая внимания на двадцать девять пар глаз, готовых прожечь в ней дыру, девушка села на указанное место. Ее лицо выражало только сосредоточенное спокойствие. Ха! Да подумаешь, плятятся они с любопытством и насмешкой. Нашли чем напугать.

Забавная. Князь подождал, пока ректор удалится, и только тогда заговорил. Тихо, так,

чтобы не услышал учитель, который тем временем чертил что-то на доске, но услышала Иллис.

— Рад приветствовать вас на новом месте, ресса... — тут он запнулся, будто забыл ее имя, — ресса Лилс?

И сделал театральную паузу, выжидая, известно ли ей значение этого слова — «куколка, игрушка», причем в довольно пошловатом контексте.

Очевидно, перевод с древнего ей был известен, во всяком случае она ничего не переспросила, только глянула искоса, непонятно, то ли удивленно, то ли с вызовом.

— Ваш приезд большая радость! — как ни в чем не бывало продолжил Кириан. — А то, знаете, в академии иногда такая скука... очень не хватает женского общества. Если вы понимаете, о чем я говорю... — и похабненько улыбнулся.

Глава 2

— О да, прекрасно понимаю, — невозмутимо откликнулась девушка, мельком глянув на Кириана так, что ему мгновенно захотелось проверить, не вымазан ли у него нос чернилами, или что похуже. Это было непривычно, обескураживающе.

А невзрачная выскочка продолжила насмешливо-сочувствующим тоном:

— Судя по вашим манерам, мужчины очень быстро дичают без женского общества и начисто забывают, как надо правильно общаться с дамами. Даже привыкают безнаказанно говорить пошлости. То ли суровая чисто мужская дружба этому способствует, то ли кобыла на конюшне, с которой, как видно, вы привыкли развлекаться, давно не давала вам копытом по губам.

— О, а вы претендуете на ее место? — не остался в долгу Кириан, добавив яду в голос. — Хотите попробовать... дать?..

Ответить Иллис не успела. Разговор прервал мастер Варнессар, преподаватель математики:

— Кириан! Вы, должно быть, уже знаете тот материал, который я объяснял только что. Ну что ж, тогда пожалуйста к доске и решите нам эту задачу.

Князь неторопливо поднялся и, бросив еще один презрительно-насмешливый взгляд на девушку, небрежной походкой отправился к доске. Хотя задача была довольно сложной, отвечал он блестяще. Выводил на доске цифры ровным четким почерком, таким же красивым, как он сам, на вопросы отвечал без запинки и с легкой иронией, будто его спрашивали о вещах, понятных даже малым детям. Мастер Варнессар смотрел на него из-под приопущенных век, и в его взгляде читалось нескрываемое удовлетворение.

— Отлично, Кириан, отлично. И все же это не дает вам права разговаривать на занятиях.

Князь пожал плечами с самым невинным видом.

— Именно это я и пытался объяснить нашей новой сокурснице, но мы с ней слегка... не сошлись во мнениях.

— Имейте в виду, — продолжил мастер, — еще один раз — и я запишу вам взыскание! Обоим. Можете сесть на место. Запишите условие следующей задачи, — обратился он к классу.

И все занялись делом. Задача была из разряда трудных — мастер Варнессар любил «поломать мозги» своих учеников нестандартными заданиями. Однако скоро девушка отложила ручку и с интересом глянула в окно.

— Ресса, вы зря ищите решение там, — как и другие преподаватели, Варнессар принял новую ученицу без восторга. — На заборе такие вещи не пишут. Лучше напрягите мозги, если они у вас есть.

Церемониться с девчонкой он не собирался. За спиной Иллис слышались сдержанные смешки.

— У меня готово решение, — вставая, как и положено, ответила девушка, ничем не показывая, что ее задевает такое отношение.

— Как? — не поверил мастер и стремительно подхватил ее тетрадь со стола. — Хм... — Когда он поднял глаза, взгляд его был совсем другим. Таким потрясенным мастера Варнессара не помнил никто.

— Надо же! Наша маленькая ресса, оказывается, умеет писать циферки! Впрочем, неудивительно. Чем еще заниматься девушке с такой внешностью?.. — полный ехидства шепот Князя снова вызвал тихие смешки, которые тут же смолкли, потому что мастер подошел почти вплотную.

На самом деле Кириан, который за это время успел пройти только половину решения, был шокирован и взбешен, хотя самому себе в этом не признавался.

— Потрясающе! Нет, это просто потрясающе! — повторял преподаватель, снова откнувшись глазами в тетрадку своей новой ученицы. — Кто научил вас этому методу?

Наконец он окончательно убедился, что ему не померещилось, и обратился к классу:

— Кто-нибудь еще справился с задачей? Нет? Ну что ж, тогда попросим... э...

— Иллис ди Рианн, мастер.

— Ах да! Попросим рессу Иллис написать решение на доске. Прошу вас, — он вернул девушке ее тетрадь.

— Мышь ученая! — Иллис не видела, кто из мальчишек прошипел это ей в спину. И ничем не выдала, что слышала. Ха, а то она не знает, что обращать внимание на таких шептунов — последнее дело! Только покажи слабинку, затравят! И ничем, оказывается, мальчишки не отличаются от девчонок... Хотя нет. При желании они могут быть еще противнее!

Ну а что? Да с самого начала было понятно, что парни примут ее в штыки, хоть она изображай тупенькую куколку, хоть покажи реальные мозги. Просто в первом случае еще и презирать начнут, так что торку под хвост такую маскировку. Не захотят нормально дружить — пусть уважают. Хотя, конечно... разбежались они уважать, ага.

Она за всю свою жизнь не получала столько подколов, ехидных замечаний и нелестных эпитетов, как за этот день. Но вывести ее из себя не получилось ни у кого. А старались! Ух как старались. И уже в том, что у них ничего не вышло, Иллис чувствовала маленькую, но победу. Говорила ей Сюзз — учись держать себя в руках, нельзя быть такой взрывной. И она научилась.

М-да, судя по всему, за этот год вообще предстоит стать гением выдержки.

Хорошо хоть, красавчик-сосед по парте после первого занятия от нее отстал, сделав вид, что вообще не замечает. Но торков хвост в заклад, что это временно, слишком многообещающие взгляды он бросает исподтишка, когда думает, что она не видит.

День тянулся и тянулся, как жевательная смолка, прилипшая к башмаку на жаре. После занятий в канцелярию, где ей тоже никто не рад. Ну, кроме ректора... но это не в счет. Получить оставшуюся форму, постельное белье, учебники. И сюрприз.

Хорошая шутка, нечего сказать!

Иллис вывалилась из дверей канцелярии настолько ошарашенная, что даже не сразу сообразила, куда идти дальше. Хорошо, коридор был пуст, ставшие вездесущими курсанты разбежались по каким-то своим делам.

А ей предстояло подняться на третий этаж в южном крыле и обживать свое спальное место... в одной комнате с четырьмя совершенно незнакомыми парнями. Торк.

Это что вообще? Месть выскочке? Издевательство? Прямой намек — терпи или убирайся, нам тут не нужны девицы, и особых условий вроде отдельной комнаты им не положено? Скорее, все вместе...

Спрашивается, вот какого торка? Ведь все руководство академии в курсе, что Иллис тут не по своей воле, что это сделано по необходимости, что это даже не просто дань традициям, а отвлекающий маневр... Легенды о том, что наследник выжил при покушении и инкогнито давно обучается в одной из академий Амонтильера, ходят вот уже много лет. Выпускники этого года — из всех учебных заведений разом — в полном составе должны будут пройти испытание Звездой. И там станет ясно, правдива ли легенда о наследнике, или древний артефакт выберет родоначальника новой династии, поскольку представитель прежней в день своего совершеннолетия не вступит на Звездный Луч. Но в любом случае рядом с наследником или избранныком должен быть мастер-рейнджер.

Все это знают. Все получили соответствующие инструкции. И?!

Это что, саботаж? По глупости, из спеси и нетерпимости? Или здесь кроется нечто

большее?

Иллис сжала зубы и упрямо выпятила подбородок, поудобнее перехватывая стопку белья. Не дождетесь! Надо будет — сама этих четверых подвину!

Если бы она знала, что парни опасаются ее не меньше, ей, наверное, стало бы капельку легче. А может, и нет.

А те самые мальчишки тем временем тоже пребывали в замешательстве.

— Дела-а-а... — Майс резко затормозил на пороге их общей спальни. Дальняя, всегда свободная кровать в углу сейчас была загорожена высокой деревянной ширмой, выкрашенной в приглушенно-зеленый цвет. Это сооружение появилось в комнате, пока все были на занятиях, и, надо сказать, неприятно удивило парней. Как-то... ну, бесцеремонно это все: поставили ширму, вселили девчонку.

Хоть головой об эту деревяшку подойти и постучи — ну представить себе! ДЕВЧОНКА! В их комнате! Ни расслабиться теперь, ни в трусах походить, и вообще...

— Ну чего встал! — Габриэль, Майсов черноволосый носатый сосед и лучший друг, недовольно пихнул застывшего в спину. — Дожили. Еще трюмо сюда и пуфик с кружавчиками, совсем будет...

Он бухнулся на свою кровать и закинул длинные ноги в начищенных сапогах на ее спинку.

— ...Школа благородных девиц! Еще небось вещей три чемодана, — закончил за него Майс. — Повезло нам, рессы ар'гарды, ничего не скажешь. Гай, подъем! У нас задание по философии, забыл?

— А мне нравится, — неожиданно усмехнулся Льен, самый неприметный и немногословный член их компании. — Зеленый цвет умиротворяет... Когда я смотрю на эту ширму, то мне представляется лес, шумящий в лучах утреннего солнца... речка и запах цветов... — по его выражению лица, как обычно, невозможно было определить, говорит он всерьез или тихо веселится. Вот он повел носом, радостно добавив: — И правда приятно пахнет... Милый парфюм, не находите?

— Чего? — Габриэль с размаху хлопнул себя по лбу, принялся и скривился. — Только этого не хватало! Провоняем ее духами, нам же проходу не дадут!

— О! Торк! — взвился Майс, чья кровать была ближе всех к ширме. И отскочил от нее в сторону, как от прокаженного.

— И вообще, зачем ей душиться, этой зализанной вешалке все равно не поможет, — проворчал он, распахивая окно. — Она страшная!

— Так... — веско сказал вошедший последним Норриан, аккуратно перешагивая через сваленные у кровати Майса железки. — Предлагаю не обсуждать внешность дамы, а всем пойти в библиотеку, пока тут... проветрится как следует...

— От запаха, которого нет, — подмигнул Льен и ухмыльнулся, оглядев вытянувшиеся физиономии друзей. — Какие вы внушаемые, однако... оппа! Промазал, — он метнул подушку обратно в Габриэля. — Ладно, ар'гарды, строевым шагом на выход.

Пока шли, внешне невозмутимый Норр про себя успел подумать, что переговорит с мастером Варлеем, курировавшим седьмой курс, и попросит для этой... Иллис, кажется, отдельную комнату. Куда это годится — четверо парней и девчонка! Нонсенс какой-то.

Глава 3

Когда затихли шаги и голоса, за открытым окном качнулась одна ветка, шелестнула густая листва другой — и на подоконник легко скользнула тень.

Иллис спрыгнула на пол и с удовольствием потянулась. Хмыкнула, осмотрев ширму в углу комнаты.

Денек выдался веселый — в кавычках. Хорошо, что это дерево так удобно растет — ветка всего в метре от подоконника, с ее подготовкой — чуть ли не ковровая дорожка выстелена по запасному пути. И хорошо, что она услышала соседей заранее, — успела выскочить.

Правда, зачем ей это понадобилось — сама не поняла, тело сработало раньше, чем разум, на инстинктах. Она что, выслеживать мальчишек из засады собралась? Вроде нет... Хотя разговорчик интересный подслушался. Нечаянно. Ага-ага.

— Сам ты вешалка, — сказала она мстительно, посмотрев в сторону одной из кроватей. — Вот возьму и брызну тебе... куда-нибудь. Только духи надо будет у Анеллы попросить, те, которые ей поклонник с фермы подарил. Они в прошлой жизни явно были клопомором, так что сгодятся! А то подумаешь... — незлобиво ворча себе под нос, она прошла за ширму и стала раскладывать вещи по местам.

Торк, все оказалось сложнее, чем она себе представляла. Подруги в Ордене давно рассказывали, что Рандар — место, где собраны отпрыски самых знатных родов Амонтильера. Что аристократы все снобы и на голову ушибленные, в чем она сегодня лично убедилась. Ко всем, кто не из их круга, относятся как к людям второго сорта. М-да... И как-то придется с ними общаться. Наверное. Во всяком случае уживаться в одной комнате точно.

Иллис хихикнула, вспомнив напутственное слово Миллис перед самым отъездом: «Считай это разведвылазкой на территорию врага».

Нет, ну не врага, конечно. Не кархи же они все-таки, люди...

Правда, она не ожидала, что эти люди будут такие... странные. Иллис не раз бывала в егерских лагерях на границе, достаточно много общалась и даже дружила с их обитателями, но это были взрослые мужчины, и они... они были совсем другие.

Тоже не всегда понятные и местами чудные. Но в целом с ними можно было иметь дело, и они уж точно не имели обыкновения шушукаться у нее за спиной и смотреть свысока и с нездоровым любопытством, как на экзотическую зверюшку. А здесь... как в сказке: чем дальше, тем страшнее.

Иллис в очередной раз вздохнула. И конфет нет, чтобы хоть как-то поднять себе настроение!

Не удержалась и слопала все, что на прощанье надарили подруги, еще до того, как приехала в Рандар. И карманных денег тоже не будет до конца месяца... и как жить дальше, спрашивается?

Ладно, хватит ныть! Надо закончить с вещами и успеть позаниматься. Новоявленная хозяйка ловким движением застелила свежезаправленную постель серым казенным покрывалом, отошла на шаг и тут же споткнулась о непонятную железяку. Ойкнула, схватившись за ногу, и зашипела — тяжелая какая! Что это вообще? И зачем оно торчит из-под ее кровати?

Девушка подумала немного и подняла покрывало. Опустила.

— У них тут склад тяжелой артефакторики, или как? — озадаченно спросила она в пространство. — Ну и порядки. Уй... бедная моя нога... — поминая тихим незлым словом хозяина особо торчащей штуковины, Иллис выползла из-за ширмы и не поленилась, обошла все другие четыре кровати, методично заглянув под каждую. Ну мало ли, может здесь так принято — спать на железе.

Еще один склад, куда более богатый, обнаружился под кроватью кудрявого блондина, того самого, который «вешалка». Ну теперь хоть понятно, кому адресовать мысленные ругательства...

Так и не решив, как реагировать на скопление чужих игрушек под своей кроватью, Иллис взялась дальше распаковывать вещи. Ну хоть Анелла завтра придет!

А значит, и тренировки возобновятся. Слава Хелесс, это ей позволено делать по собственной программе! Презрительные взгляды и откровенно насмешливая снисходительность местного учителя боевых искусств — мастера ди Хасса — злили почему-то больше всего. Даже пренебрежительные смешки парней ее не так задевали. Но у нее уже есть идея, как разобраться с этим вопросом... Завтра, все завтра...

С этими мыслями девушка взяла стопку своей тренировочной формы и пошла к своему шкафу. Ну, то есть возле каждой аккуратно заправленной кровати с одной стороны стояла приземистая тумбочка, похожая на комод, а с другой — узкий и высокий одностворчатый шкаф. И у нее за ширмой был такой же, и она логично предположила, что вполне может им распорядиться.

Не тут-то было!

— Торк! — ошеломленная девушка едва успела подхватить посыпавшиеся на нее с полок запчасти, железки, резные деревяшки и камни. Для этого потребовалась поистине цирковая ловкость; Иллис уронила собственные вещи, но «камнепад» с полок сумела остановить и захлопнула дверцу. — Ну, погоди, «вешалка»! Хомяк несчастный! Интересно, почудилось или у него там действительно деталь от рунного концентратора?!

Девушка еще прошлась вдоль кроватей. Вздохнула. Вот бы здесь жили Ральке с Мил или, на худой конец, Марька-вредина. Можно было бы это богатство ей под одеяло напихать!

Тем временем в библиотеке, где старшие по обыкновению готовили уроки, вместо чинной тишины стоял гул растревоженного улья. Разговоры были об одном. Суть их сводилась, в общем, к одному: дама в мужской академии — беды не миновать. Четверке искренне сочувствовали, но и подтрунивать не забывали. Мол, будете вы теперь называться не «Норрова четверка», а «дамская комната» или «четверка в кружевах».

Габриэль откровенно злился, да и остальным было не до смеха. А тут еще пришел озабоченный Норриан, который откололся от них по пути. Он только что имел беседу с куратором, и беседа эта оказалась крайне неутешительной — эту Иллис никуда не отселят. Распоряжение ректора. Раз уж попала сюда — должна быть наравне со всеми. И точка. Выкручивайтесь, как хотите.

— Со всеми, значит... — зловещим полусшепотом произнес Габриэль, наклонившись к приятелю. — Ну так мы ей устроим «наравне»... Мы ей такое устроим, что она сама от нас сбежит к мамочке с папочкой и до конца жизни больше от вышивания и романсов не оторвется!

На последней фразе он в запале произвольно повысил голос. Вокруг одобрительно загудели, предвкушая неплохое развлечение.

— Ну да, с такой внешностью, — хмыкнул Майс, — ей больше ничего и не остается. Физиономия выразительная как тарелка, волосы зализанные, не поймешь какого цвета. Тут хоть обыграйся романсами, ничего, кроме вышивания, не светит! — он откинулся на спинку стула, довольный своим остроумием.

— О! — встревожился Габриэль. — Так, может, ее сюда на поиски мужа и наладили?

Сразу стало тихо.

— Да ну, глупости! — стряхнул общее оцепенение Майс. — Так мужей не ищут. Этим вообще... другие занимаются, и вообще... вообще... — он не знал, как еще аргументировать свое мнение. — Глупости!

— А я бы не был столь категоричен, — задумчиво произнес Норриан. — Должна же быть какая-то причина ее появления здесь, и нельзя исключать...

— Стоп, ар'гарды, так нельзя! — тихо запротестовал Лъен. — Как бы нам все это ни было не по душе, но ресса Иллис — девушка, и мы должны относиться к ней как к даме. Уважительно. Иначе какие же мы с вами...

— Девушка? — не дал ему договорить всколыхнувшийся Габриэль. — Не-ет, Лъен, она не девушка. Девушки сидят дома за книжкой и чинно прогуливаются по улицам, опустив глазки в пол. Ну, максимум в женских пансионах учатся. А она в высшую академию приперлась. И пока она тут... — он сделал многозначительную паузу, — она — такой же курсант. Тем более нам дали понять, что она ничем не отличается от нас, уловил?

Глава 4

— Просто удивительно, что ее подселили именно к вам, — раздался очень знакомый голос с характерной манерой растягивать слова.

В дверях библиотеки, по-хозяйски прислонившись к косяку, стоял Князь, а за ним, как тень, маячил его вечный подпевала Вайрис. Как и положено главному приближенному к важной персоне, он всегда следовал за своим кумиром.

— Должно быть, это потому, что никого из вас не жалко отдать в мужья этой безликой вешалке, а?

— Зато посадили ее к ТЕБЕ! — через секунду взбешенной тишины отозвался быстрый на язык Майс. — Тоже, видимо, чтобы поближе пригляделась!

— Какой сарказм, Майси. Я очарован. Вот только есть нюанс: сия милая ресса никак не дотягивает до того, чтобы породниться с высоким семейством Эса ди Кейрош. А вот для вас, ар'гард, она в самый раз.

Кириан прошел к своему постоянному столу и небрежно бросил книги. Глянул на притихшую компанию из-под ресниц и тонко ухмыльнулся.

— Я даже готов сочинить для вас брачное объявление: ресс «Ржавое корыто» ведет под венец рессу «Бледную поганку». Может быть, ваш род даже поднимется вверх на ступеньку и на вашем гербе будут изображать корыто с поганками.

По лицу Майса стало понятно, что Князь попал в точку. Он вообще славился умением находить больные места и бить точно в них. Майс происходил из захудалого дворянского рода, его семья еле сводила концы с концами и мечтала только об одном — найти удачную партию для сына и выправить тем самым свое положение. А оно было настолько незавидным, что денег не хватило даже на приличного художника — нарисовать фамильный герб, святая святых. Поэтому щит на их гербе выглядел странновато и в самом деле напоминал скорее корыто, чем элемент экипировки славного предка...

Последние два года каждые каникулы Майса оборачивались кошмаром — его родители, а также многочисленные тетушки, бабушки и сестры говорили только о будущей женитьбе и без конца таскали парня на смотрины. Слава Эйро, на вторую половину лета его приглашали к себе родители Льена, и хлопотливое семейство не могло устоять перед громким титулом ра Сайеш, столичным домом и тем, что в семье одного из самых богатых людей страны была еще и младшая дочь.

Так вот, пока семья думала, как бы поудачнее женить своего единственного сына, Майс бредил мечтой о судьбе военного инженера-изобретателя и о возможной женитьбе думал не иначе, как с отвращением. Будь его воля, он вообще никогда бы не женился, но, если уж семья решит, сопротивление бесполезно.

Понятно, почему от Кириана это был удар ниже пояса.

Майс, ничего не соображая от ярости, кинулся на обидчика, но Норриан успел его перехватить. И, крепко удерживая друга, глянул Князю прямо в глаза.

— Говорят, незаконнорожденных сыновей часто отдают в род жены... — негромко заметил он. Это было недвусмысленное предупреждение: поостерегись!

Норр знал, о чем говорил. Его род не уступал Эса ди Кейрош ни древностью, ни влиятельностью. Они даже приходились друг другу какими-то там дальними кузенами.

Что не мешало им враждовать, но давало Норриану некоторые преимущества. Он знал о Кириане больше других, хотя и пользовался своим знанием крайне редко — только если противник совсем выходил за рамки.

Глаза Князя чуть больше сузились, губы сжались чуть плотнее. Но только это и указывало на то, что слова Норриана достигли своей цели.

Мать Кириана, актрисулька из заезжего театра, сбежала сразу же после его рождения.

Он знал, что для семьи он навсегда останется номером вторым после законного старшего сына. Он знал это, но откуда это мог знать Норриан?!

— Что ты можешь знать о том, что такое вообще семья? — спросил он, не сводя с Норриана своих серых глаз. — Насколько мне известно, у тебя ее никогда не было.

— Достаточно для того, чтобы кто-то придержал язык, если не хочет, чтобы вся академия обсуждала его собственную семью, — совсем тихо, подойдя вплотную, произнес тот. Норр был в бешенстве, хотя привычно этого не показывал. Любые намеки на собственное сиротство и попечительство дядюшки выводили его из равновесия надолго.

Резко отвернувшись от противника, он кивком позвал друзей, и все четверо покинули поле боя, на прощание обдав врага волной презрительных взглядов.

Князь постоял на месте еще с полминуты, выдерживая паузу, и с невозмутимым лицом прошел к книжному стеллажу. Выбрав нужную книгу и устроившись с ней за столом, он, казалось, погрузился в чтение. Но мысли его были в этот момент далеко от заданного урока. Откуда Норр мог узнать то, что никогда не произносилось им вслух? Откуда? Откуда?!

— Ну хватит уже, Майс! — в который уже раз повторял Норриан. — Ты же знаешь, что этот подонки специально нас провоцирует.

— Когда-нибудь я оторву его белобрысую башку вместе с его грязным языком! — свирепо пообещал Майс, который все никак не мог успокоиться. Он в сердцах толкнул дверь в комнату, да так, что она с силой стукнулась в стенку, и врубил освещение.

— Нет, ляпнуть такое! — продолжил он громко возмущаться. — Что я женюсь на этой невзрачной мокрице! Мало того, что она сюда притащилась, мало того, что ее поселили к нам в комнату!

— Как думаете, не станет же моя семья меня на ней женить? — добавил он с искренним опасением.

Но ответ на этот вопрос так и остался тайной, потому что в этот момент что-то хлопнуло, звякнуло, и стало темно...

«Ой, торк...»

Иллис у себя за ширмой натянула одеяло на голову. Ой, торк.

Весь вечер она провела за учебниками, а когда за окном сгустилась темнота — позволила себе махнуть рукой и дать волю усталости. День выдался непростой, а вставать завтра рано, очень рано.

Хорошо, что ей хотя бы разрешили пользоваться индивидуальной купальней в крыле преподавателей — там была одна свободная. Ну да, ну да, отправить ее в общую с парнями душевую — это был бы перебор для самого злостного сноба и саботажника.

Только вот бегать туда придется через весь корпус и каждый раз после купания одеваться как на парад — в халате не проскочишь. Ладно...

Соседей все не было, и она почти задремала в своем углу, а тут вдруг шум, свет...

Спросонок она забыла, что находится не в своей прежней общей спальне для девушек-рейнджеров, а практически во вражеском окружении. Ну и отреагировала привычным образом, прежде чем мозг окончательно проснулся и осознал действительность.

А подвернувшийся при уборке под руку чужой башмак, который так и остался пока лежать на тумбочке у кровати в ожидании хозяина, оказался отличным снарядом. Пролетел над ширмой и попал точно в нужное место, погасив лампу.

И тишина...

Ой... и чего? Так, главное, сделать вид, что все идет как надо!

— Спокойной ночи, отбой уже был! Час назад! — заявила девушка таким тоном, словно даже не сомневалась в том, что ее новые соседи правильно поймут намек.

И быстренько накрылась одеялом с головой.

Глава 5

С полминуты в комнате стояла тишина. Льен тихонько щелкнул ночником у своей кровати, и неяркий свет лег теплыми бликами на пол и на всерьез ошарашенных парней. Норр поднялся из боевой стойки, которую рефлекторно принял. Майс хлопал глазами, а Гай и Льен осторожно подошли поближе. И все четверо какое-то время настороженно смотрели на ширму, будто ждали, не вылетит ли оттуда еще что-нибудь. Первым очнулся Габриэль.

— Это что же, нам теперь и поговорить в своей комнате нельзя? — шепотом спросил он, поворачиваясь к остальным.

— Выходит, нельзя, — пожал плечами Льен, отходя в сторону, и тут же обо что-то споткнулся. — После отбоя вроде и незачем, м-м-м? А это что? Хм... любопытно... — сказал он, поднимая это что-то с пола.

— Это же мой ботинок! — удивился вдруг Майс. — Я его полгода назад потерял. Где он был, интересно?

— Вот тебе и кружавчики с духами... — отозвался Норр. — Дама-то у нас полна сюрпризов... Давайте-ка в самом деле спать, рессы ар'гарды, пока еще что-нибудь... не нашлось неожиданно.

Утренний колокол зазвонил как обычно, в семь утра. И как обычно же, еще пару минут после того, как стих оглушительный перезвон, в комнате царила тишина. Только потом началось какое-то вялое шевеление. Мальчишки просыпались, садились в кроватях, потягиваясь и зевая. Только Майс с мученическим стоном натянул на голову подушку и попытался поспать еще хоть пять минут.

Первым из постели выбрался Норр, со вкусом потянулся еще разик и стал быстро одеваться. Натягивая тренировочные штаны, он подошел к кровати Майса и хмыкнул:

— Ну конечно! — из-под нахлобученной на голову подушки торчали встрепанные светлые пряди и уголок потертой обложки.

— Вставай, читатель! — одеяло предательски улетело в утренние дали, а Норр безжалостно дернул подушку. — Я тебя по вечерам обыскивать буду, чтобы половину библиотеки не таскал в кровать!

— А! — Майс очумело заморгал сонными глазами. — Нет, не пойду замуж!!! Ни за что!

— Чего? — развеселился уже одевшийся Габриэль, а Льен просто захохотал, сидя на своей кровати.

— И не надейся, я на тебе не женюсь ни за какие коврижки, — Норр старательно сохранял на лице серьезное выражение. — Ты будешь отвратительной супругой, дорогой. Мало того, что по ночам читаешь, так еще начнешь сооружать из кровати катапульту! — Он не выдержал и засмеялся, показывая остальным обложку злополучной книжицы: «Старинные осадные механизмы».

— Да ну вас! — окончательно проснувшийся Майс неохотно слез с постели. — Мне всю ночь кошмары снились! Про... — тут он запнулся и настороженно уставился на зеленую ширму.

Остальные мальчишки последовали его примеру. За ширмой царила безмятежная тишина.

— По-о-о-о-о-одем!

Подскочившие от неожиданности парни возмущенно уставились на Габриэля.

— Десять минут назад был! — невозмутимо-ехидно заявил тот, копируя вчерашнее выступление новой соседки.

Однако из-за ширмы по-прежнему не слышно было ни звука. Подождав еще минуту, Норр пожал плечами:

— Не наше дело. Но и на цыпочках ходить я не собираюсь!

— Ах, ну да! Как же я мог забыть? У рессы особая программа подготовки, — голос Гая сочился ядом.

— Везет же некоторым! — искренне позавидовал Майс и потер красные от недосыпа глаза, после чего душераздирающе зевнул.

— Читать надо меньше по ночам, — Норриан швырнул в Майса его же штанами, как всегда валявшимися под стулом. — Живее, а то схлопочем дополнительный кружочек за опоздание, я тебя собственноручно в раковину головой макну!

Еще через пять минут хлопнула дверь, и тишина вернулась в комнату. Пугливо и осторожно она выползла из углов и вольготно разлеглась на пустых, аккуратно заправленных кроватях. В том числе и на той, что стояла за зеленой ширмой...

Когда парни, переодетые в тренировочную форму, вышли во двор, до начала занятий оставалось минут пять. Они обменялись уже не одной парой шуток по поводу специальной программы тренировок для «истинной рессы». Были тут упомянуты и упражнения для ресниц, и стрельба глазами, и разные другие характерные упражнения, подходящие женскому полу.

Сами они гордились своей боевой подготовкой и, хотя прекрасно понимали, что до профессиональных боевиков им как до неба, потому что Рандар — не военная академия, а светская, считали, что гоняют их на совесть. Не то что некоторых... ресс.

Наконец, мастер ди Хасс построил всех для традиционного приветствия, и занятия начались. Сразу стало не до разговоров. Ди Хасс всегда заставлял выкладываться по полной, и это утро исключением не стало.

И все равно парни есть парни — они довольно быстро вошли в ритм и начали поглядывать по сторонам. Никто не произнес этого вслух, но всем было до смерти интересно, когда же появится «ресса сплюшка» и как она будет тренироваться. Если будет, конечно... Должна. Нормы по физической подготовке входили в обязательную аттестацию, без которой не давали допуска к экзаменам.

— Пойдите-ка... А это кто? — шепотом выдал вдруг Майс, слегка запыхавшись после серии разминочных упражнений. — Еще одна?!

Со вчерашней беседы в библиотеке Майс относился к появлению женского пола несколько нервно.

Предмет его волнений сидел под раскидистым деревом чуть в стороне от тренировочной площадки. Одет он, вернее она, был в обычный тренировочный костюм, почти такой же, как у остальных во дворе. Но то, что это не мужчина, понятно было сразу. Длинная, иссиня-черная коса, строгое красивое лицо и весьма... женственные пропорции.

Долго любоваться новым явлением не дал мастер. Разминка закончилась, и он объявил, что сегодня день зачетных спаррингов.

И естественно, в первую пару мастер ди Хасс поставил двоих самых сильных — вечных противников, Князя и Серебряного Принца.

Поставил их, значит, друг против друга, все остальным велел смотреть и учиться, а сам направился к сидящей поодаль женщине. Парни тут же как по команде наострили уши, даже те двое, кому сейчас предстояло сойтись в тренировочном поединке.

— Я так понимаю, ваша ученица начинает тренировку сразу за обедом. С ложкой? — мастер ди Хасс не скрывал своего отношения к «бабскому нашествию». Изменить он уже ничего не мог, но и молчать не собирался.

Женщина неторопливо и спокойно оторвалась от созерцания шелестящей кроны и посмотрела на незваного собеседника.

— Моя ученица вернется с пробежки к побережью через несколько минут, — она грациозно поднялась со скамьи. — У нас принято начинать день с рассветом, уважаемый

мастер.

— К побережью? — грозно выкатил единственный глаз ди Хасс. — Дурацкие выдумки! Это в трех милях отсюда!

— Совсем рядом, вы правы, — пожала женщина плечами. — Зато можно хорошо размяться в воде, заплывы по утрам полезны для общей формы. К тому же ваш повар обрадовался такой оказии, а Иллис любезно согласилась захватить на обратном пути какие-то особенные водоросли, без которых он жить не может.

Пока мастер ошеломленно разевал рот, чтобы достойно ответить на эту чушь, женщина оживилась:

— Ну вот и она. Почти вовремя.

Глава 6

Закончившие разминку парни во дворе разрывались надвое: всем хотелось послушать такой интересный разговор, тем более что эту новую рессу под деревом не оглядел только ленивый. Но не пропускать же из-за него бой «титанов». Князь и Принц — эти могут показать класс! А если втихую поставить на возможного победителя — еще и денег можно срубить влегкую. Вот только как угадать? Они оба хороши, каждый в своей манере.

Вот досада, так и косоглазие можно заработать!

Зрелище и впрямь было достойное внимания. Противники не уступали друг другу ни в силе, ни в ловкости, ни в умении, ни в упорстве. Бой шел до первого пропущенного удара.

Оба выкладывались по полной, и Кириан напряженно искал брешь в защите противника, применял одну хитрость за другой.

Вот зар-р-раза! Как всегда!

Норриан разгадывал все его выпады и успевал не только парировать, но и сам атаковать.

Они слишком хорошо знали друг друга.

И вдруг случилось странное — Норриан раскрылся. Глупо и совершенно необъяснимо. Всего на мгновение, но этого оказалось достаточно. Идеально, как по учебнику, Князь провел завершающий прием, который долго готовил. Остановил движение в последний момент, обозначив удар, и отступил, не скрывая торжествующей усмешки.

Есть! Давно, давно-о-о-о победа не давалась ему так легко.

— Что, ваше высочество, замечались? — ядовито начал он, отступая к краю круга, и вдруг понял, что его не только не слушают, но даже не смотрит никто! Ни противник, ни зрители... Да они даже не заметили его победы! Торк! Какого...

И этот придурок тоже! Принц, дыру ему под ноги. Куда они все вытарацились?!

Да вообще хоть кто-то обратил внимание, как красиво сделали этого торкова ди Майриса?!

И с чего у всех на лице такое выражение, словно во двор строем входят привидения прекрасных девственниц?

Князь резко развернулся, и...

Что-то перелетело через дальний, внешний забор. Что-то странное!

Через секунду Кириан приоткрыл рот и распахнул глаза ровно так же, как и вся остальная мужская братия во дворе.

Тренировочный двор был расположен в низине между двумя холмами — на одном из них, за спиной ребят, громоздились каменные бастионы древней крепости, а на соседнем — сторожевые вышки и внешняя линия ограды, после которой надо было еще спуститься к воротам по широкой дороге, открытой всем ветрам и стрелкам.

И вот по этой дороге, хорошо освещенной утренним солнцем, стремительно летела... девушка с длинными, чуть рыжеватыми волосами, флагом полыхавшими на солнце. На плечах у бегуньи ровно лежало деревянное коромысло с тяжело покачивающимися ведрами, дорога сама словно стелилась под ноги, и вообще вся эта картина была настолько нереальная, что пара человек даже протерла глаза.

Мгновение — и видение исчезло, тропинка нырнула вниз, за вторую, внутреннюю ограду. И через секунду вновь возникло, еще более ошеломляющее.

Девушка взмыла над закрытыми воротами академии, словно ее с той стороны подбросили катапультай. Коромысло с полными ведрами стремительно вращалось на

вытянутой вверх руке. словно играючи, небрежным перекатом, прыгунья скользнула к земле, вскочила на ноги, и непонятно как удерживаемое коромысло было аккуратно поставлено возле стройных, обтянутых узкими штанами ног.

Все это выглядело столь же невероятно, как если бы во дворе академии появилась, например, летающая лошадь с золотыми крыльями.

Первым опомнился мастер ди Хасс. Откашлялся и уже хотел что-то сказать своей собеседнице, но она опередила его быстрой улыбкой:

— Извините, но моей воспитаннице пора немного размяться.

Женщина привычным жестом вытащила откуда-то из-за спины широкий кинжал и дагу и неожиданно с силой метнула их прямо в остановившуюся посреди двора девушку, как раз снова поднявшую свое коромысло и отдавшую его помощнику повара.

Все ахнули, но испугаться как следует не успели. Невероятно гибким движением перехватив оба предмета, Иллис ослепительно улыбнулась наставнице:

— Что, прямо тут танцуем?

— Ну раз ты решила так выпендриться, кто я такая, чтобы тебе мешать? — невозмутимо ответила женщина, подходя почти вплотную. — Долго репетировала?

Иллис смешно наморщила нос и хихикнула:

— Да с полуночи почти... зато скажи, я звезда?

— Звездее не бывает. Ничего глупее придумать не могла?

— Пф-ф-ф-ф!

— Только попробуй сейчас схалтурить: на глазах у этих твоих новоявленных поклонников по заднице надаю, как девчонке-салаге, поняла? Поехали!

После этих слов наставница резко разорвала дистанцию, и в ее руках сверкнули собственные дага и кинжал.

В следующий момент картинка словно смазалась, настолько быстро двигались две женские фигуры. Только коротко звякнул отбитый кинжал, и снова все замерло. Иллис и ее противница, словно в танце, медленно двинулись по кругу, не прекращая поединка взглядов.

— Кстати, ты почти опоздала, — как бы вскользь заметила старшая женщина.

— Пришлось ждать, пока готовили посылку для повара, — Иллис снова улыбнулась. — Не страшно, водичка сегодня чудесная.

Светская беседа совершенно не вязалась с действиями соперниц: медленное кружение внезапно сменялось свирепыми и стремительными атаками, вихрем солнечных зайчиков в начищенном оружии и звоном стали.

Они кружили по двору, кружили... словно нарочно давая всем желающим рассмотреть Иллис во всех подробностях.

Сейчас ее лицо никто не сравнил бы с тарелкой, а саму девчонку с вешалкой. Горящие азартом и весельем глаза, завораживающе гибкие, кошачьи движения и брызжущая буквально во все стороны энергия. Впечатление усиливалось чуть влажными после купания волосами, небрежно и быстро собранными в хвост на затылке, чтобы не мешали. Все это делало Иллис такой... нет, не красивой, но яркой, живой, притягивающей, что от нее невозможно было отвести глаз. Ну и пусть она не была похожа на томных столичных ресс, что считались эталоном красоты, и фигура у нее скорее мальчишеская, и нос в веснушках...

Все равно все смотрели не отрываясь.

Даже мастер ди Хасс, правда выражение его единственного глаза было скорее

задумчивым.

И вдруг, так же внезапно, как начался, поединок прекратился.

— Опять руку щадишь, — наставница одним движением отправила оружие в ножны. — И нижние защиты надо еще доработать. Не расслабляйся, девочка. И поменьше выпендривайся.

— Да, мастер Анелла, — коротко кивнула Иллис, возвращая оружие наставнице. — Сейчас и займусь, — она посмотрела на приделанный в развилке двух деревьев турник чуть в стороне от основной тренировочной площадки.

Их разговор прервало деликатное покашливание. Подошедший к девушкам ди Хасс выглядел непривычно без своей вечной едкой нахмуренности.

— Полуденный? — коротко спросил он у старшей. И, получив утвердительный ответ, словно сам себе и сказал: — Теперь понятно...

Он отступил на шаг и неожиданно глубоко, уважительно поклонился, прижав сжатую в кулак правую руку к груди.

— Имею честь представиться. Старший мастер Первого Егерского, Ариард ди Хасс, к вашим услугам, рессы. Разрешите выразить вам свое глубокое уважение.

— Старший мастер-рейнджер Анелла Кордейл, — так же уважительно склонила голову наставница.

— Младший мастер-рейнджер Иллис ди Рианн, — повторила ее поклон девушка, но сопровождала это такой лукавой и непосредственной улыбкой, что старый вояка не выдержал и улыбнулся в ответ.

Вот это точно было уже из разряда небывалых чудес. Ди Хасс улыбнулся?! Что дальше? У всех присутствующих вырастут крылья Эйро и прямо во дворе академии зажжется новая Звезда Амонтильера?!

Нет, ну а что... события примерно одинаковой вероятности же!

Глава 7

Группа парней потихоньку зашевелилась, зашелестела, словно исполнила команду «Отомри!». Все не могли прийти в себя от удивления.

Но ди Хасс быстро навел порядок в рядах своих подопечных, и на дальнейшее удивление у парней просто не осталось времени.

Кириан не был исключением. Разве что в одном — выступление Иллис не только порядком удивило, но и разозлило его. Он, Эса ди Кейрош, привык быть первым во всем! Ну, не считая Принца, которому иногда удавалось взять верх, но это временные трудности. И тут на тебе... какая-то рыжая пигалица, конопатая... коза! И уже мастер-рейнджер. И ди Хасс на нее смотрит с таким уважением, как никогда не смотрел на своего лучшего ученика. Торк бы побрал эту девку...

Однако на лице Кириана очень скоро не осталось ни удивления, ни возмущения. Он вел себя так, словно ничего неожиданного для него не произошло. Подумаешь... Это мы еще поглядим, кто будет в центре внимания.

— Чего встали, оболтусы?! — мастер ди Хасс уже вполне пришел в себя. — Живо разбились на пары и отрабатываете первый комплекс! А вы двое... — сумрачный взгляд уперся в вечных соперников, — что торчите, как два праздничных столба, возомнили себя непрезвзойденными бойцами? Думаете, работа не про вас? Шевелитесь!

Толпа зажужжала, глядя, как два злейших врага медленно сходятся. Норр со спокойной ухмылкой, Кириан — со злым прищуром. После того, что они только что видели, их готовность доказать, чего они стоят, достигла своего предела.

Тем более что Иллис тоже с большим интересом смотрела на них. Комплекс упражнений, который она выполняла, вполне позволял уделить внимание зрителю.

На этот раз первым ударил Князь. Норриан уклонил ся, и они завертелись в хороводе резких выпадов, ложных движений и атак. Оба были первоклассными бойцами, и, хотя в этой нешуточной схватке не было и следа той грациозной легкости, с которой недавно кружила по двору Иллис, она была по-своему красива. Танец силы и ловкости завораживал.

Противники выкладывались до последнего, но силы были равны. И только постепенно Кириан стал уставать. Он ведь выложился в предыдущей схватке больше противника и уже почти не нападал, а только вяло отбивался и медленно отступал назад, одновременно разворачиваясь лицом к солнцу.

Иллис с удвоенным интересом следила за его маневрами. Зачем он это делает? Ведь это очень невыгодная позиция — солнце прямо в глаза и... Дальше все произошло очень быстро — мастер отвлекся на младших воспитанников, и тут же в руке у Кириана что-то блеснуло. Ах ты! Но артефакты же запрещены в учебных поединках? Или нет?

Норр на мгновенье зажмурился и тут же был сбит на землю тяжелым ударом. И уже в следующее мгновенье над ним навис Князь, занося руку для добивающего удара. Вообще-то он собирался, как в прошлый раз, всего лишь обозначить его, но не успел.

— Стоять! — ди Хасс с невероятным для грузного тела проворством оказался рядом с воспитанниками. — Разошлись!

— Вставай, — с Норрианом мастер тоже особенно не стал цацкаться, просто подал руку. Тот с некоторым трудом поднялся. Он промолчал, но, если бы взгляд мог убить, на месте Князя осталось бы только выжженное пятно.

Тяжело дышащий Кириан тоже отошел в сторону. Даже всклокоченный и помятый после драки, он умудрялся выглядеть элегантно. На взгляд Норриана он ответил снисходительно-торжествующей улыбкой. Эта ухмылка не сошла с его лица и тогда, когда в поле его зрения попала Иллис.

Она смотрела на Кириана пристально, чуть прищурив глаза. Потом вдруг как-то насмешливо прищурилась и приподняла уголки губ, демонстративно погладив себя по

пальцам правой руки. Торк! Заметила!

Кириан все еще улыбался, но к серому цвету его глаз прибавился стальной оттенок, и взгляд стал более напряженным. Заметила, да? Ну и что теперь? Расскажешь всем? Нет?

Улыбка девушки стала презрительной. Смерив Князя взглядом, она отвернулась как от чего-то не стоящего ее интереса и даже, возможно, противного.

«Все-таки не расскажешь, — довольно ухмыльнулся про себя Князь. — Я так и думал».

— Произошла досадная ошибка, господа, — сказал он небрежным тоном, проходя мимо Норриана и окруживших его друзей. Я рассчитывал помериться силами с ар'гардами, а получил малявку-первачка, который даже удар-то держать не умеет, — сказав это, он, окончательно довольный, удалился в окружении своей свиты.

— Я его когда-нибудь убью, — совершенно спокойным, будничным голосом произнес Норр. — Пошли, ребята.

На Иллис он не смотрел. Точнее, старался не смотреть, но не видеть ее не получалось. Да ни у кого не получалось, девушка была в центре всеобщего внимания. Она тоже закончила тренировку и направилась в здание, на ходу приводя прическу в порядок. За ней ушла и наставница. Двор постепенно опустел.

«Может, надо было сдать этого смазливового задаваку? — думала Иллис по пути в купальню. — Нет, начинать жизнь на новом месте с кляузы неправильно. К тому же этот... Норриан тоже прекрасно видел, что его победили нечестно. И промолчал. Значит, мне соваться тем более не стоит. При том, что в настоящем бою никто не будет разбирать, честные ты приемы используешь или нет, — может, так и надо? В смысле, не жаловаться и не орать о том, что противник нарушает правила, а быть всегда настороже и учиться выигрывать даже у жуликов? Хм... если так, то мой новый сосед вдвойне неплох... Как там его? Серебряный Принц? Смешные...»

— Ну что, все еще не хочешь в род жены? — проходя темными после яркого солнца коридорами, поинтересовался Габриэль, пихая локтем в бок Майса.

Тот лишь что-то невнятно буркнул себе под нос и ускорил шаги.

— Ну и как вам... кружавчики? — он снова вернулся к этому разговору, когда парни уже приняли душ и вернулись в свою комнату.

— Я бы сказал — стальные... — задумчиво произнес Норриан, застегивая форменный китель.

— Слышал, Майс, — захохотал Гай, — железки — это точно по твоей части. Одни свои железки с ее кровати убрал, чтобы там другие очутились. Хочешь, могут тоже твои стать?!

— Эй, ты бы поостерегся шутить, — улыбнулся Норриан и кивнул в сторону хмурого Майса, — а то ведь зарычит сейчас. Да как бы не покусал...

— И не задушил железной хваткой! — развеселился вдруг обычно задумчивый Льен.

— Главное... — Габриэль уже с трудом говорил из-за смеха, — главное, чтобы...

И тут Майс действительно зарычал. Ему и так было несладко — прошедшая тренировка породила такой сумбур чувств и мыслей, что впору лопнуть, а тут еще эти... эти... гады!!!

— На тебе железку! — озверевший блондин запустил в приятеля первой попавшейся под руку железякой, метко пнул в лодыжку не успевшего увернуться Льена и попытался огреть Норра запчастью от старинного арбалета, но был пойман, скручен и водворен на кровать.

— Ты что, перегрелся? — вполне дружелюбно осведомился Норр, какое-то время удерживая вырывающегося Майса. Тот еще пару минут злобно сопел, а потом вздохнул и попросил Габриэля:

— Отдай крышку от коробки...

— И не подумаю! — ворчливо отозвался товарищ. — Сначала кидаешь непонятно куда... — крышка действительно улетела мимо увернувшегося парня за его кровать, — а потом крышку ему отдай!

— Нечего было уворачиваться, — старательно мрачно пробурчал Майс. — Она легкая.

— Сам факт покушения на верного друга — уже возмутителен! — из-под кровати голос Габриэля звучал глуховато, но все так же ехидно.

— Иди к демонам, — вяло отозвался Майс. — А она красивая...

— Кто, крышка?

— Да нет же, Иллис...

На этот раз остальные не нашли что ответить.

Глава 8

«Слава Хеллес, хоть тут равноправия не потребовали», — думала Иллис, с удовольствием погружаясь в теплую воду. Преподавательская купальня каждое утро и каждый вечер была в ее распоряжении. Волей-неволей выделенная роскошь чуть улучшила настроение. А еще появилось время обдумать события последних дней. Иллис давно знала, что от поступления в академию хотя бы на год не отвертеться. Ее собственное обучение в Ордене безжалостно прищипывали под эти сроки.

Чем не повод, чтобы невзлюбить это место заранее?

Но теперь, когда схлынула усталость от двухдневной бешеной скачки, когда удалось нормально выспаться, а тело еще звенело энергией и радостью движения, все предстало в другом свете.

Иллис вспомнила невольно подслушанные разговоры соседней по комнате и фыркнула. М-да, любопытно, что будет дальше.

Потом ее мысли перескочили на недавний поединок.

Перед глазами встало красивое лицо, искривленное надменной гримасой. Девушка передернула плечами. Вот тоже подарочек. Почему-то появилось отчетливое ощущение, что этот задавака и фанфарон еще доставит ей массу проблем. Красивый подонок...

Ладно, это дело будущего. А сейчас пора выбираться из воды и бегом на занятия.

Нетрудно догадаться, что стало предметом обсуждений всей академии в этот день. Однако тон, которым говорили после утренней тренировки про Иллис, был совершенно другим.

Все как-то резко вспомнили, для чего существует на земле Амонтильера Полуденный Орден.

История была невеселая, но за столько веков привычная. Когда-то давно группа магов решила захватить власть над континентом при помощи призванных из другого мира сил. Вот только то ли рассчитали они свой ритуал неправильно, то ли у тех самых сил было другое мнение на этот счет...

Но случилось что случилось. Через гигантский прорыв хлынули чужие этому миру твари, безжалостно уничтожая все живое вокруг, а опустевшую территорию меняя под себя.

Остановить вторжение удалось с огромным трудом и ценой больших жертв. Легенды тех времен рассказывали о том, как короли Амонтильера, владеющие самой сильной магией этой земли, отдали свои жизни и крылья, чтобы построить цепь сторожевых башен, между которыми выросла магическая стена, отсекающая зараженные земли.

И тогда же возник Орден рейнджеров. Вот только оказалось, что находиться поблизости от стены, поддерживать артефакты сторожевых башен и пресекать попытки прорыва с той стороны могут только женщины. Странная магия чужих убивала мужчин быстро и неотвратимо, так что предкам скрепя сердце пришлось уступить право воевать тем, кому этим не полагалось заниматься никогда.

Женщинам, точнее молодым девушкам.

А еще с тех самых пор повелось, что в свите короля обязательно должна была присутствовать мастер-рейнджер. И если Иллис появилась здесь и она из Полуденных... значит, наследник все же здесь, среди них?!

Вот так вот сразу все переменялось — никто, в отличие от вчерашнего дня, сегодня уже и не думал называть ее рессой с пальцами или бледным летающим насекомым. И относиться к ней стали уважительно.

Еще бы!

Если уж мастеру ди Хассу не зазорно ей кланяться... И несмотря на все это, Иллис

продолжала оставаться некой экзотической диковинкой, которую охотно обсуждали, но с которой никто не спешил общаться.

Она и сегодня приковывала к себе взгляды, теперь все больше восхищенные, но никому не пришло в голову просто подойти к ней и заговорить. Исключение составлял лишь Князь.

Теперь он внимательно, хотя и украдкой, присматривался к своей соседке по парте. Если бы она могла видеть его лицо в этот момент, она прочла бы в нем открытую неприязнь.

Но стоило ей обратить на него внимание — и взгляд Кириана становился издевательски-насмешливым. Он не упускал ни одного случая запустить в нее какой-нибудь ядовитой остротой.

Сначала Иллис отвечала только чуть недоуменно приподнятой бровью, мол, малыш, это ты тут лопочешь? Во всяком случае, именно эти слова слышались Князю в ее чуть ироничном молчании.

И чем дальше, тем больше Кириан испытывал непонятный внутренний зуд. Что злило больше всего — он не мог понять причину. Почему-то все время вспоминалось, с каким пренебрежением эта девчонка отвернулась от него во дворе, когда поймала на жульничестве.

Торк, он победил, а это главное! Он всегда побеждает, даже если для этого приходится идти на хитрость. Его так учили, так всегда поступал отец, и Кириан видел результаты. А тут — казалось бы, какое ему дело до того, как на него посмотрела какая-то дура из Ордена?!

Больше всего было обидно, что эта коза своим появлением испортила его триумф над Норрианом, и теперь вместо радости и удовольствия на душе непонятная хмарь и досада.

Молча сносить неприятности Кириан не привык, потому и доставал соседку как только мог. И злился все больше — да какого торка! Смотрит как на расшалившегося пятилетку.

Впрочем, уже к вечеру он добился «прогресса». Девушка перестала его разглядывать, словно диковинную зверушку, и начала отвечать. У-у-у... лучше бы и дальше молчала.

Теперь приходилось трижды думать, прежде чем в очередной раз открыть рот, и готовить язвительные реплики заранее, чтобы совсем уж не теряться. К восторгу или ужасу присутствующих, язычок у девушки оказался не менее ядовитым, и в долгу она оставаться не привыкла.

К вечеру Кириан почувствовал себя выжатым, как половая тряпка, и злым, как легендарный змей-троехвост, которому оттоптали все три хвоста и мило улыбнулись напоследок.

Так они и жили всю следующую неделю. Ар'гарды глазели, кто исподтишка, а кто и открыто, но завязывать более близкие отношения не осмеливались. Кириан и Иллис перебрасывались все более едкими словечками, а дружная четверка настороженно следила за происходящим.

Отношения их с новой соседкой пока сводились к дежурному «доброе утро» и «спокойной ночи». Парни чувствовали себя напряженно в ее присутствии, и на большее их решимости не хватало. Сама девушка не торопилась что-то менять, тоже приглядывалась. Напряжение нарастало, пока не произошло несколько событий одновременно.

— Что, эта выскочка тоже будет участвовать? — Князь был неприятно поражен.

— Она ар'гард-выпускник, с какой стати ей стали бы запрещать участие? — Вайрис пожал плечами и полез в словарь.

Кириан и его «первый заместитель» готовились к занятиям в дальнем углу библиотеки и заодно обсуждали предстоящую в ближайшие выходные долгожданную большую игру.

«На дороге лисий хвост, кто поймает, тот прохвост!» — кричали когда-то на младших курсах ровесники Кириана, обиженные тем, что эта ежегодная забава доступна только ар'гардам старших курсов.

А кто не хотел бы поучаствовать в захватывающем приключении — преодолеть сложный маршрут в горах, ориентируясь по зашифрованным в карте подсказкам?! Да еще верхом, в одиночку, рискуя... Хотя, конечно, риск был в основном в воображении мелюзги. Все маршруты были заранее проверены и перепроверены, никто не стал бы подвергать серьезной опасности детей аристократов.

Пару раз было, что какой-то оболтус сверзился с коня и сломал ногу, еще один легендарный двоечник как-то умудрился заблудиться в двух шагах от старта, и на этом все.

Но тем не менее игра, официально носившая название «Лисья тропа», пользовалась бешеной популярностью среди учащихся академии. Были свои фавориты, свои команды поддержки... Естественно, Кириан был среди первых, как и Норриан.

И вот теперь в этот и без того тесный круг возможных претендентов на победу нахально втискивается какая-то девка, которая даже не участвовала в отборочных играх все прошлые годы!

— У нее неплохие шансы, — как бы вскользь проговорил Вайрис, исподтишка поглядывая на своего друга и покровителя.

— Да ладно! Кто она такая, чтобы принимать ее всерьез? — фыркнул Кириан.

— Мастер-рейнджер вообще-то, — пожал плечами его приятель. — Ты считаешь, что ей будет трудно просчитать маршрут и проехать по горам? Очнись, она из пограничья и даже, говорят, ходила в рейды к стене, а там... сам знаешь. Я не удивлюсь, если эта пигалица всех сделает.

Кириан сжал зубы так, что скулы побелели. Ну не-ет уж!

Глава 9

Вечер накануне игры всецело был посвящен подготовке. Готовился и Князь. Не сам, конечно. Двое младших мальчишек проверяли и чистили его амуницию, еще один занимался сапогами. Сам Кириан с задумчивым видом полулежал на своей кровати у окна, когда в дверь постучали. На пороге возник паренек, по виду курса с четвертого.

— Я принес то, что вы просили, — сказал он, сжимая в руках небольшой сверток.

— Тише! — Кириан сверкнул глазами. — Не стоит говорить об этом вслух...

Вскоре парнишка радостно сбежал к себе вниз по лестнице, зажав в руке золотую монету; ему не впервой было выполнять такие поручения старшекурсников, и всегда это было прибыльным занятием. А Князь тем временем, развернув сверток, произнес:

— Очень хорошо-о... — и многозначительно улыбнулся. Что же, ресса рейнджер... мы всего лишь восстановим справедливость, не так ли?

А то явилась на все готовенькое, опытная следопытка. Подумаешь!

Нет уж, Кириан слишком долго шел к этой победе, и если Норриана он готов был принять как достойного соперника и сразиться с ним за баллы к общему рейтингу выпускника, то выскочку из Ордена следовало поставить на место.

Ничего серьезного, ничего опасного, просто маленькая шутка. Каверза. Совсем детская... Подумаешь, ресса следопыт придет к финишу последней. Кроме ее самолюбия, никто не пострадает.

Рано утром Кириан, одетый в черный с серебром костюм для верховой езды, заканчивал последние приготовления. Он придумал блестящий план, и теперь до его осуществления оставалось совсем немного.

Двор потихоньку оживал, собирались участники игры, подтягивались младшие классы и преподаватели. Первые должны были получить карту маршрута — каждый свою. Вторые — лицезреть их торжественное отбытие и отправиться напрямик на место финиша, где и состоится последний этап гонки и награждение победителя.

Участники игры придут туда позже, они найдут это место только после того, как им удастся найти все подсказки и разгадать их.

Кириан тоже отправился во двор. Мальчишки из его подшефного отряда — соколята — несли за ним его амуницию. Князь, даже не глядя на свою свиту — настолько был уверен в том, что выдрессировал их на отлично, — засунув хлыст под мышку, высматривал кого-то в толпе соревнующихся.

— Ага, — коротко сказал он наконец, обращаясь то ли к мальчишкам, то ли к самому себе. — Свободны!

— Удачи, Кириан, — преданно произнес младший мальчик.

— Спасибо, — не поворачивая головы, равнодушно ответил Князь. Он увидел того, кого искал.

Иллис поправляла перевязь на простой, но удобной кожаной куртке и с интересом осматривалась. Взгляды украдкой и в упор ей стали уже привычны. Но сегодня она даже отвечала на некоторые из них открытой улыбкой.

Раздалась команда на построение, и через несколько минут радостные и взбудораженные участники с картами в руках направились каждый к своей лошади. Все это время Князь не выпускал Иллис из виду, крепко сжимая что-то кармане куртки. Он оказался рядом с ней ровно в тот момент, когда девушка вошла в двери конюшни.

Полутьма в помещении после яркого солнца во дворе была только ему на руку. И как только девушка вскрыла конверт со своим заданием и картой маршрута, чтобы рассмотреть ее, Кириан незаметно выставил вперед ногу. Совсем чуть-чуть, но этого хватило...

Карта улетела куда-то в темный проем, а сама девушка, споткнувшись, едва удержалась на ногах.

— Как вы неосторожны, ресса! — злоумышленник любезно улыбнулся, галантно поднял упавшую бумагу и подал ее Иллис. Так это выглядело со стороны. Никто не понял, что случилось на самом деле. Ведь никто не мог видеть, как он всего на одно мгновение прижал ее карту к своей, заключив между ними маленький красный кружок.

— Благодарю, ресс Кейрош, вы так внимательны и любезны, — Иллис вежливо улыбнулась, но глаза у нее стали ледяные. Заср-р-ранец! А то она не видела, что он нарочно это сделал. Дать бы по шее... но нельзя. А зато вот так можно!

Словно невзначай, она изо всей силы наступила подкованным каблуком прямо на носок щегольского княжеского сапога.

— Карту забрать не забудь...те! Рес-с-са корова! — только и смог прошипеть Князь в ответ.

— Непременно! А что, галантность уже закончилась? Быстро вы сдулись... ваше сиятельство! — мило улыбнулась девушка, любуясь следом кованой подковки на отполированном сапоге.

Их диалог вдруг прервали. Подошедший Майс, держа в поводу двух лошадей, немного смущенно кашлянул и посмотрел на девушку из-под светлой челки с тихим восхищением.

— Ресса Иллис, это ваша... Я подумал...

Тут он заметил Князя, стоящего в тени, и замолчал на полуслове, переводя взгляд с него на девушку и обратно.

— Браво, Майси! Экзамен на пажа-подкаблучника сдан на отлично! Осталось поцеловать туфельку прекрасной рессы и растечься у ее ног лужицей! — не скрывая злобы, посоветовал Князь, перед тем как отойти. Он едва заметно прихрамывал.

Иллис пожала плечами в ответ на тревожно-вопросительный взгляд белобрысого соседа по комнате и благодарно кивнула, забрав у него повод. До старта оставались считанные минуты.

Примерно через час после того, как участники разъехались по горам, каждый следуя своим путем, Иллис натянула поводья и снова достала карту. Она давно чувствовала смутное беспокойство. Если в начале маршрута подсказки встречались довольно часто, то вот уже полчаса она пробиралась по едва заметной тропе, не встречая ничего похожего. Ни одной ловушки, ни одного условного знака, указывающего на мишени или специальные закладки с предметами, которые надо собрать.

Может, так и надо? Игра, которую она поначалу даже не приняла всерьез и согласилась участвовать просто потому, что всем выпускникам положено проявить себя на лисьей тропе, неожиданно оказалась интересной.

И ей пришлось нешуточно постараться, чтобы ничего не пропустить и не превысить заданное время. Она как раз размышляла над тем, что в академии очень неплохо подготовили своих выпускников, когда краем глаза уловила что-то неправильное. И запах... Такой знакомый, но забытый резкий запах.

Лошадь стала вести себя странно. Поводила ноздрями, пряла ушами и нервно всхрапывала. Иллис успокаивающе похлопала ее по шее, но это не помогло. Шаг, другой по тропе — и вдруг животное с диким ржанием резко взвилось на дыбы, чуть не выбросив всадницу из седла.

Ранее спокойная, даже флегматичная, кобыла словно взбесилась. Она беспорядочно металась по склону, неслась то по тропе, то в самые в самые заросли, громко испуганно ржала, вставала на дыбы. Да что за?!

Иллис уже с трудом держалась в седле и прилагала невероятные усилия, чтобы успокоить каурую. Без толку. В какой-то момент между скачками и взбрыками девушка

вдруг с ужасом вспомнила, откуда ей знаком этот запах. Нерх! Хеллес, только не это! Малейшего дуновения этой пылицы достаточно, чтобы самая смирная лошадь взбесилась и попыталась если не убить, так сбросить наездника. Но как оно оказалось здесь, так далеко от пограничья?!

Хрипящее животное тем временем вынесло девушку на скалистую площадку, по краям густо заросшую кустарником. Иллис уже поняла, что пытаться совладать с животным гораздо опаснее, чем спрыгнуть.

Лошадь, взбрыкивая, летела, не разбирая дороги, и в какой-то момент едва не сбила другого всадника, разминувшись с ним буквально на расстоянии вытянутой руки.

Да что ж такое, торк! Надо прыгать! Так, вон вроде место подходящее... только бы...

Она почти успела. Почти... Потому что в следующий момент кобыла резко шарахнулась вправо, копыта ее заскользили по камням, испугав еще больше, и, выметнувшись на край неожиданно возникшего в зеленом просвете обрыва, несчастное животное в очередной раз встало на дыбы, пытаясь сбросить с себя всадницу, а потом резко рухнуло на бок, перекатившись на спину.

Глава 10

Иллис едва хватило времени высвободиться из стремян. Изо всех сил оттолкнувшись, она прыгнула, но неудачно. Обломки скалы с шелестом поехали из-под ног.

Она, без сомнения, полетела бы с обрыва вслед за градом камней, если бы не Майс, пушечным ядром вылетевший из зарослей. Он успел скатиться с лошади почти одновременно с девушкой и в отчаянном прыжке дотянулся до ее руки. Но их везение было недолгим. От сотрясения крошащийся, изъеденный временем край обрыва откололся от скалы и рухнул в пропасть.

Когда улеглась пыль, стало тихо. И вдруг откуда-то из-под обрыва послышалось:

— Пчхи! Ой... держись!

Иллис успела схватиться за какой-то сухой, торчащий из расщелины корень буквально чудом. Исцарапанные до крови, покрытые пылью, пальцы были белыми от напряжения: другой рукой она не менее крепко вцепилась в перевязь Майса. Тому держаться было вовсе не за что, он повис значительно ниже, над самой пропастью.

— Хватайся за меня и подтягивайся. Сможешь? — девушка старалась не дергаться, чтобы беречь силы.

— Попробую... — ответили ей снизу, и сразу вслед за этим последовал резкий рывок.

Иллис закричала зубами от напряжения, но удержалась.

Майс подтянулся, изо всех сил стараясь причинять девушке как можно меньше беспокойства, и уперся ногой в чуть выступающий камень стены. Чтобы удержаться, ему пришлось обхватить Иллис обеими руками, и теперь он находился в такой близости от нее, что дыхание перехватывало. Какое-то время они молчали. Камень, который служил Майсу опорой, оказался непрочным. Одно неловкое движение — и вылетит из-под ног. Корень, за который держалась Иллис, тоже не внушал доверия. Долго им так не провисеть...

Все это технический ум Майса просчитал в момент, и он тяжело задышал. Никаких шансов...

— Ресса... Иллис, послушай... — камень угрожающе покачнулся, и руки Майса, вопреки его решению, еще сильнее обхватили талию девушки. — Вместе мы не выберемся... а у тебя... должно получиться...

Майс попытался разжать руки, но не тут-то было, они вместо этого сцепились насмерть. Тогда Майс закрыл глаза и выровнял дыхание. Они все равно упадут, а так, может, хоть она...

— Жаль... жаль, что мы не познакомились поближе, — едва слышно прошептал он и начал медленно отпускать ее.

— Б...!!! Рехнулся?! — яростно зашипела Иллис, снова хватая парня одной рукой, на этот раз за шиворот. — Идиот! Нашел время в благородство играть! — она говорила сдавленным от напряжения голосом, подтягивая его ближе к себе.

— А ну держись сам, ...! Я не железная! И только попробуй отпустить! Падать будем вместе, понял? — от злости у Иллис открылось второе дыхание. Правда, возникли серьезные опасения, что оно будет последним... Если только кто-нибудь не появится в ближайшее время. А кто тут может появиться?

Майс сам себе был противен, когда с огромным облегчением снова крепко обхватил девушку. Экспрессия и энергичность, с которыми выражала свои чувства «сестра по несчастью», шокировали его, и он уже открыл рот, чтобы возразить, но тут корень закрипел, и на головы им начала сыпаться земля. Боясь утянуть Иллис за собой, он послушно прижался к ней всем телом и неожиданно подумал, что, если бы не такая безумная ситуация, он никогда бы не позволил себе даже коснуться ее.

«Какой бред в голову лезет!» — мелькнула мысль.

Однако сегодня благосклонная судьба не отвернулась от них окончательно. Роняющая пену, все еще дико взбрыкивающая кобыла девушки, избавившись от всадницы, пронеслась сквозь лес и выскочила на поляну, где как раз в этот момент сошлись маршруты троих друзей Майса.

Одного взгляда хватило на то, чтобы все трое, не сговариваясь, рванули в ту сторону, откуда прискакала лошадь без всадника.

Выскочив на открытое пространство, они сразу заметили гнедую Майса, спокойно пасущуюся недалеко от обрыва.

— Ма... кха... — от испуга у Габриэля перехватило горло. — МАЙС!!!

— Мы здесь! — висящие под обрывом ребята закричали одновременно. У Иллис вдруг закружилась голова — от облегчения.

— Помогите!

— Мы идем, держитесь! — Норр жестом остановил остальных, затем лег на землю и осторожно подполз к самому краю. — Т-торк! Гай, Льен, сделайте блок! Быстро!

Но поторапливать их нужды не было. Парни и сами сообразили, что надо делать, и уже связывали свои ремни и перевязи, сделав на концах каждой из них по петле. Затем они закрепили полученную конструкцию на лошади Габриэля и, подведя животное к краю, насколько это было возможно, протянули оба конца Норру. Тот осторожно спустил получившуюся страховку вниз.

— Вставляйте ноги в петлю и держитесь! Гай, тяни!

Только когда через пару минут едва не погибшие парень с девушкой были в четыре руки вытянуты из пропасти, все выдохнули.

— Спасибо... — Иллис отползла подальше от края обрыва и бессильно перевернулась на спину. Руки и ноги дрожали. И какое-то время было не выдать из себя ни слова.

— Эй, благородный рыцарь, ты как? — наконец она повернула голову, чтобы видеть упавшего рядом Майса.

Вопрос мог бы показаться издевательством, но в тоне девушки не было ни капли насмешки.

— Хреново... — честно ответил он и тут же спохватился, виновато заморгав. — Простите!

— Ой, да ладно! Зато познакомились... поближе! — Иллис попыталась сдержаться, но не смогла и захохотала, дико и безудержно, сбрасывая напряжение. — Ой, Хеллес... Ой... ну скажи, где бы мы еще так здорово пообнимались, не рискуя показаться развратниками?!

Брови Майса поползли вверх, и он с трудом приподнялся на локте, вопросительно уставившись на Иллис. Она смеялась так заразительно, что и у него губы невольно расплылись в улыбке.

Наверное, Майс представил себе, как нелепо должно было выглядеть их «знакомство», потому что через минуту он хохотал, опять повалившись на траву. Остальные посмотрели-посмотрели на это безобразие... Льен фыркнул, Габриэль смущенно потер переносицу, Норриан иронично приподнял бровь... а потом поляна дружно грохнула — не удержался от смеха никто.

— О-о-ох... — Иллис в изнеможении прикрыла глаза рукой. — Да, хорошенькое приключение. Спасибо, ребята.

— Всегда к вашим услугам, прекрасная ресса, — Габриэль вытер выступившие от смеха слезы и посерьезнел: — Так что все-таки случилось?

— Я выехал на плато, и тут вдруг она. Чуть в меня не врезалась — и к обрыву... — выдал Майс то небольшое, что он знал. Все взгляды скрестились на Иллис.

Девушка села, пошарила по карманам и достала смятую карту. Развернув ее, она покачала головой:

— Я так и знала.

— Что? — коротко спросил Норр, и взгляд его стал настороженным.

— Карта, — Иллис ткнула пальцем в бумагу. — Да сами смотрите, еще не все слиняло. А полчаса назад тут был совсем другой маршрут. Если судить по тому, что здесь нарисовано сейчас, я должна была проехать вот этим ущельем, но я свернула в сторону, вслед за стрелками, которых больше нет. Похоже, ложные отметки увели меня с проверенной егерями территории, и в конце концов моя лошадь наскочила на куст нерха.

— Что?! — хором ахнули парни. — Нерха?!

— Ага, — Иллис невольно потерла плечо, здорово ушибленное во время прыжка с лошади. — У него очень летучие семена, и иногда ветер уносит их очень далеко от границы. Егеря регулярно очищают обитаемые места от этой гадости, но меня-то понесло по дикой тропе...

— Понятно... Кто-нибудь прикасался к карте? Вспомни, это важно, — вклинился в разговор Габриэль.

— А ка-а-ак же... — непонятным тоном проговорила девушка. — Еще бы не прикасался... Майс? Помнишь, когда ты мне лошадь привел? Ты видел?

— Князь... — кивнул Майс, и лицо его сделалось очень жестким. — Опять Князь...

— Что он сделал? — не успокаивался Габриэль. — Брал ее в руки? Проводил по ней рукой?

— Дай вспомнить... Он поднял ее с земли, держал в руках... — Иллис помрачнела, — но на моих глазах и не больше нескольких секунд, — она резко встала и поправила одежду. — Он не мог ее подменить, и потом — сейчас все изменения исчезли, карта стала прежней.

Глава 11

— Подождите... — молчавший до сих пор Льен поднялся со своего места. — Я что-то такое слышал... про новомодный розыгрыш... Кажется, кто-то из аристократов придумал, как подшутить над не слишком родовитыми приятелями, с помощью кратковременной иллюзии изменив содержание письма от одной дамы к одному юноше... Там фокус был в том, что даже почерк изначального послания копировался, а вот написанное менялось на то, что заранее заготовил шутник. Но это очень дорогая игрушка, и... с ее помощью можно не скопировать карту, но изменить маршрут, и никто не догадается.

— Ясно, у кого на такие шутки денег хватает, — зло выдохнул Габриэль. — А значит... ничего не докажешь. Ведь маршрут на карте стал прежним, все поправки исчезли. Любая попытка обвинить Кейроша в саботаже и подставе будет похожа на оправдание собственной невнимательности. Спорим на что угодно, именно этого он и добивается? Либо Иллис молча придет последней и опозорится, либо... еще сильнее опозорится, пытаюсь доказать чей-то злой умысел.

— М-да-а... Это насколько же он меня испугался, что рискнул таким дорогим артефактом? — задумчиво проговорила Иллис. — Неужели эта игра так важна для него? Но это же просто соревнование, забава!

— Ну-у... — Льен почесал в затылке и прищурился на солнце. — Не такая уж забава. Набранные баллы идут в общий зачет и отражаются на выпускном рейтинге. Всякому хочется набрать побольше.

Иллис понимающе кивнула и вдруг спохватилась:

— Баллы? В общий зачет?! Демоны! Вам надо ехать, иначе не успеете к финишу и вообще ничего не наберете!

— Боюсь, что уже не успели, — Норриан в задумчивости сделал несколько шагов к своему коню, но остановился. — Так что нет никакого смысла пороть горячку.

— Мне жаль, что из-за меня... — начала девушка, но ее дружно перебили.

— Еще чего! Из-за тебя, как же! Даже не думай об этом! Причем тут ты, когда во всем виноват Кейрош!

— Теперь он точно придет первым, раз Норр выбыл, — чуть погодя, когда возмущенный хор голосов умолк, резюмировал Майс. И вздохнул: — Нам надо будет как-то объяснить свою задержку... То-то радости будет у Князя, когда он поймет, что одним выстрелом убил сразу двух кархов! Это будет его триумф!

— Хм-м-м... хм... — Иллис задумчиво посмотрела на парней. — Если хорошо подумать...

— Поехали, по дороге и подумаем, а то, если задержимся слишком надолго, нас начнут искать. Не хотелось бы... Кстати, нужно поймать твою лошадку, — заметил Норриан, поднимаясь с травы и протягивая Иллис руку, чтобы провести ее к своему коню. Там он подсадил девушку в седло и сам вскочил следом.

Остальные трое лишь ругнулись про себя на собственную несообразительность.

— Спасение прекрасной дамы! — со смешным пафосом заявила Иллис уже с коня и скорчила веселую рожицу. — И пусть все завидуют!

— О, это точно! — обрадовался Майс, взбираясь на собственную лошадь. — Мы будем в центре внимания, и...

— Слушайте! — девушка вдруг подпрыгнула в седле, и Норр едва успел ее удержать. — У меня есть идея! Как вы смотрите на то, чтобы подпортить одному заносчивому жулику его триумф?!

Парни переглянулись. И после короткого молчания Габриэль засмеялся и кивнул, отвечая сразу за всех:

— Наш человек! Конечно, Иллис, мы только за!

История про то, как четверо ар'гардов спасли девушку, которая сбилась с пути, поехала по непроверенной тропе и наткнулась на куст нерха, отчего ее лошадь понесла и едва не сбросила несчастную с обрыва, многие годы передавалась потом среди воспитанников академии. Со временем она обрастала подробностями, пока, наконец, окончательно не превратилась в школьную легенду.

Иллис и ребята нарочно не стали ничего придумывать и много врать, они всего лишь слегка переставили акценты в своем рассказе.

И... и... и что дальше было — это надо было видеть! Ха-ха! Все забыли о победителе, ему наскоро сунули грамоту с количеством заработанных баллов, торопливо поздравили и перенесли все внимание на «бедную девочку» и ее спасителей.

Князь остался стоять на пьедестале чуть ли не с открытым ртом. Такой подставы от собственной остроумной выдумки он никак не ожидал! Это что вообще?! Это как?!

Его блестящая победа, его триумф обернулись фарсом! И ни в какое сравнение не шли с «героическим подвигом» ненавистой четверки.

Главное, Кириан, стоя в стороне от восторженной толпы почитателей, крутившихся вокруг Иллис и ее соседей по комнате, все никак не мог понять: какого торка? Ну спасли... Да вранье это все!

Нет, конечно, яснее ясного было, что эти проходимцы сочинили историю от начала и до конца. Но как, вот этого он решительно не мог понять, как и когда они умудрились спеться с этой выскочкой?

Конечно, Князь продолжал вести себя как Князь. То есть после первого короткого замешательства взял себя в руки и ничем не показывал, как его злит ситуация. А злила она сильно.

Кириан презрительно смотрел на «героев», а над «несчастной девой» попытался привычно поиздеваться, намекая на то, что прыжки через забор, видимо, плохо помогают справляться с жизненными трудностями.

Но и здесь он не преуспел: в ответ Иллис закатывала глазки и томно рассуждала о том, что с такими защитниками любая девушка может позволить себе быть слабой.

Причем она умудрялась дать понять всем окружающим парням, что и их тоже ставит в один ряд с героями. Так что восторженные взгляды были обеспечены, а на Князя народ посматривал не слишком дружелюбно, поскольку тот смел обижать нежную рессу, спасти которую теперь втайне мечтал каждый. Впрочем, о сегодняшнем победителе скоро вообще позабыли, по третьему разу слушая красочный рассказ Иллис в лицах.

Это был удар в больное место. Всю свою жизнь в академии, с самого первого курса, Кириан трудился над своей репутацией. Он взращивал ее как цветок. Он холил и лелеял общественное признание, он учился и тренировался с маниакальным рвением. Он должен был во всем быть первым. Ему это было жизненно необходимо.

Уже в конце первого курса у Кириана появилось свое окружение, а на втором он получил прозвище Князь. Некоронованный король Рандара. Он всегда был в центре внимания, он добивался этого любой ценой. И вот теперь, из-за какой-то безродной девчонки, все то, чего он достиг, улетело к торкам!

Кончилось тем, что он подловил Иллис, когда никого вокруг не было, и ядовито прошипел:

— Думаешь, вам удалось всех провести? Я прекрасно знаю, что ваши рассказы про падение с лошади, спасение и героизм — наглая выдумка! Ниоткуда ты не падала, просто запуталась в простейшей карте и проиграла!

— Конечно, — спокойно и насмешливо подтвердила Иллис, глядя ему прямо в глаза. — Я знаю, что ты знаешь. Но никогда ничего не докажешь. Это как с той картой, в которой я запуталась, только без артефакта — дешево и сердито. Некоторые умеют так играть, чтобы и банк сорвать, и за козыри не переплатить. Учитесь, ваша светлость!

Она шуточно раскланялась и отошла к ребятам, даже не оглянувшись на побелевшего от злости и унижения Кейроша.

Глава 12

— С ума сойти, всего две недели прошло после игры? — как-то днем задумчиво заявил Майс, сидевший на своей кровати и вдумчиво перебиравший разбросанные по всему одеялу магемы.

— Примерно, — отозвался Норриан, отрываясь от книги, разглядел, чем занят его сосед, и невозмутимо прокомментировал: — Опять будешь отстирывать покрывало ночью и в холодной воде прямо перед проверкой?

— Чего это! — возмутился было Майс, но тут же ойкнул и схватил одну из деталей будущего магомеханизма, как раз ту, что норовила оставить масляное пятно на сером казенном покрывале. — Да ну... сейчас уберу. И вообще, я не об этом. Просто мне странно... и кажется, что... — он посмотрел на ставшую уже привычной зеленую ширму, — что Иллис была тут всегда... а вам?

Льен тоже поднял голову от книги, а Габриэль отложил сбрую, которую он чинил, и задумчиво покивал:

— Ага... да попробовало бы не казаться. Я в первый раз в жизни такую встречаю, и вообще, когда ее поближе узнаешь — она совсем другая же!

— Да уж! Ни одна ресса не смела бы все наши великосветские расшаркивания к торку, — со смешком согласился Норриан. — Да еще с такой великосветской любезностью...

Все четверо одновременно переглянулись и заржали.

— Сумасшедшая она... но, — через минуту задумался Габриэль, почесал нос, нахмурился и подвел итог: — Мне с ней рядом тепло. Странно, да?

— В голову бы не пришло, что мы сможем дурачиться как в детстве, стоит только одной чокнутой рессе нас подначить, — согласился Льен.

И опять все улыбнулись. И правда ведь, никто не мог так мгновенно поднять настроение в комнате, никто не вносил в повседневную, обычную жизнь столько солнца, сколько эта девчонка. С ней не получалось быть на расстоянии — она бесшабашно сметала все условности и рамки, при этом умудряясь не скатываться в панибратство или неуважение. С ней одинаково легко оказалось дурачиться и заниматься делом, болтать о пустяках и советоваться в чем-то серьезном. Первоначальная мальчишечья влюбленность в некий отдаленный, хотя и прекрасный образ сменилась искренней симпатией к живой, близкой и удивительно теплой Иллис.

— Четыре идиота и драная коза! — Кириан презрительно отвернулся от окна, заметив во дворе проклятую девчонку и ее соседей.

От Князя, конечно же, не ускользнул тот факт, что «четверка» окончательно и бесповоротно превратилась в «пятерку». Он сам себе не мог объяснить, почему его это злило. Как она... как она... посмела!

Самое паршивое, что у Кириана никак не получалось ее достать. Он прощупывал вариант за вариантом, от утонченного завуалированного хамства до почти прямых насмешек, и везде наткнулся на прочную броню. Ну, то есть как броню... больше всего его бесил чуть недоуменный и внимательный взгляд, которым девушка отвечала на его подколки. Ему казалось, что эта безродная выскочка смотрит на него как на мальчишку! Глупого и вздорного, неспособного даже... даже... задеть по-взрослому!

А если она отвечала — было еще хуже, потому что у женщины не должно быть такого ядовитого и точного языка! Женщине предписано природой смущаться, тушеваться, краснеть и опускать глаза! А эта смеет... Торк!

Он пробовал раздобыть про нее информацию в попытке найти что-то такое, что могло бы ее уязвить, но и тут не преуспел. Ничего особенного про род ди Рианн узнать не удалось.

Да и не удивительно: в Орден «Полуденных» уже давно попадали либо сироты, либо дети из чахнувших малоизвестных родов, тех, что не в состоянии вырастить своих детей сами. Попасть в Полуденный Орден фактически означало исчезнуть из семьи.

Князь все же взял этот факт себе на заметку. Он никогда не торопился, не делал чего-то впопыхах — придет время, и эта карта сыграет. Пока же он вернулся к проверенной тактике, тонко уловив, что неприятности новых друзей все же отражаются на настроении Иллис.

Ха! Тут как раз было проще простого. Зря, что ли, он с этими бездарностями с первого курса учится? Их реакции и мягкие места известны ему наперечет.

Легче всего было достать Габриэля или Майса. Вспыльчивый носатый брюнет чуть что — сразу лез в драку. За что в прошлые годы не раз попадал под строгое взыскание. Блондинчик был не такой воинственный, но и его вывести из себя было просто.

А приятнее всего то, что сам Князь в таких ситуациях всегда оставался холодным, как лед, и просто наслаждался бурным кипением вспыльчивых дураков, выставляя их неадекватными и агрессивными личностями.

Сложнее дела обстояли с Льеном и Норром, этих толком не достать, из себя не вывести — Принц сам кого хочешь заледенит своим этикетом и аристократизмом, а Льен... Этого даже трогать не интересно — серая невзрачная посредственность, и реакции у него такие же серые, никакие, в пустоту.

Чтобы добиться своего, действовать приходилось совсем по-другому. И от прямой тактики подначек и ядовитых подколов Князь переходил к интригам. Он собирал сведения и выискивал болевые точки. Это стоило изрядных трудов, но и здесь он считал себя непревзойденным мастером.

А вот с Иллис... Как найти ту ниточку, за которую можно подергать, Князь не знал.

Незаметно подошло время очередной увольнительной. В маленький городок у подножия холмов, на одном из которых и расположилась академия Рандар, компания отправилась в полном составе.

Кириан видел их отъезд из окна. Двор был полон мелкоты, рассыпавшейся по нему, как горох. Младшие воспитанники еще не ходили в город. Это была привилегия ар'гардов. Но выходной никто не отменял, поэтому во дворе было оживленно — все спешили воспользоваться теплым осенним деньком. Какое-то время Князь смотрел, как клубится пыль на дороге, ведущей в город. Пальцы его задумчиво постукивали по подоконнику. Затем он резко развернулся и вышел.

Так-так-так...

Прогуляться, значит, пошли... показать выскочке город...

Ну и к торку. В конце концов, слишком много внимания какой-то безродной девке. Из-за нее Кириан запустил собственные дела и развлечения — куда это годится?

Он сам себе не мог признаться, что его чем-то задевает такая стремительная близость между Иллис и Норровой четверкой. Если бы ему кто-то намекнул про ревность — Кириан бы искренне рассмеялся. Еще чего!

Кого он там может ревновать? Эту рыжую козу с фигурой палки? К парням? Или, того хуже, своих вечных соперников к какой-то пришлой пигалице, которая влилась в эту компанию легко и непринужденно, тогда как сам Кириан когда-то...

Чушь какая!

Глава 13

Мальчишкам не терпелось показать Иллис свои любимые места, прогуляться с ней в чудесном городском парке, походить по улицам и под конец заглянуть в маленький уютный трактирчик, где подавали изумительно вкусное мороженое.

Иллис и самой все это было в удовольствие, она всегда была компанейской девчонкой, и ей нравились новые места и новые впечатления, тем более что в пограничье, где в основном и располагались земли Полуденного, таких городов не было.

А еще ей было дико любопытно наблюдать за одним феноменом. Вообще, парни из ее комнаты ей нравились все — они оказались отличными ребятами. Но на фоне жгуче-темпераментного Габриэля, рассеяннo-обаятельного милашки Майса и настоящего аристократа Норриана четвертый член этой компании как-то... словно все время был в тени. Он был ужасно милым, добрым, внимательным, веселым, и... и все.

И вот тут, в городе, Иллис словно открыла для себя Льена заново.

Начать с того, что каждая из попадавшихся навстречу женщин — от малявки-цветочницы до почтенной матроны из булочной — встречала компанию радостными улыбками. И все они улыбались в первую очередь этому русому парню с неприметным на фоне ярких друзей лицом.

Они все старались привлечь внимание именно Льена, что-то рассказать, чем-то угостить. А на его фоне и остальная компания вызывала добрые чувства, даже Иллис, хотя она привыкла, что часто незнакомые девушки, особенно горожанки, смотрят на одетых в мужские костюмы орденки неприветливо.

Льен же купался в этом внимании как рыба в воде. Было видно, что он искренне рад каждой из своих собеседниц. В каждой видит нечто, достойное восхищения, для каждой находит какие-то особенные, только ей предназначенные слова.

И улыбка у него вдруг оказалась совершенно ослепительная, и глаза из невзрачно-серых вдруг превратились в ярко-синие... и вообще весь он был такой, что очень скоро Иллис перестала удивляться тому, как все встречные женщины летят на его мягкое обаяние, как мотыльки на огонь.

Так, болтая и пересмеиваясь, перекусывая на ходу свежайшей сдобой, полученной в дар от булочницы, компания добралась до маленькой площади в центре города.

— Доброе утро, ресс Льен! — послышалось откуда-то из бокового переулка. И тут же приветствие повторилось едва ли не хором. Из открытой двери большой швейной лавки выглядывали несколько молоденьких белошвеек, весело хихикающих и толкающихся локтями.

— Ресс Льен, а правда, что вы в одиночку остановили целый табун взбесившихся лошадей и спасли десятерых ресс? — крикнула одна.

— О, я уже не одна, меня много! — восхитилась Иллис под общий смех и несколько смущенное покашливание самого «героя».

— Если бы я всю белошвейную мастерскую кормил мороженым на последние карманные, я бы тоже ресс сотнями спасал! — смеясь, Габриэль хлопнул друга по плечу. — Иллис, это такая история! У этих милых девочек сломался гладильный барабан и сжег кучу белья. Мы мимо шли и через раскрытое окно увидели эти хоровые рыдания. Так вот наш дамский угодник женских слез не переносит, притащил им половину кондитерской лавки! А потом пошел и вправил мозги владельцу заведения, чтобы не смел свое кривое оборудование вешать на работниц! Дело было громкое и кончилось... кхм... строгим взысканием для кое-кого.

— Да иди ты! — Льен все же пересилил смущение и тоже засмеялся. — Зато милые рессы перестали плакать и поняли, что в жизни бывают и добрые чудеса. Оно того стоило!

— Жизнь — она вообще штука разная, — улыбнулась Иллис. — Вот кстати, швейная

лавка, говорите? Я отлучусь на секундочку, пошущукаюсь с девушками о своем, о женском. Подождете меня?

— Ладно, полчаса в твоём распоряжении, — величественно разрешил Норриан, и все снова засмеялись.

— Не мелочись, — возразил Льен. — Тебя мы готовы ждать хоть всю жизнь!

— Ну ты действительно герой... — в притворном ужасе покачал головой Майс.

— Девчонка и швейная лавка — это же синоним вечности!

Иллис показала ему язык и, смеясь, скрылась за дверью. Развеселившиеся друзья уже направились было к скамейке в тени деревьев, как за их спиной раздался знакомый голос.

— О да! Героизм ресса ра Сайеша не вызывает никаких сомнений, равно как и его дворянское происхождение... — Кириан вышел из за угла, как обычно кривя губы в саркастической усмешке. Ребята прекрасно знали, на что он намекает: двадцать лет назад брак молодой аристократки и негодянта-нувориша в свете открыто называли мезальянсом. Льен носил фамилию отца с гордостью, несмотря на то что был всего лишь вторым Сайешем, получившим право на дворянскую приставку «ра».

Еще в прошлом году этот трюк срабатывал — парни заводились с пол-оборота, пусть не сам худородный ресс посредственностью, но его дружки. А сегодня... Льен просто пожал плечами, глядя на Кириана с улыбкой, Габриэль отвернулся, а Норриан сделал вид, что очень занят полировкой ногтей и вовсе ничего не слышал.

Князь мысленно скрипнул зубами и искоса глянул на свою «команду поддержки». Он-то рассчитывал на зрителей, когда затевал это представление. И что?

Целая стайка юных ресс, дочек местных купцов и мелких дворян-землевладельцев. Все они вились вокруг него каждый его приезд в город и втайне мечтали выйти замуж за богатого и родовитого красавчика. И теперь они сопровождали его разноцветной жеманной стайкой, с готовностью хихикая над любой шуткой. Князя такое окружение вполне устраивало, это была благодарная публика и прекрасный хор подпевал, с готовностью подхватывающих каждую его остроту. Но сейчас их дружное хихиканье пропало зря — четверка идиотов не поддалась, только Майс быстро отвернулся и пробормотал что-то себе под нос.

Кириан оживился, увидев в этом слабину, и с готовностью перебросил огонь своей язвительности на новую цель, остановив свой взгляд на аккуратном перелицованном парадном кителе, надетом по случаю выхода в город.

— Надо же, Майси, как тебя зацепила эта орденская дурнушка. Ты даже решился нацепить выходной костюмчик, а я-то думал, ты его бережешь, как древнюю реликвию — чтобы не развалился от ветхости. Кажется, наследство дедушки? Ах, как жаль, что твое многочисленное семейство не может позволить себе обновок чаще чем раз в сто лет... Наверное, доходы от беспородных несушек из вашего знаменитого курятника не столь велики?

Норриан оставил в покое свои ногти и быстро положил руку на плечо вскинувшемуся Майсу, а Габриэль зло пнул подкатившийся под ноги камешек и сказал вполголоса:

— Такой хороший день был...

Он со своей стороны придержал за локоть дернувшегoся Майса и продолжил уже в полный голос:

— Неужели наш высокий ресс снизошел до обычной пешей прогулки среди простонародья? А как же его княжеское достоинство?

— Что тебя смущает? — «не понял» Кириан. — Прогулка в обществе достойных — не зазорное дело для дворянина. А вот ты, как я вижу, предпочитаешь общество, равное тебе по сути... — Он сделал легкий нажим на слове «равное», и девицы за его спиной одобрительно зачирикали.

Они давно уже бросали осуждающие взгляды на ар'гардов, водивших «недостойные» знакомства с прислугой, и брезгливо поджимали губки. Беседовать с простыми прачками... фи...

— Ну и гуляйте, высокий лорд, в равном обществе, — Габриэль пытался говорить любезно. — А мы как-нибудь сами разберемся.

— Не помню, чтобы я спрашивал твое мнение, — сверкнул глазами Князь.

— Не помню, чтобы мы приглашали тебя сюда, — в тон ему ответил Гай.

— По-моему, твои дамы заскучали, пока ты пытался острить, — вмешался молчавший до этого момента Льен, любезно улыбнувшись девицам. — Это невежливо по отношению к прекрасным рессам, не находишь?

К резкой досаде Князя, парочка дурищ не устояла и даже откликнулась на эту улыбку! Ну нет, так не пойдет.

— Я не нуждаюсь в ваших советах, ресс-люблю-прачек, — ележно улыбнулся Кириан, стараясь поставить на место Льена и одновременно напомнить девицам, кто есть кто... Но он уже понял, что громкого скандала, в котором можно было бы выставить четверку в невыгодном свете, не получится. Жаль, жаль... ну хоть настроение им подпортил. А то шляются по городу такие довольные, аж тошно. Кириана это злило, хотя он сам даже не отдавал себе отчет почему.

Просто чувствовал злость и досаду. Впрочем, как всегда, еще с тех пор, как эти придурки на первом курсе не захотели принять его в свою компанию и в комнату.

Так что обойдетесь, рессы ар'гарды, без хорошего настроения в выходной!

Льен отвернулся, Майс в который раз дернулся, Габриэль сжал его плечо еще крепче. Только Норриан внешне оставался спокоен, хотя и в его глазах прочно поселилась злость. Может, дожать? Нет, это будет уже слишком нарочито и отразится на репутации самого Кириана, несмотря на то что девицы из свиты, без сомнения, подтвердят любые его слова.

Тут наконец дверь швейной лавки хлопнула, и Иллис с ходу оценила ситуацию:

— О, какая встреча! — она адресовала Князю на редкость пакостную улыбку. — Это все ваши поклонницы, лорд Кириан? Вы пользуетесь... спросом, я смотрю.

Глава 14

друзья, обратите внимание, сегодня на мою книгу «Аркан душ» скидка 35 %;))))

— Рессе завидно? — развеселился вдруг Князь. — Еще не поздно попасть в их число. Если вы постараетесь... — он хотел сказать что-то вроде «постараетесь больше походить на девушку», но не успел.

— Ну что вы, ресс, разве я достойна? — перебила Иллис и еще пакостнее улыбнулась. — А кроме того, я никогда не любила общественной собственности. А то, знаете, то, что ходит по рукам... быстро истреплется.

— Наконец-то хоть один достойный противник, — «искренне» восхитился Кириан, про себя скрипнув зубами. — Учитесь, — перенес он свое внимание на замолчавшую четверку, — вот как надо острить!

— Не беспокойтесь, ресс, я позабочусь об этом, — тут же отозвалась девушка. — Раз вы сами не против послужить учебным пособием и так рветесь в бой... по вашему поведению я вижу, что вы равнодушны к моим друзьям и не откажетесь помочь, верно?

— Боюсь, вы ошибаетесь, ресса, — Князь пренебрежительно дернул плечом, стараясь не выдать охватившего его странного чувства. — У меня нет времени ни на вас, ни на ваших подопечных. Всегда найдутся дела поинтереснее, да и мои спутницы уже утомились в вашем обществе, верно, рессы? Идемте, я не хочу быть неучтивым по отношению к вам, — и он церемонно подал руку одной из стайки девушек.

— Ага, я три дня за вами бежал, чтобы рассказать, как вы мне безразличны, — тихонько хмыкнула Иллис, глядя вслед гордо удаляющемуся Кириану. — Весь город обегал.

Парни не выдержали и захохотали, а уже отошедший на приличное расстояние Князь только еще сильнее выпрямил спину и задрал подбородок, показывая, что ничего этого он не слышал и вообще не воспользовался дурацким предлогом, чтобы попросту сбежать от неудобного разговора, где все непонятно как обернулось против него.

— Ну ты даешь, Иллис! — с восторгом проговорил Габриэль, отсмеявшись. — Правда ведь, весь город небось обошел, чтобы найти и прицепиться!

— Мне кажется, он действительно к вам равнодушен, — пожала плечами девушка. — Вот прямо смотреть спокойно не может, словно вы у него из-под подушки последний пряник украли. Ну, или дружить не приняли, а он очень хотел и обиделся.

Парни озадаченно замолчали, обдумывая эту мысль. Как-то слишком по-детски она звучала, и в то же время...

— Знаешь... — смущенно пожал наконец плечами Льен. — Это смешно, но когда-то так и было. На первом курсе. Нам было по десять-одиннадцать лет, малышки совсем, только-только из дома. Это долгая история, и не сказать, что мы в ней во всем были правы. Но это так давно случилось, мы и думать забыли. Вряд ли Князь до сих пор помнит. Хотя... он с тех пор, кажется, и не изменился. Как был скотина белобрысая, так и остался.

— Ну, может, у него просто природная вредность, не знаю, — Иллис наморщила нос. — В любом случае и что бы там ни случилось, это не повод семь лет ходить с кислой рожей и капать ядом на все поверхности. Сам себе злобный кролик.

— Да ну его, — Майсу надоело обсуждать Кириана. — Пошли в «Кабана и розу», сегодня там фирменные пироги матушки Розетты. Вот это дело стоит внимания даже через века, не то что какой-то там надутый Кейрош!

Тем же вечером Кириан стоял у окна и смотрел, как на темно-синем небе кто-то с той стороны протыкает тонкой иглой дырочки звезд. Одна, вторая... Делать ему, что ли, нечего, звезды считать? Скоро контрольная по философии древних. Ему обязательно надо сдать на высший балл, иначе отец с него шкуру спустит. В буквальном смысле...

Хотя это ерунда. Это уже привычно.

Другое что-то беспокоит...

На душе было смутно и тревожно. Вспоминать сегодняшний день не хотелось. Какого торка? Почему он так... облажался в разговоре с девчонкой? Обычной тупой орденкой, одной из тех, о ком в приличных дворянских домах не говорят иначе как о безродных потаскушках, воображающих себя спасительницами.

Тоже мне!

Кириан фыркнул и передернул плечами. Стена стоит уже тысячу лет, со времен крылатой королевы. И ни одна тварь с той стороны не может проникнуть в Амонтильер, во всяком случае дальше пограничья. Сказки о неких сектантах, добровольно приносящих жертвы тварям с помощью проклятых артефактов с той стороны завесы, — всего лишь сказки. И покушение на последнего короля тоже связано с политикой, никак не с тем, что некие силы за стеной сумели подстроить ловушку.

И кстати! Что-то не помогла королю та мастер Ордена, что была с ним в момент покушения, хотя считается, что именно для того она там и нужна! Пять лучей звезды — это наследник и четверо его соратников, а эти девки всегда были как бы выше этого и пристраивались к власти, нагнетая страх перед стеной и тварями. Хорошо устроились! Если слухи не врут, эта самая орденка даже стала женой короля и матерью наследника. Ха! Ничего себе карьера для безродной провинциалки из пограничья? М-м-м?

Вот и эта коза драная потому так много о себе и воображает, что надеется на теплое местечко возле будущего короля.

Кириан был почти уверен: слухи о том, что наследник выжил во время покушения на королевскую семью, — вранье. Там никто выжить не мог, на месте загородной резиденции осталась выжженная пустошь. А значит... значит, Звезда выберет лучшего среди представителей древних родов, того, у кого в крови больше всего наследия Эйро и лучше всего показатели по всем другим параметрам. Репутация, оценки, авторитет среди сверстников, безупречное воспитание... и мощная поддержка древнего богатого рода за спиной.

Это должен быть он, Кириан Эса ди Кейрош. Во всяком случае, его отец, Мортимер Эса ди Кейрош, сделал все для того, чтобы сын был уверен: или он станет следующим королем Амонтильера, или... лучше бы ему вообще не рождаться на свет.

Беда только в том, что временами Князь уже сам не понимал, а есть ли в этой мечте о сияющем будущем, о власти и королевской короне хоть что-то от него самого, от Кириана...

Вдруг откуда-то справа послышался скрип ставни и звонкий смех. Кириан вздрогнул и напрягся — ему показалось, что в соседней комнате, за стеной, в открытом окне послышалось его имя, произнесенное девичьим голосом. Над ним смеются, да?! Потешаются?!

Парень заскрипел зубами и резко соскочил с подоконника. Размечтался тут, идиот! Что это с ним вдруг? Какая чушь лезет в голову! Конечно, он станет королем, потому что он этого достоин и хочет этого! А эта девка... да к торку ее. Много чести — думать еще о ней. Нашла себе четверых идиотиков, ну и пусть наслаждается их компанией, было бы чему радоваться.

Кстати, если все же мечты сбудутся и Кириан станет следующим правителем Амонтильера, никаких орденов в его свите не будет. И вообще, пора указать зарвавшимся бабам их место.

Глава 15

Все благие намерения Кириана забыть об орденской выскочке и сосредоточиться на собственных делах пошли торку под хвост уже следующим утром. Стоило ему сесть с ней за одну парту, да даже просто увидеть в конце коридора чуть рыжеватую макушку, склонившуюся к кому-то из Норровой четверки, как его охватывало непонятное раздражение, которое обязательно надо было на кого-то излить.

Раньше на него почти так же действовали парни из компании Серебряного Принца, но это же давно было, на младших курсах! Он с тех пор повзрослел и научился безукоризненно держать себя в руках... ну, так он думал.

А сейчас даже яд на этих идиотов сцезивать бесполезно.

С появлением Иллис четверо друзей все меньше и меньше поддавались на его провокации. Одного ее слова, сказанного шепотом, зачастую хватало, чтобы злость мальчишек превратилась в веселье.

Даже Габриэль, раздражить которого было проще простого, теперь редко выходил из себя. Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы не один случайно подслушанный разговор. Точнее, разговоров было два, но по велению судьбы второй так и остался секретом для большинства жителей Рандара.

— Думаешь сегодня попробовать?

— Откладывать некуда. Завтра переустановят барьеры и сигнализацию, сам слышал. Последний шанс...

Кириан, шедший по коридору, резко затормозил. Что-то заставило его остановиться и прислушаться. Предчувствие? Или опыт? Опыт говорил, что из таких вот разговоров можно извлечь немало выгоды. И он не обманулся.

— А ты точно уверен, что на этот раз без осечек?

— Я все расчеты и схемы проверил трижды, но без теста на практике...

Габриэль — а один из говоривших явно был он — вздохнул:

— Ясно...

— Я над этим четыре года работал, я все равно пойду, — тихо, но твердо ответил второй собеседник. — Ты со мной? — голос едва заметно дрожал от волнения.

— Спрашиваешь! — у Гая на этот счет сомнений не было, он уже давно решил этот вопрос для себя раз и навсегда: куда Майс, туда и он.

Со стороны преподавательского крыла раздались шаги, и Кириан напрягся, приготовившись отступить в любой момент, но отступить не пришлось. Возникла небольшая пауза, очевидно люди за углом обменивались рукопожатиями. Затем в разговор вступили еще два голоса, тоже хорошо знакомые.

— Нас освободили до обеда, будем с Норром помогать с установкой охранной системы.

— А ты что задумал? Выкладывай, — Норр слишком хорошо знал Майса, чтобы не понять очевидного.

— Охранной системы? — Майс смущенно прокашлялся. Значит, вам должен быть известен код?

— Зачем это тебе понадобился код охранной системы? — подозрительно спросил Льен. И он, и Майс отлично знали, что сказать код кому-либо ребята не имеют права. Это все равно что разболтать военную тайну.

— Да нет... незачем... — последовала пауза.

— Мне нужно испытать одну вещь, и я хочу... мы хотим, — Майс обернулся к

Габриэлю, — испытать ее сегодня ночью возле архива. С кодом мы что-нибудь придумаем.

— Не мог ты ее неделю назад испытать! — раздосадованно выдал Льен. — Пока с какой-то стати не придумали всю эту паранюю с усилением охраны архива, доступ к «шахматной доске» свободный был, без всяких кодов. Хорошо еще, не начало года... а то плохо пришлось бы малькам на посвящении.

— Парни, а ведь Ворон наверняка отнес задания в архив! — Габриэль почесал бровь, удобнее устраиваясь на подоконнике.

— И что? — Норриан явно догадывался, о чем пойдет речь, но это его не обрадовало.

— А то, что он помешался на своих торковых древних философах и их торковых трудах! Я не сдам.

— Что верно то верно. У меня в голове хоровод уже из этих Саур-дедов Мудрых и Клиптогадов Самых Мудрых, — уныло поддержал Майс. — Норр, как ты их вообще различаешь?

— На ощупь, — мрачно пошутил Серебряный Принц.

Кириан в своей засаде передернул плечами — древняя философия была больным местом каждого ар'гарда в этой академии.

— Или на вес! — хихикнул за стеной Майс. — Самый мудрый весит примерно вдвое больше. Ворон считает, что у нас других занятий нет, раз задает зубрить к каждому уроку по два тома их сочинений!

Грегориан ди Моэсс, по прозвищу Ворон, один из старейших преподавателей академии, фанатичный поклонник древней философии, драл с курсантов три шкуры на своих занятиях и снижал баллы за самую незначительную ошибку. А еще он обожал семестровые контрольные, и по их результатам вполне мог не допустить ар'гарда к экзаменам. На последнем курсе это было особенно весело.

Так что известие о скорой катастрофе моментально заполнило академические коридоры тревожными разговорами и унынием.

И задания к контрольной хранились в архиве... Точнее, не в самом архиве, а в так называемой учительской, просторной комнате, через которую надо было пройти, чтобы попасть к дверям, ведущим в архив.

И тут Майс. Со своим очередным изобретением... Вечно с ним влипнешь в историю... но ключ к контрольной по философии — это очень весомый аргумент. Очень. Архив парням был не нужен, а вот проникнуть в учительскую...

— Может, рискнем? — голос Габриэля звучал одновременно неуверенно и с надеждой. У него с древними философами дела обстояли совсем плохо. — Раз уж все равно кому-то приспичило испытать свой декодер?

Норр нахмурился.

Майс, судя по звукам, с энтузиазмом соскочил с подоконника; казалось, он готов бежать в архив сию секунду. Но его явно поймали за шиворот, и через секунду виновато вздохнул Льен, обращаясь к Норриану:

— Ну, ты-то можешь не беспокоиться, я понимаю. Это у нас головы чугунные, древняя философия там не приживается.

— Не болтай ерунды! — Норриан досадливо зашипел сквозь зубы, а Кириан про себя удивленно хмыкнул: оказывается, наедине со своими подпевалами Серебряный Принц гораздо эмоциональнее, чем все привыкли его видеть.

— Учить надо больше! — Норр явно разозлился, но при этом не знал, что делать. — Торк вас побери! — не выдержал он наконец. — Вы же два упрямых идиота, все равно сунетесь!

— Еще как сунутся, — подтвердил Лъен.

— Значит, так, — сказал как отрезал Норриан. — Я сам вас туда провожу. И наберу код. Испытываете свою хреновину — и назад. И НАЗАД, понятно? Никаких архивов! Никаких ключей! Сам прослежу, чтобы вы неделю головы от древних философов не отрывали, но контрольную вы напишете. Все, разговор окончен.

Слышно было, как Габриэль тяжело вздохнул.

— Ладно... доберемся до дверей, а там... видно будет. Тебе за нами дальше идти незачем, и вообще... хоть Лъен не влипнет на этот раз.

— Так я вас троих и отпустил, — хмыкнул Лъен. — Пропадете же ни за обломок прута!

— И не вздумайте втягивать в это дело Иллис! — вдруг спохватился Норриан.

— Ну ты совсем нас за идиотов принимаешь?! — возмутился Майс, а остальные его поддержали.

— Ладно, рессы ар'гарды, давайте-ка с подобными обсуждениями на более надежную территорию... — вдруг опомнился предводитель четверки, и увлекшийся подслушиванием Кириан резко отпрянул вглубь ниши, в которой он прятался.

Глава 16

Кириан дождался, когда затихнут чужие шаги в коридоре, и улыбнулся своему отражению в оконном стекле. Как интересно... Он быстро зашагал прочь, охваченный нездоровой радостью, он услышал все, что хотел... Это шанс! Шанс не только устроить неприятности зловредной четверке, но и получить ключ к контрольной.

Если бы в этот момент он имел возможность услышать другой разговор, состоявшийся за закрытыми дверями ректорского кабинета, то, вероятно, не стал бы так радоваться.

Разговор этот касался все того же архива.

Среди мальков, курсантов и ар'гардов об этом таинственном помещении ходили самые замысловатые слухи. Там хранились все личные дела всех учащихся, документы, слепки аур, информация о семейных отношениях, родовых договорах, наследственных долговых обязательствах будущих выпускников. Естественно, посторонним туда вход был закрыт. Естественно, испокон веков любопытным мальчишкам хотелось туда проникнуть... но еще ни разу не удалось.

А сейчас, когда Амонтильер переполнен слухами о выжившем наследнике, который, возможно, здесь, среди них... понятно, почему руководство решило усилить охрану архива.

Разговор велся не где-нибудь, а в кабинете ректора.

— Не стоит поднимать панику, — голос мужчины был недовольным. — За всю историю академии архив еще ни разу не взламывали.

— Я все понимаю, ресс ректор, — второй голос принадлежал женщине. — Но и вы поймите. Безопасность наследника превыше всего.

— Я знаю! — от грозного рыка, казалось, колыхнулись занавески. — Не стоит повторять это лишний раз.

— Вы в курсе, что в Инзорскую школу уже дважды были попытки проникновения? Страгос сообщает о повышенной активности на границе между северными башнями. Арадорский Дольмен тоже отмечает подозрительные шевеления и слухи. В Брадове кто-то очень осторожно пытается выяснить хоть что-нибудь о жене прежнего короля... Вы понимаете?!

— Я все понимаю, — ректор тяжело опустил в свое кресло. — Этого следовало ожидать. Где-то есть утечка... Что ж... примем все меры предосторожности. Мы добились того, что выпускницы Ордена появились в каждой академии. Это вызывает недовольство знати, слухи, сплетни. Найти в этой неразберихе правду будет непросто.

Он предостерегающе поднял руку, останавливая рвущуюся что-то высказать женщину.

— Сегодня вечером будут проведены работы по усилению внешнего периметра, завтра мы закончим сигнализацию архива и жилых комплексов. Это произойдет одновременно во всех высших академиях дворянства по всему королевству, что опять-таки не даст предполагаемому противнику ключа к разгадке.

— Не понимаю, зачем привлекать к этому курсантов, пусть и выпускников? Это небезопасно.

— Эти курсанты — в будущем опора трона, — в голосе мужчины зазвенела сталь. — Если не доверять им теперь, чего они будут стоить в дальнейшем?

Кириан стремительно шел по коридору, прокручивая в голове собственный план. Нужно было продумать все до мельчайших деталей, просчитать все варианты. И он отнесся к этому с той же основательностью и ответственностью, с какой относился к любому делу.

Четверка знает, как обойти паутину на шахматной доске... Отлично. Этим нужно воспользоваться. Задания к контрольной в архиве — очень заманчивый приз. Но ни Норр, ни Льен не позволят забрать ключ даже своим друзьям, что уж говорить о Князе.

И все же шансы есть. Есть... Значит, нужно быть поблизости, и если у Майса получится, поймать с этого выгоду. А если нет — бесплатный спектакль. Тоже неплохо.

Кириан остановился у окна и задумался. Спектакль спектаклем, а быть самому застуканным в полночный час возле архива ему не улыбалось. Слишком рискованно, слишком... Как бы обеспечить себе безопасность и при этом наблюдать за происходящим?

Невольно вспомнился первый курс и «посвящение» в курсанты. То ли бр-р-р, то ли смех, то ли подивиться теперь, какими глупыми мальками они были. Целая история.

Никто не помнил, когда зародилась в академии эта традиция. Никто не знал, кто были те, первые герои. Но когда Кириан поступил в Рандар, его первым делом ткнули носом, что пока он никто, головастик без погон, а вовсе никакой не курсант, будь он трижды Эса ди Кейрош.

А чтобы им стать, надо пройти страшное испытание!

Тьфу, вспомнить смешно... Каждой группе «головастиков» назначался куратор курсом старше, и под его надзором и руководством трясущиеся мальчишки должны были ночью залезть в учительскую, чтобы принести оттуда «трофей».

Хитрость была в том, что пол учительской, выложенный черно-белым паркетом, имитирующим шахматную клетку, был с сюрпризом.

Какому больному гению пришла идея встроить в половицы паутинную ловушку — торк его знает. Но вляпаться в нее было раз плюнуть, хотя липкие нити выскакивали вовсе не из каждой паркетины.

Опасными были не все половицы — на все просто не хватило бы энергии. Но запомнить, какие из них какие, было невозможно. Тем более что расположение ловушек в половицах меняли два раза в день.

Тут все зависело от удачи и интуиции.

Высшим шиком считалось достать одну особую безделушку, которая стояла на каминной полке почти у самой двери в архив, и при этом не попасться.

Но если уж тебя заловили — значит, все. Принимай расплату и не вздумай выдать поделничков — навек прослывешь трусом и доносчиком, а «курсантское братство» тебе не светит уже никогда.

Короче говоря, сами себе придумали приключения на ровном месте и сами в них вляпывались. Почти все.

Наказания в академии для мальчиков были... обычные. Сидеть потом с неделю больно.

Кстати, для преподавателей «посвящение» секретом не было. Официально оно не одобряется, а вот неофициально... Все выкраденные из учительской безделушки каким-то образом уже к следующему вечеру оказываются на своих местах, и все делают вид, что так и надо. А неудачников спокойно отправляют в «Арсенал», раскрывая им не только радости и привилегии курсантов, но и другую... кхм... сторону здешних порядков.

Ха! Четверка тогда вляпалась в полном составе! Несмотря на то, что Норр был уже весь из себя принц, а Майс — изобретатель на всю голову.

А вот сам Кириан сразу отличился. Для начала он попробовал задрать нос и заявил, что традиция дурацкая, а за просто так на наказание нарываюются только полные придурки.

Но его впервые в жизни подняли на смех, да еще кто — старшие ребята, курсанты и даже ар'гарды.

Ох, какой был удар по самолюбию! Его называли трусом и малявкой и демонстративно исключили из обсуждения будущего похода за славой...

Кириан передернул плечами. До сих пор зло берет, как вспомнится... и это несмотря на

то, что он тогда всех сделал!

Его одноклассники притащили «трофеи» из тех, что можно было подцепить, пройдя всего два-три шага от двери, да и то по стеночке, с минимальным риском. А он тем же утром, когда все хвастались своей удалью, бросил на стол перед старшими парнями статуэтку кота, стоящую на каминной полке у самого входа в архив — то есть в другом конце учительской!

И разом стал героем в своей группе. Жаль только, что не единственным: Норрова команда тоже отличилась, хотя их и поймали. Но это отдельная история...

Ха! Так ведь сейчас можно попробовать провернуть похожий трюк и снять сливки. А если получится обставить «закадычных» врагов и натянуть им нос — еще лучше.

Глава 17

Вечер складывался удачно. Все четверо, хотя и нервничали порядочно, старались вести себя как обычно. К счастью для них, у Иллис сегодня была какая-то сложная дополнительная тренировка после занятий. Анелла загоняла ее так, что, едва донеся голову до подушки, девушка провалилась в глубокий сон.

Парни, которые от волнения и азарта крутились в своих постелях так, словно там устроили внеочередной съезд все ежики с окрестных холмов, вынуждены были дожидаться, пока академия не затихла окончательно и не погрузилась во тьму.

Они быстро и тихо перемещались по опустевшим коридорам, изредка обмениваясь короткими фразами.

Норр шел и шепотом ругался сквозь зубы.

— Два идиота на мою голову! Не могли чего-нибудь попроще придумать. Королевские регалии, скажем, утащить...

— Да ладно! — Габриэль нетерпеливо встряхнул разлохмаченной гривой. — Сами бы справились.

Его, признаться, несколько беспокоила мысль о том, что Серебряный Принц в очередной раз готов влипнуть в неприятности просто так, за компанию.

— Справились бы вы без кода, как же... — Льен нагнал их у входа в административное крыло и быстро наступал нужную комбинацию на магикарте, светившейся на запертых дверях вместо замка.

Четверка, выдохнув, быстро и бесшумно просочилась на запретную территорию.

— Я посторожу, — Льен напряженно замер у дверей, вглядываясь в темноту пустого корпуса, а остальные осторожно двинулись дальше.

Коридор, поворот... вот и учительская. И снова код на двери, но с ним справились так же быстро.

— Точно сработает? — Габриэль с сомнением повертел в руках замысловатую штуковину с проволочными усиками.

— Осторожно, куда ты тычешь! — возмущенный Майс выхватил свое изделие у него из рук. — Я сам!

— Сам, сам... господин «ой, я нечаянно», — поддразнил Гай. — Главное, чтобы твое изобретение не взорвалось, как прошлым летом... Еле ноги унесли.

— Оно не взрывается, — Майс сосредоточенно шевелил «усами», направив их на черно-белый «заминированный» паркет. — Не отвлекай!

Сейчас Майс говорил таким тоном, что никому в голову не пришло ему возражать. И выглядел он совсем по-другому — уверенный в себе, решительный. Куда только подевалась его неуклюжесть и мягкотелость?

Светильники в комнате были погашены, но почти полная луна причудливо разрисовала темноту серебряными полосами, позволявшими довольно четко различать обстановку.

— Гай? — Майс оттянул от своей штуковины длинный ус и не глядя сунул себе за спину, несколько не сомневаясь в помощи друга. И тот, естественно, не подвел. Он не первый год был главным помощником и испытателем всех изобретений Майса.

— Держи крепко, — изобретатель быстро перебирал пальцами по сложному узору деревянного ложа, и передние усики вдруг сами живо затанцевали в такт.

— Работает, кто бы мог подумать! — пробормотал Габриэль, рассматривая затейливую мозаику из паркетин. Некоторые из них отчетливо светились. — Куда наступать, на темные или на светлые? — возбужденно прошептал он, не решаясь пока шагнуть от

порога.

— На темные, — нормальным голосом, хотя и негромко, сказал Майс. — Что ты шипишь, никого же нету.

— Испытал? — нетерпеливо переспросил Норриан, оглядываясь в коридор. — Все?

— Нет, надо пройти туда и обратно, чтобы понять, — Майс ступил на первую половицу. — И лучше не одному, а...

— А вдвоем, — кто бы сомневался, что Габриэль без раздумий двинется следом.

— Психи ненормальные, — простонал Норр, поколебался секунду и осторожно шагнул внутрь учительской.

Осторожно переступая через опасные половицы (кто его знает, насколько чувткие датчики движения в них установлены), Майс продвинулся в комнату на треть и остановился.

— Получилось... кажется. Можете попробовать! — он обменялся быстрым взглядом с лучшим другом. До ключа от контрольной меньше десяти шагов, мало ли что Норр раньше сказал, а когда будет только руку протянуть — кто знает?

Габриэль набрал воздуха в грудь и быстро шагнул на безопасный квадратик, потом на следующий. Норр тихо ругнулся сквозь зубы и пошел следом, внимательно глядя под ноги. Он чувствовал, что добром очередное приключение не кончится, но бросать друзей — это не в привычках Серебряного Принца.

Парни уже почти пересекли учительскую, когда неясный шорох заставил их тревожно переглянуться. Условного сигнала от Льена не было, но...

— Торк! — раздался тихий, но полный ужаса возглас Майса. — То-орк!

Было от чего застонать. Ну что за невезение?! Почему именно сейчас едва державшийся на честном слове шов в перегруженном железками и магемами кармане разошелся, на пол посыпались какие-то шарики, гайки и со стуком выпала рунная подкова?

Прямо на сигнальную паркетину.

— Торк! — только и успел еще раз охнуть Майс, когда серебристые нити сторожевого заклинания опутали нарушителей с ног до головы.

И ровно через секунду в темноте раздались медленные хлопки.

На пороге комнаты стоял Князь. Некоторое время он наслаждался «пейзажем» и выразительно изображал аплодисменты, а потом почти пропел:

— Нет, это гениально. Майси, на такое способен только ты. Изобрести сложнейший артефакт, собрать его самому, решиться на испытания и... вляпаться в сигналку из-за дырявого кармана и собственного раздолбайства! Как ты это делаешь, скажи?

Норриан, застывший по шею в паутине и успевший подумать ту же самую мысль, теми же самыми словами, тем не менее нахмурился:

— Что ты здесь делаешь?

— Да так. Гуляю, — ухмыльнулся Кириан. — Услышал сегодня в коридоре один интересный разговор, и дай, думаю, пройду в ночи примерно до ключа к контрольной по философии. Я так и знал, что вы облажаетесь, а мне останется всего лишь пройти по вашим следам и снять сливки.

Парни переглянулись, неловко выворачивая шеи — ловушка зафиксировала их позу намертво, — и дружно заскрипели зубами.

— А вы хорошо смотрите, рессы ар'гарды! — похвалил Князь, ловко двинувшись по следам своих предшественников к желанной цели. — Жаль, что вас не видит ваша маленькая подружка... О! Это мне пригодится, — добавил он и взял из рук неподвижного

Майса его артефактную отмычку.

— Что б тебе... в «паутину» влезть аж по уши! — от всей души пожелал ему Габриэль, беспомощно провожая взглядом.

— Это вряд ли, — промурлыкал Князь, который к этому моменту благополучно добрался до цели.

— Это вряд ли... — повторил он задумчиво и присел, разглядывая секретер у самой двери в архив. Ящики заперты на замок, но тут никогда никакой сигналки не стояло. Хорошо, что он заранее позаботился об обычной, немагической отмычке.

Довольный собой, Кириан наклонился и медленно, аккуратно вставил отмычку в замочную скважину. Пару секунд было тихо, но, как только отмычка стала поворачиваться в замке, раздался едва уловимый писк и...

Сначала вокруг воцарилась удивленная тишина. А за ней грянул такой хохот, что, казалось, даже лунные полосы на полу вздрогнули.

Глава 18

Неудачливый взломщик застыл, чуть ли не уткнувшись носом в дверь, опутанный все той же серебристой паутиной.

— О-о-ох... — всхлипывая от смеха, простонал Майс. — Гай, пожелай ему еще что-нибудь, сегодня твой день!

И все трое опять покатались от хохота.

Кириан зло молчал. Чего он не любил, так это попадать в нелепые ситуации, особенно в шаге от победы, особенно при этих...

«Идиот! — мысленно обругал он сам себя. — Но когда ее успели поставить? Еще недавно тут не было никакой сигнализации!»

Тут распахнулась дверь, и в комнату практически влетел Льен, резко затормозив на пороге и умудрившись-таки не влипнуть в паутину. Он недоуменно покрутил головой и только тогда разглядел еще одну «скульптуру» у самой двери архива.

— Это еще кто? — поразился он.

— Князь... ох... в пальто! — по лицу Майса от смеха катились слезы, а он даже не мог их утереть.

— Ах, как смешно! Детский сад рукоплещет! — язвительно донеслось от двери в архив, и Льен, приглядевшись, тихо присвистнул.

— У вас тут что, ловля князьков на живца? Не могли другую приманку выбрать?

— Нет, в основном они ловят на твое протухшее остроумие, ра Сайеш! — Кириан был раздосадован так, что буквально шипел, изображая потревоженную гадюку в паутине.

Его сарказм никто не оценил: реакция была все та же — хохот.

— Помолчи, а? — Габриэль уже не мог смеяться. — Иначе мы просто лопнем от смеха!

— Туда вам и дорога! — от души пожелал Князь, дернулся в паутине, убедился, что это бесполезно, и замолчал.

Когда все наконец отсмеялись, Норриан вдруг посерьезнел: — Смех смехом, а что делать-то будем?

Все тяжело задумались. Вариантов было немного, и все безрадостные.

— Спросите у Майса, у него богатый опыт, — ядовито предложил Кириан все от той же двери. Стоять было чертовски неудобно, устали ноги, и начинала затекать спина.

— Да... твой «поедатель нитей» нам бы сейчас очень пригодился, — заметил Льен. — Он у тебя не сохранился, часом?

Майс развел руками.

— Увы... Отобрали еще тогда...

Эту историю знала вся академия.

Майс, тогда еще маленький щупленький первокурсник с поразительно голубыми глазами и веснушками, а также фирменным неугомным мозгом изобретателя, придумал штуковину, поедающую нити сторожевой паутины быстрее, чем бедняк лапшу в голодный год.

Все сработало на отлично, и если бы не маленькая погрешность в расчетах...

— Да уж, — хмыкнул Майс смущенно. — У меня тогда почти получилось. Кто же знал, что машинка выплюнет всю съеденную паутину через три часа, да еще и прямо на меня!

— Под подушку такие вещи прятать не надо, — фыркнул Габриэль. — Не придется тогда утром просыпаться спеленатым, как заправская мумия!

Все опять засмеялись, но уже тише.

Кириан не смеялся. Чем дальше, тем больше злила его нелепость ситуации. Особенно если прикинуть шансы на будущее. Выгнать из академии, скорей всего, не выгонят. Но и в «Арсенал» попадать приятного мало, тем более в дежурство... Ой, торк! Только этого не хватало! А-а-а! Почему он не подумал об этом раньше?!

Почему-почему... Потому что не собирался попадаться.

— Значит, так, — сказал Кириан ровным голосом, будто о погоде говорил. — Сейчас ра Сайеш приведет сторожа. Попробую его уговорить перенести доклад ректору на вторую половину дня. И если у вас хватит ума держать язык за зубами...

— Это еще зачем? — подозрительно осведомился Норриан. — Зачем оттягивать неизбежное? Особенно за компанию с тобой.

— Затем, идиот, что сегодня на дежурство заступил Шандор, и, если нас отправят в «Арсенал» с утра, мы как-ак раз попадем в его горячие объятия.

— То-орк, — Майс аж зажмурился и повторил вслух мысли Кириана: — Почему мы не подумали об этом раньше?!

Все ар'гарды двух старших курсов по очереди дежурили по академии, помогая поддерживать порядок, ведя журнал происшествий и наказаний, а самое главное — они эти самые наказания и осуществляли под руководством дежурного же воспитателя.

Шандор ра Вигар с первого курса носил говорящую кличку «Звонарь». История о том, как пятеро ар'гардов-выпускников влипли в паутину, как головастики, и он их собственноручно... кхм... штрафовал, станет жемчужиной его коллекции сплетен до конца обучения, а то и дольше.

— То есть если ректор узнает о нашей вылазке после полудня...

— Дежурный уже сменится, — угрюмо кивнул Норриан. — Там, кажется, ди Зейн на очереди. Он звонить не станет... торк. И почему я опять повелся на ваши выдумки? Надо было надавать по шее, чтобы не маялись дурью, и спать спокойно.

— Потому что ты вечно против любого приключения, но искренне возмущаешься, когда оно проходит без тебя, — хмыкнул Льен. — Ладно, план принимается. Пошел за сторожем. А вы тут не подеритесь, раз уж мы теперь сообщники.

Кириан досадливо сморщился, но промолчал. Кто тебе дурак, спрашивается? Сам влип... Теперь пережить бы завтрашний день. А он будет крайне неприятным для всей компании неудачливых взломщиков. Торк, а ведь он уже думал, что достаточно повзрослел, чтобы не влетать в такое... сказочное веселье.

Следующее утро вся компания провела как на иголках. Даже Иллис в конце концов заподозрила неладное и стала задавать вопросы. Но в ответ получила только невнятные заверения о том, что все в порядке и что ей все расскажут позже.

Нервное ожидание длилось и длилось, но после третьего урока парни вздохнули с облегчением — полдень миновал.

Судя по тому, что их вызвали к начальству только после обеда, сторож не подвел.

Разговор в кабинете у ректора был не из приятных...

— Ну что же, поздравляю, рессы ар'гарды, — тяжелый взгляд ректора уже давно вошел в легенды академии.

Ресс Грарард был справедливым человеком и никогда не устраивал курсантам незаслуженных выволочек. Но если заслужил — держись.

Так что теперь все пятеро участников стояли навтыжку перед ректорским столом и не

дышали.

— Я желаю слышать ваши объяснения. Что вы делали ночью у дверей архива?

Все пятеро продолжали хранить молчание.

— Молчите, — констатировал генерал. — Ну что же. — Он еще несколько секунд пристально вглядывался в каждого из парней. Напряжение нарастало, это чувствовалось почти физически.

— Кто и когда сообщил вам о секретных документах, поступивших в архив? — за все почти семь лет своего обучения они не слышали такой сухости в голосе кумира академии.

Все пятеро потрясенно замерли.

— Нам неизвестно ничего о секретных сведениях, сэр! — вскинулся было Габриэль, но генерал его перебил:

— Молчать! — ректорский бас пробирал, казалось, до костей. — Не пытайтесь морочить мне голову! Вы были пойманы с поличным!

— Мы пытались раздобыть задания к контрольной по философии, сэр! — отчеканил за всех Норр, и в его тоне странно сочетались бравая выправка и... страх.

Остальные тоже чувствовали себя, мягко скажем, неудобно. От ректора не укрылось, как пренебрежительно скривился при словах Норра Кириан, как покраснел Габриэль и какое раскаяние плещется в глазах Майса. Однако он не собирался щадить своих подопечных.

— Охламоны! Разгильдяи! Вы кто?! Выпускники?! Или сопливые первогодки?! Что за детский лепет! Что вы там делали?! Отвечать, ар'гарды!!! — ректор не сбавлял напора. — Вы пытаетесь уверить меня, что это была шалость? — он почти выплюнул эти слова. — А я вижу здесь предательство! И моя цель сейчас выяснить, сознательно вы пошли на это или позволили использовать себя по глупости! — Он сделал паузу и тяжело продолжил: — В любом случае ни глупцам, ни предателям не место среди моих выпускников.

Глава 19

Парни продолжали стоять по стойке смирно, ведь команды «вольно» не поступало. Теперь, когда действительность проступила совсем в другом свете, глаза у всех пятерых наполнились самым неподдельным ужасом.

Секунд пять длилось общее подавленное молчание, после этого Майс сделал шаг вперед.

— Докладывает ар'гард ди Репар, ресс! Ответственность за этот инцидент несу я! Мы не предавали академию, ресс, поверьте! — закончил он, сбиваясь на неуставной тон.

— Почему я должен вам верить, ар'гард? — прищурился генерал. — Ваши поступки не вызывают доверия! — он не сводил сверлящего взгляда с Майса, который опять замер, боясь пошелохнуться. — Вы, ди Репар, должны были знать, что отключение сигнализации во время любых ремонтных работ запрещено. Также вам должно быть известно, — жестко продолжал мастер Грарард, — что малейшая нестабильность в модуле около архива в этот период влечет за собой поломку всей системы. Откуда мне знать, что вы не пытались оставить академию без защиты?

Все слушали ректора, потрясенные до глубины души. Никто из них до этой минуты не представлял, в какую передрыгу они вляпались.

— Я сделал устройство, с помощью которого нитевую охранную сигнализацию можно обойти! — отчаянно заговорил вдруг Майс. — Я работал над ним четыре года и должен был проверить... Все должно было сработать четко! Пожалуйста, сэр, не лишайте нас звания! Пожалуйста!

Ректор призадумался.

— Должно было сработать? Значит, это всего лишь очередные испытания? — спросил он сурово, а про себя хмыкнул: за семь лет можно было бы и привыкнуть к тому, что это одуваноголовое чудо жить не может без изобретений и, самое печальное, испытаний.

— И несмотря на мой запрет, курсант ди Репар, вы опять провели их самостоятельно?

Майс отвел глаза.

— И что же не сработало на этот раз?

На Майса жалко было смотреть, остальные держались немногим лучше, лица у всех сделались белыми и руки заметно дрожали.

— Все сработало, сэр! — ректор удивленно приподнял бровь. — Причина провала... внешнее воздействие, сэр!

Ректор долго переводил взгляд с одного потрясенного лица на другое. И молчал. Молчал. Молчал... пока не взорвался!

— Торковы молокососы!!! Вашу мать! Какие вы ар'гарды?! Вы... вы... вам нянька до сих пор нужна и розга, чтобы... — он снова замолчал, сдерживая гнев.

Мужчина аж покраснел от возмущения, но основная гроза уже отгремела. Это знали все в академии: если ресс Грарард перешел на крики и ненормативную лексику — самое страшное позади. Вот только спускать мальчишкам такие взбрыки он все равно не собирался.

— Значит, так. Подробно, по минутам. Как вы додумались до такой глупости, как пошли, что произошло и какое, вашу мать... воздействие вам помешало.

Пришлось докладывать... а куда деваться?

— Хорошо, — после паузы ректор говорил уже совсем другим тоном. — Я вам верю. Но! Ваша выходка от этого не стала менее возмутительной. Ди Репар, вы не могли выбрать себе более достойной цели, чем карьера взломщика?

— Нет... То есть да, сэр! Но я не взламывал сигнализацию, я подобрал шифр.

— Вы... вы хотите сказать, что сделали дешифратор к охранной сигнализации? — глаза у ректора полезли на лоб.

— Так точно, ресс! — Майс еще больше расправил плечи. Теперь к выражению его лица прибавилась гордость.

— КАК?! Ну как можно иметь такой гениальный мозг в такой пустой голове?! — ректор тяжело опустился на стул и провел по лбу рукой. — Я глубоко разочарован в вас, ар'гарды, — продолжил он через какое-то время.

Норр, Льен и Габриэль не выдержали и опустили глаза. Но ректора это не тронуло.

— Одна-единственная глупость перечеркнет семь лет напряженного труда и стремлений! Мне жаль собственного времени, потраченного на вас и ваше обучение. Но если оставить вас безнаказанными, вы так ничего и не усвоите. А значит, рано или поздно вашей карьере придет конец.

А посему...

Снова повисла пауза, мурашками прокатившись по спинам штрафников.

— Учитывая обстоятельства и то, что вы не стали лгать... — продолжил ректор, — я дам вам еще один шанс. Другого не будет. Вы получите не просто строгое взыскание. Самое строгое, — генерал Грарард пронзил взглядом каждого по очереди. Кроме Кириана. На него он не смотрел. — САМОЕ строгое взыскание. На моей памяти такого не было уже много лет. Но вы — заслужили.

Парни, обмирая, следили за тем, как генерал быстро достает из стола плоскую деревянную коробку и на свет появляются четыре ярко-красных картонных квадрата величиной с половину тетрадного листа. Уже года два, как они забыли цвет штрафных карт... Ар'гарды всегда считались слишком взрослыми и редко получали строгие взыскания, потому что к этому возрасту уже успевали усвоить понятия «можно» и «нельзя»... Позор... И вместе с тем все вздохнули свободней: какая бы ни ждала их порка, какой бы ни был позор, это все равно было лучше, чем вылететь из академии.

— О ваших махинациях с философией будет доложено мастеру ди Моэссу. Результаты контрольной я проверю лично! А также буду пристально наблюдать за вами до самого выпуска, и не вам дай бог... еще раз где-нибудь «отметиться». Приказ понятен?

— Да, ресс! Есть, ресс! — ответили четыре голоса одновременно.

— От доклада о выполнении наказания я вас освобождаю. Свободны! Эса ди Кейрош, остаться.

Четыре руки отдали честь. Четыре фигуры резко развернулись на каблуках и строевым шагом пошли к выходу.

— Курсант ди Реар! — Майс застыл уже на пороге. — А вам явиться со всеми чертежами и пояснениями, а также с прибором не позднее завтрашнего вечера!

— Есть, ресс! — Майс вздохнул и скрылся за дверью.

Едва четверо друзей выскочили из приемной в коридор, как отдувающийся, словно после бани, Габриэль выпалил:

— Нет, ну вы подумайте, и у ректора Князек на особом положении! Сейчас поблажку получит.

— Не думаю, — Льен задумчиво потер лоб. — Как бы не наоборот. Он у самого архива попался. Шпионские намерения налицо.

— Если он выкрутится, я его сам...

— Да наплевать на него, — Норр был особенно мрачен. — Ну и влипли мы, господа... по самые... уши.

— Главное, не выгнали! — Майс был несколько излишне, на взгляд остальных, весел. —

Подумаешь, «Арсенал».

— Вот и подумай, — досадливо мотнул головой Норр. — Это тебе не просто... «Арсенал» — это... — он щелкнул ногтем по твердому картонному краю штрафной карты и сунул ее в карман. — Сумели мы выделиться, что и говорить...

— Да брось, Норр, не убьют же, — легкомысленно отмахнулся Гай, чей арсенальный опыт за время учебы на младших курсах был самым внушительным. — Ну, выдерут. Не в первый раз.

— Выше нос, короче! Могло быть и хуже, — Льен, как обычно, поддерживал боевой дух компании. — Пошли отсюда, пока еще штрафов не получили в довесок.

А в кабинете тем временем генерал Грарард впери́л тяжелый взгляд в вытянувшегося по стойке смирно Князя.

— Ты понимаешь, что я вынужден буду сообщить обо всем твоему отцу? — после долгой паузы спросил мужчина.

Кириан побледнел еще сильнее, хотя казалось, больше и некуда. Впервые за все время разговора у него задрожали губы и пальцы.

— Не надо, пожалуйста... только не отцу... назначьте мне любое наказание! — в голосе парня зазвучала мольба.

— Любое наказание? — длинные сильные пальцы побарабанили по столешнице какое-то время, потом замерли. — Самого строгого взыскания для тебя недостаточно, Кириан. Ты понимаешь это? В отличие от остальных, тебя поймали у самой двери в архив, и твои мотивы можно истолковать по-разному. А учитывая ту особую ответственность, которая на тебя возложена...

— Да, ресс. Я... — Князь с трудом скрывал волнение и стыд, но все же выпалил: — Я готов получить двойное... только не надо вызывать отца! Пожалуйста!

Ректор молчал почти пять минут. Сидел, опять выстукивал какую-то мелодию на полированной столешнице. Всмотривался в напряженно вытянутую посреди кабинета фигуру ар'гарда.

— Хорошо, — наконец вымолвил он. — Двойное самое строгое взыскание, ар'гард. Возьмите, — по столу скользнули две красные карты.

— Есть, ресс! Спасибо, ресс! — неожиданно севшим голосом поблагодарил Кириан.

— Можете идти, ар'гард.

Кириан вылетел из кабинета с такой скоростью, словно им из пушки выстрелили, и не менее стремительно унесся по коридору в сторону жилого корпуса.

— Мальчишки... — себе под нос проворчал ректор, убирая в стол коробку с красными карточками. — Я вам устрою взломы и приключения! Такое устрою, на всю жизнь запомните...

Он еще немного посидел в одиночестве, что-то обдумывая. Не перегнул ли он палку с Кирианом? Пожалуй, нет. Превратить орду непоседливых мальчишек в образцовых аристократов само по себе нелегкая задача. Научить их быть не просто аристократами, но и настоящими мужчинами еще сложнее.

Прошло еще несколько минут, прежде чем он вызвал секретаря:

— Принесите мне список дежурных выпускников.

Глава 20

— А я тебе говорю: хватит отговорок! — в голосе Норра прорезались раздраженные нотки. — Философию тебе все равно придется учить, хочешь ты или нет. Ты что, хочешь лишних неприятностей? Майс, ты что, опять за чертежи засел?!

— Надо пояснения написать, пока сидеть еще мож... — извиняющийся голос Майса был прерван скрипом двери. — О! Привет, Иллис!

— Угу, — девушка прошла через комнату, вопреки обыкновению даже не глянув на парней, и запустила свою сумку куда-то за ширму таким злобным пинком, что та сдавленно квакнула.

Майс вопросительно уставился на Норра, но тот лишь пожал плечами.

— Что-то случилось? — осторожно поинтересовался Льен.

— Ничего, — Иллис пихнула в сторону ширму так, что та с треском сложилась, и плюхнулась на кровать, сминая покрывало. — Все просто великолепно.

Парни замолчали, не зная, как реагировать. Такой Иллис еще никто из них не видел.

Она тоже молчала некоторое время, покачивая ногой в начищенном сапоге.

— Вы когда-нибудь бывали в «Арсенале»? — неожиданно спросила девушка.

Парни удивленно переглянулись, потом все дружно уставились на нее.

— Так ты из-за этого расстроилась? Брось, это же ерунда!

— Что ерунда? — уточнила Иллис, поворачиваясь на бок и с подозрением оглядывая четверку друзей.

— «Арсенал» ерунда. Ну вlepили строгаch, подумаешь! С кем не бывает. У нас с Майсом вон этих строгачей было — со счета собьешься. Одним больше, одним меньше... Отлежимся денек — и порядок, — наперебой стали успокаивать они девушку. — А ты откуда знаешь?

— Что... знаю? — Иллис вдруг слегка охрипла. — Вы вообще сейчас о чем?

— Как о чем? — парни еще раз удивленно переглянулись. — О том, что нам приказано вечером явиться в «Арсенал». Ты разве не про это спрашивала?

— Майс, ты, кстати, свою карточку не потерял? — строго спросил Норр. — А то будет как в прошлый раз! Давай-ка ее мне лучше.

Майс стал озабоченно ворошить бумаги на столе. Иллис смотрела на него как зачарованная, широко открытыми глазами. До нее постепенно доходил смысл сказанного.

Льен первым почувал неладное. Он подошел к ее кровати и присел рядом, пытаясь понять, что с ней происходит. Ответственный Норр, который по традиции собирал карточки в одно место, положил их на угол стола и подсел к девушке с другой стороны. Воздух наполнялся неясностью и тревогой. Даже Майс оторвался от чертежей, а Габриэль привстал на кровати.

— Это что? — слабым голосом выдавила Иллис, тыкая дрожащим пальцем в стопку красных картонок. — Мапочки... Это... это...

— Ладно, давай откровенно, — Норр решил больше не ломать комедию, остальные тоже посерьезнели. — Не знаю, как у вас в Ордене, у нас красная карточка — самое строгое взыскание. Так уж получилось, что... сегодня вечером нам придется их «отработать». Ни для кого из нас это не в новинку. Не волнуйся за нас!

— Да уж... Сегодня тебе придется немного поскучать, — грустно улыбнулся Льен. — Но завтра или послезавтра обещаю тебе прогулку! Иллис, да что с тобой? Правда, не стоит

так переживать!

— Не стоит так переживать... — девушка вскочила и метнулась к окну, потом обратно. — Не стоит так переживать... — рыжеватые прядки встали дыбом от запущенных в них пальцев. — Не сто-о-о-оит та-а-а-а-ак пережива-а-а-а-ать... — Бесцеремонно отпихнув Льена, она нырнула под свою кровать и за ремень вытянула из-под нее сумку.

— Ты чего?!.. — ребята смотрели на нее в оцепенении, окончательно перестав что-либо понимать.

— Не стоит... — клацнула пряжка, негодуя на резкий рывок. — Так... — крышка сочно шмякнула кожей о стол. — ПЕРЕЖИВАТЬ!!! — поверх сумки, поверх карточек и разбросанных Майсовых чертежей с маху впечаталась большая, слегка потрепанная книга в красной кожаной обложке. — А теперь стоит?

Четыре пары глаз буквально приклеились к столу. «Красная книга». Самая известная книга в академии. Печально известная. Журнал для занесения наказаний, выдаваемый дежурному, который их... исполняет.

Первым очнулся Норр, он поднял глаза на Иллис, в них было неверие.

— Ты хочешь сказать, что...

— Не-е-е-ет! — простонал Габриэль, падая на свою кровать. — Этого не может быть!

Майс молча смотрел на всех по очереди совершенно круглыми, ошалелыми глазами. А потом бессильно опустил прямо на разложенные чертежи и даже не заметил этого.

Даже Норр не скрывал своей растерянности.

Они поняли...

Внятнее всех, как ни странно, выразился Льен.

— Насколько я понимаю ситуацию, — он прокашлялся, и стало понятно, что и ему слова даются с трудом, — ты сегодня заступила на дежурство в «Арсенале»? Так ведь? — спросил он у девушки, глядя куда-то мимо нее.

— Какой ты догадливый, — Иллис отпихнула Льена чуть в сторону и плюхнулась на свою кровать. — Прямо гений... — добавила она срывающимся шепотом, снова взъерошивая костер на голове и пряча за ним лицо.

Льен ничего не ответил, только помрачнел на глазах.

— Прости... мы же не знали...

Наступила неловкая пауза. Гай сидел, вцепившись в волосы обеими руками, и раскачивался. Майс, опустив глаза, рассеянно теребил края «красной книги». Вдруг его прорвало.

— Я не пойду! — истошно закричал он. — Они не имеют права так поступать! Не имеют! — он забегал по комнате, то и дело роняя стулья.

— Отличное решение! Хочешь, чтобы тебя туда привели силой? Как перетрусившего первокурсника? — вдруг рявкнул Норр. — Да сядь ты, хватит бегать! — Он на ходу поймал бегуна за китель и резко дернул. Майс от неожиданности и правда сел. Прямо на пол.

— Так. Давайте по порядку, — Норр, верный привычке, взял инициативу в свои руки.

— Иллис, как получилось, что ты в списке дежурных? Еще вчера тебя там не было.

— Я ар'гард последнего курса академии Рандар, — сквозь зубы выдала девушка таким тоном, словно цитировала. — Устав академии гласит, что ВСЕ гарды-выпускники дежурят в помещении «Арсенала» и отвечают за исполнение дисциплинарных взысканий в порядке установленной очереди. Вчера за...

Иллис вдруг замолчала, отбросила волосы и подозрительно уставилась на Норриана. — Откуда вы знаете, что еще вчера меня не было?

— Гхм... Ну, такие вещи обычно заранее известны, вчера дежурил Шандор, сегодня должен был Лоренц, он в начале списка.

Вдруг Норр переменялся в лице.

— Мы болваны! — проговорил он. — Тугодумы! Список же увеличился на одного! Поменялись, называется...

— Генерал Грагард сказал, что вопрос с моим назначением на дежурство обсуждался вплоть до сегодняшнего обеда. И лишь некоторые обстоятельства повлияли на то, что руководство академии приняло решение не делать никаких исключений из общепринятых правил. — Иллис прищурилась. — Рассказывайте теперь. Что за обстоятельства приключились сегодня в обед?!

— А... — Габриэль попытался что-то сказать и не смог. — Мы идиоты... — это все, на что его хватило.

— Понятно, — злость вдруг куда-то делась. Иллис шмыгнула носом, забрала со стола «Красную книгу» и встала.

— Ладно... Я пойду пройду, пожалуй... соберусь с мыслями... Вы это... — тяжелая неловкость придавила всех почти физически. — Я... ладно! Увидимся. «Что я несу, дура!»

Когда за Иллис закрылась дверь, Габриэль шумно выдохнул.

— Что теперь делать? Что?! — ему стоило усилий не впасть в истерику подобно Майсу.

— Снимать штаны и бегать! — Льен был непривычно груб, собирая с пола штрафные карты, которые Майс так смахнул на пол. — Тем более что... — он махнул рукой и не закончил. Мысль и так все поняли.

— Не смешно! — Гай был не расположен к шуткам. — Я не смогу! При ней...

Откровенно говоря, этой мыслью терзался сейчас не только он. Красная карточка сама по себе была большим испытанием, а тут еще такая подстава...

— Сможешь, — Норр встал. — Все сможем. Сами виноваты. Нечего было выгадывать и хитрить. Могли бы отделаться Шандором...

— Или учили бы себе философию, без попыток смошенничать. Тихо-мирно. Я начинаю думать, что не такое уж и глупое это занятие, — подал голос со своей кровати Льен.

— Это от нас теперь никуда не убежит, так что не убивайся, — успокоил его Норр, и Льен тихо вздохнул.

Каждый из них пытался шутить, но шутки не очень-то клеились, и отвлечься от главных мыслей не получалось. Как и поговорить об этом напрямую...

Каждый думал о том, как они потом... жить в одной комнате... разговаривать...

— Что будем делать? — мрачно спросил Майс.

— Ничего тут не сделаешь, — Норриан, как обычно, быстрее остальных взял себя в руки. — Придется пережить.

— КАК?! Как ТАКОЕ можно пережить?!

— Молча! — отрезал Норр. — По возможности...

Глава 21

Возле комнаты для наказаний они были вовремя. Князь уже поджидал их там, в просторном полуподвальном помещении, откуда дверь вела в сам «Арсенал» и в карцер. Стоял у проема, с некоторой небрежностью облокотившись на стену. И смотрел со своей обычной ухмылочкой. И конечно, от его взгляда не укрылся подавленный, хмурый вид четверки. Он насмешливо выгнул бровь, когда все четверо уставились на него с откровенным ужасом.

— О нем мы забыли! — простонал Льен.

— Надо же! — с неподражаемым сарказмом «удивился» Князь. — Ну вот, я вам напоминаю о себе. Что это с вами, господа? Бойтесь прутика?

— Посмотрим, как сам скоро запоешь, — пробурчал Майс себе под нос.

Но Князь его услышал.

— Вот уж никогда бы не подумал, что ар'гарды-выпускники могут трястись перед «Арсеналом», как мелюзга. Вы меня разочаровали, рессы.

К его изумлению, даже на такое откровенное издевательство никто не отреагировал. В этот момент раздались легкие шаги, и...

— Вот это да! — Князь посмотрел куда-то за спины мальчишек. — Сегодня воистину день открытий. Ар'гард ди Рианн тоже здесь! А вы-то где успели провиниться, ресса?

Иллис, мрачная и решительная, застыла, глядя на него как на привидение. — «Пятеро... Он же сказал, пятеро провинившихся... мама-а-а-а-а... только не он! А хотя... какая разница? Решение принято».

Князь истолковал ее замешательство по-своему. Он отлепился от стены, предвкушая неплохое развлечение.

— Очень рад видеть вас... здесь, — он светски поклонился, и язвительнейшая из улыбок разлилась по его лицу. — Весьма удивлен, что и в этой области для вас не сделали исключения... Но наш ректор, как всегда, прав, справедливость прежде всего! — закончил он делано торжественным тоном. — Вам одолжить платок, ресса?

Иллис вскинула голову, и ее кинжально-острый взгляд совершенно не соответствовал недавнему подавленному состоянию. И не удержалась. Ну потому что... какого торка?! И так все хуже некуда, а тут еще этот клоун развыступался.

— Спасибо, не надо. В академии действительно не делают исключений ни для кого. Даже при назначении на дежурство! — жестко произнесла она.

— Ну-ну, не стоит так огорчаться, ведь вы же... — он споткнулся на середине фразы и резко повернулся в ее сторону. — Что? Что ты сказала?!

— Она сказала, что сегодня ее дежурство, недоумок! — усмехнулся ему в лицо Габриэль. — Что с тобой, Князь? Боишься прутика?

— Вот как... — процедил Кириан ледяным тоном после того, как его сердце пропустило пару ударов. И впервые в жизни не нашел, что добавить.

Улыбка застыла на его лице неестественной маской, а в серых глазах Иллис заметила выражение растерянности. Но это длилось всего несколько секунд. Затем на скулах князя заходили желваки, растерянность в глазах сменил опасный стальной блеск, а ухмылка стала еще жестче.

— Ну что же, не перетрудите руку, ресса! — Князь независимо заложил руки в карманы и смерил ее еще раз обжигающим взглядом. Он являл собой воплощение вызова. Развернулся на каблуках и так хлопнул дверью арсенальной, что задрожали стены.

— Придурок, — зло сказала ему вслед Иллис и перевела взгляд на парней. — Все нормально, парни. Если бы этот задавака дослушал, тоже бы узнал и не напридумывал

себе ужасов. Я подала официальный рапорт об отказе от дежурства в «Арсенале». Так что вам не придется терпеть мое присутствие. Я только должна сообщить дежурному воспитателю о своем решении.

Сначала парни просто застыли на месте с открытыми ртами, таращась на девушку во все глаза, потом в ужасе переглянулись между собой.

— Да ты с ума сошла! — первым нашел слова Габриэль. — Как это отказалась?! Да это же... да... да за такое тебя саму... а потом еще и исключат!

— Не исключат, — мрачно усмехнулась Иллис. — Я должна закончить Рандар по политическим причинам. А вот насчет штрафных санкций... да наплевать. Переживу.

— Ты в своем уме? — кажется, парни так не перепугались, представляя собственное наказание с Иллис в роли участника процесса, как сейчас, поняв, как, по сути, они ее подставили. — Иллис, мы...

— Да тут не только вы, — отмахнулась девушка. — Я вовсе не такая благородная жертвенница, не обольщайтесь. Просто я сама. Не стану. Этого делать. Для себя. По своим собственным убеждениям. Понятно?

Еще раз решительно дернув плечом, она скрылась за дверь «Арсенала», не дав им шанса возразить. Пошла докладывать о своем отказе дежурному воспитателю.

И ровно через полминуты вылетела обратно, бледная, решительная.

— Давайте, — она указала подбородком на дверь. — Я здесь жду, заполню эту книгу дурацкую, ну и потом провожу вас до лазарета, как положено.

— Иллис, ты...

— Вопрос закрыт. Начальство уже в курсе, так что давай не усложнять, — отмахнулась девушка. — Все, топайте. Удачи там.

Дверь «Арсенала» в очередной раз тяжело скрипнула, пропуская парней и отрезая от них просторное помещение «предбанника», где осталась Иллис. Это было хуже самого наказания, пожалуй. Они, четыре идиота, втравили свою подругу в нешуточные неприятности. Осознавать это было очень тяжело. Да, конечно, они не нарочно, но кому от этого легче?!

— Ты думаешь, ее... — Майс закашлялся, не в силах даже произнести страшные слова.

— Не посмеют, — очень неуверенно проговорил Льен, пряча глаза. — Главное, не исключат, и...

— Она могла это сказать, просто чтобы нас успокоить, — зло отозвался Норриан. — Кретины мы, все четверо! Ладно, нечего стоять. Пошли. Заслужили, торк побери, ровно то, что получим!

И никто не возразил.

Оставшись одна, Иллис зябко передернула плечами и вздохнула. Вот ведь! Она уже успела много чего подумать о ректоре и его «прекрасных» идеях. Как ни крути, в Ордене было проще. Даже во время самых тяжелых тренировок на выживание. Даже когда их впервые взяли в рейд за стену, куда вот уже тысячу лет могли проникнуть только мастера Ордена.

А тут! Тоже мне, старый друг ее родителей нашелся! Ведь именно из-за него, как подозревала Иллис, ее распределили именно в Рандар. Так какого торка дядя Фирис придумал эту подставу с дежурством? Мальчишек хотел посильнее проучить? Да глупость же!

А то он с Иллис первый день знаком. То есть, конечно, с момента поступления оба делали вид, что незнакомы вовсе. Но это не повод придумывать такие... ненормальные обстоятельства!

Так зачем же генерал Грарард настоял, чтобы Иллис поставили в круг дежурств, более того, начать пришлось именно сегодня? Это какое-то испытание для нее? Посмотреть, как она поступит?

Ну пусть смотрит.

Девушка зло прищурилась и пошла к притулившемуся в углу письменному столу, на котором лежала «Красная книга». Надо заполнить, имя свое как дежурной вписать, другие всякие формальности. Она же не отказывается исполнять все остальные обязанности дежурного. А что делать с ее отказом, если исключать действительно нельзя, — вот пусть думает тот, кто всю эту идиотскую ситуацию организовал.

Пошлет ее саму в «Арсенал»? Ну и подумаешь. Бывало и пострашнее. В Ордене муштра даже пожестче, и без физических наказаний не обходилось. А Иллис по малолетству была та еще оторва и забияка. И у нее была закадычная «врагиня» Марька, с которой они лет до четырнадцати регулярно воевали в общей спальне младших воспитанниц примерно два раза в неделю. И как минимум через раз обе отправлялись к сестре-воспитательнице за порцией дисциплины. Пф-ф-ф! Было бы чего бояться.

Только вот как потом этот старый друг родителей будет ей в глаза смотреть?

— Ар'гард ди Рианн к ректору! — коротко пискнули вдруг с лестницы, ведущей наверх, в коридоры академии. Какой-то головастик посыльный. — Срочно!

— Есть! — машинально отозвалась Иллис и встала, закрывая заполненный журнал. Она только что осознала, что избежала серьезного испытания. Судя по записям, наказание парней — это легкая прогулка по сравнению с тем, что ей пришлось бы пережить с... Князем. Этот умник умудрился схлопотать двойной строгаж. Торк! С ума сойти! И он еще нашел в себе силы ехидничать перед «Арсеналом»? Железный, что ли?

Во всяком случае, в смелости и выдержке ему не откажешь... придурку.

Глава 22

Спустя час, когда едва дышащие и нетвердо стоящие на ногах после наказания парни вышли из «Арсенала», девушка как ни в чем не бывало уже ждала их, сидя за столом дежурного.

— Ну что, братцы-архивариусы, кажется, выжили? — улыбаться сейчас было как-то странно и вроде бы неуместно, но она это сделала так тепло и искренне, с таким отчетливым сочувствием и облегчением оттого, что все самое неприятное уже позади, что парни не могли не ответить ей тем же. Правда, их улыбки выглядели несколько бледновато, да и двигались они на редкость скованно, это было особенно заметно на фоне обычной ловкой грации, присущей рандарцам.

Кириан, почти по стеночке выползший следом за четверкой, прежде чем выйти за дверь, постарался выпрямиться и принять самый независимый вид. Чего ему стоил двойной строгач... лучше не вспоминать. Это было настолько ужасно особенно потому, что он не мог, просто не мог себе позволить показать слабость в присутствии четверых врагов! А потом он услышал голос девушки, и его снова накрыло — показаться перед ней в таком жалком виде?!

И он ни за что на свете не сказал бы вслух тех слов, которые промелькнули у него в голове в тот момент, когда в комнате для наказаний вдруг выяснилось, что Иллис отказалась... отказалась от дежурства!!!

Да она полоумная, чтобы так рисковать своим местом в Рандаре! Он бы никогда... ни за что! Да он бы... у него бы смелости не хватило. Это было горько осознавать, и прямо рвущиеся из души восхищение ее смелостью и благодарность сделали его душевные метания еще сумбурнее.

Как она смогла?! Обидно, торк возьми, что какая-то девчонка без череды знатных предков и вообще сирота оказалась благороднее Эса ди Кейроша... А теперь эта... улыбается не ему, а своим придурочным соседям, словно действительно рада их видеть и искренне за них переживала! Это же ради них она рискнула своей учебой в Рандаре!

Кириан сам не понял, почему это его так взбесило, даже боль на мгновение забылась, когда он вышагнул из полутьмы и зло прищурился:

— Вы еще поцелуйтесь все на радостях, и меня стошнит. Впрочем, это даже к лучшему — не держать в себе чужие розовые сопли!

Парни, к этому моменту вовсе забывшие про его существование, резко обернулись и уставились на него с искренним недоумением.

Странно, но даже Майс, которого всегда дразнили сладким ангелочком за светлую кудрявую шевелюру и смазливое личико и который болезненно не терпел любого намека на обвинение в приторной сентиментальности, на этот раз почти не отреагировал. Только поморщился.

Зато отреагировал Габриэль:

— Завидуй молча!

Эти слова хлестнули как пощечина, и Князь на секунду задохнулся. Вообще он отлично умел держать удар и не покупаться на пошлые детские оскорбления. Но сейчас было другое дело — сейчас эти мерзкие слова ударили по-настоящему, потому что он понял... именно в эту секунду осознал, что это правда. Он... завидует. Завидует этим удачникам, ради которых она... До судорог, до прокушенной в кровь губы, которая и так распухла, потому что он кусал ее во время порки, чтобы ни в коем случае не издать ни звука.

Там он справился, а здесь боль оказалась сильнее.

— Было бы чему завидовать! — сквозь противное онемение выдавил он как можно более равнодушно.

— Конечно есть чему, — Габриэль, тоже не горящий человеколюбием после свежих

арсенальных впечатлений, бил точно и безжалостно, интуитивно почувствовав слабинку. — У тебя никогда не было друзей, никому ни на торк не интересно, как ты себя чувствуешь. Собрал вокруг себя прихлебателей, которым нужны деньги и протекция твоего отца, а до тебя самого дела нет. И злобишься по любому поводу. Чужое тепло тебя ох как задевает!

Стало очень тихо. Князь стоял неподвижно, только его кулаки сжимались и разжимались. Но смотрел он не на Габриэля, а почему-то на Иллис. Смотрел так, словно физически не мог отвернуться.

У девушки вдруг на секунду перехватило дыхание, такая пустота и боль были в его глазах. А потом — раз! И все исчезло. Словно привиделось. Вернулся привычный презрительно-высокомерный взгляд противного мажора.

В следующий миг его губы шевельнулись, глаза окончательно заледенели, и перед ней опять был Князь, с языка которого сочился яд.

— Сыну рода Эса ди Кейрош не нужны друзья, — произнес он. — Я в них не нуждаюсь!

— Эса ди Кейрош — это просто имя. Буквы на бумаге. Им действительно не нужны друзья, — Иллис и сама не поняла, почему это сказала. Какое ей дело до Кириана? Зачем она лезет? А вот... не смогла промолчать. Почему-то было важно то ли спросить, то ли объяснить что-то важное. — А тебе? Тебе самому точно не нужны?

И опять этот ее внимательный грустный взгляд! Проклятье! Кириана прямо перекошило. Не смей меня жалеть! Не смей!

— Заботься лучше о своем стаде, а в мои дела не лезь! — сказал он, как выплюнул, и, резко развернувшись, пошел прочь.

Иллис промолчала. Только еще какое-то время продолжала смотреть ему вслед.

— Сволочь какая! — прошипел рядом с ней Габриэль.

— Да не сволочь, просто дурак, — неожиданно вздохнул Льен. — Бедолага. Даже жалко.

— Кого? — удивился Майс.

— Кейроша, кого же еще.

— О! Замечательно! Давайте все хором пойдем утешать Князя! Он оценит... — недовольно заметил Габриэль.

— Потом утешим. А сейчас моя обязанность проводить вас до лазарета, так что двинулись потихоньку, — скомандовала опомнившаяся Иллис.

У дверей лазарета они остановились. Снова на секунду повисла неловкость. Но с Иллис у нее шансов более чем на ту самую секунду и не было.

— Все, груз доставлен, капитан уходит в загул, — заявила она с озорной улыбкой. — До комнаты потом сами дойдете? Не потеряетесь, нет? А-а-атлично. Тогда я поднимаю паруса!

Даже Норр не выдержал и улыбнулся, глядя, как Иллис удаляется, на ходу изображая надутые ветром паруса. Потом встряхнулся, вздохнул...

— Пошли уже. Точнее, поползли.

В лазарете главный врач первым делом после принятия рапорта погнал всех четверых в душ.

— А все ты-ы-ы со своими пожеланиями! — проворчал Майс, когда ребята, оказавшись в купальне, избавились от одежды.

— Почему это я? — возмутился Гай, как раз пытавшийся в это время «оценить ущерб».

— Потому это! Кто пожелал, чтобы Князь влип по самые уши?

— Так Князь же... — попытался оправдаться неудачливый провидец.

— В другой раз желай прицельнее! — Льен тоже осторожно пощупал, что у него там... с тылу. Потом кинул взгляд на как раз повернувшегося Майса и охнул:

— Ого! Дела-а-а-а...

— Чего? — Майс обеспокоенно крутнулся на месте, а потом тоже осторожно пощупал. — С-с-с-с-с-с!

— Это разве дела? — Норриан очень осторожно и медленно направился к вмурованным в потолок дырчатым пластинам, из которых после прикосновения к белому кругу в стене начинала литься теплая вода. — Дела будут на философии!

— О не-е-е-ет! — хором простонали оставшиеся трое страдальцев.

— Ну, у нас есть еще день, — через минуту попытался найти что-то хорошее Льен, аккуратно, без резких движений вставая под водяные струи, — или два. Завтра будет чем заняться... МАЙС-С-С-С-С-С-С!!! — вода побежала по спине и добралась до пострадавших мест.

— Чего? — Майс все никак не решался последовать его примеру.

— Сделай воду поменьше, — поморщился Льен.

— Сейчас... — Майс все же шагнул под теплые струи и тихо взвыл. — Ох, торк! До окончания академии больше никаких испытаний!

— Да неужто?! — невольно заржал Габриэль. — Майси, что ж ты раньше не сказал, в каком месте у тебя кнопка, выключающая тягу к приключениям? Хотя раньше она все равно дольше чем недели на две не срабатывала.

— Иди к торку... Раньше девушек не назначали дежурить в «Арсенале» и... — он вдруг замер и буквально взвыл: — Мы идиоты! Даже не спросили, какое наказание ей назначили! А она! Ни слова...

— М-да, — Норриан хлопнул по стене, выключая воду. — Четверо дебилов. И что теперь делать?

Глава 23

Едва Иллис завернула за угол, вся ее напускная веселость исчезла. Что она чувствовала? Злость или боль, неловкость, стыд или сочувствие? Может, просто усталость? Она сама не знала.

Мелькают темные пустые коридоры, все спят. Вернее, младшие курсанты точно уже в постелях. У старших отбой на час позже, но и они разошлись по комнатам. Хорошо, нет риска с кем-то встретиться. Не надо делать приветливое лицо и вообще притворяться...

Дверь, окно, дерево... Оно прохладно шелестит листвой, утешительно что-то поскрипывает старыми ветками. Подальше отсюда, хоть ненадолго... Ей надо подумать. И кое-что достать из неприкосновенного запаса лекарственных средств мастеров Ордена.

Мальчишки еще в лазарете, они там и переночуют. Или нет? Отпросятся в комнату после осмотра лекарем? Ну, в любом случае не пропадут. Зато у нее есть время заглянуть в комнату и распаковать запечатанный сверток. Не хотелось потом при парнях его потрошить, к тому же, возможно, придется нести мазь им в лазарет.

Ночь и лес за оградой академии немного успокоили бурлящие чувства. Уже почти достигнув своего окна, Иллис внезапно остановилась.

Она вдруг поняла, что ей тоже нужно в лазарет. Вернее, к лазарету. Какое-то смутное беспокойство не давало покоя, сидело занозой, тянуло туда. Надо проверить... что проверить?

Он сам ушел, она не нанималась к нему в няньки, не маленький... Только посмотреть, там ли он... И что? А если не там? Я дежурная. Я должна убедиться. Для очистки совести.

Против такой постановки вопроса возражать было трудно. Развернувшись, она легко скользнула вниз. Смятенные чувства смятенными чувствами, но ни один лист не шелохнулся, ни одна ветка не качнулась перед раскрытым окном.

За некоторое время до этого Кириан стоял у окна недалеко от двери в свою комнату, глядя в одну точку. Ему необходимо было вернуть утраченное хладнокровие, поэтому он не пошел сразу в лазарет, а, сцепив зубы, добрал до своего этажа.

Зеркало в холле отразило юношу с взлохмаченными волосами и хмурым взглядом. Нет... так не пойдет... Он тщательно поправил прическу и заставил лицо принять обычное выражение, на глазах превращаясь из высеченного курсанта обратно в Князя.

— Мне и одному хорошо, — сказал он, глядя прямо в глаза своему отражению. — Я. НЕ. СТРАДАЮ. ОТ. ОДИНОЧЕСТВА.

Когда он распахнул дверь и вошел в свою комнату, все четверо из «свиты» были на месте. Боль толчками распространялась по всему телу. Каждый шаг давался с трудом, в глазах мутилось. Но никто, глядя на Кириана, не смог бы сказать, что его только что высекли и унизили, как никогда в жизни.

— О, Князь! — приветствовал его Вайрис. Этот парень давно и прочно занял место первого приближенного Князя и даже как-то удостоился чести быть представленным главе рода Эса ди Кейрош. Его сочли приемлемым знакомством. И хотя наедине отец, цинично усмехнувшись, назвал его прилипалой, он заметил, что дружба с отпрыском такого рода может быть полезна.

Князь поморщился и, не ответив на приветствие, прошел к столу. Двое сидящих за столом тут же вскочили, уступая ему место.

Он воспринял это как должное, хотя не сел, так и остался стоять, перебирая какие-то бумаги. Вернее, делая вид, что перебирает.

Его сразу же оставили в покое. Он знал, что «эти» будут находиться поодаль и разговаривать тихо, чтобы не мешать ему. Ведь Князь не в настроении... Они будут соблюдать дистанцию и не подойдут, пока он их не позовет. Как ни один из них не

спросит, что у Кириана случилось... И раньше он самодовольно решил бы, что правильно выдрессировал «друзей». Но теперь... теперь вдруг стало кристально ясно: им на самом деле все равно. И не сунутся они не только потому, что можно нарваться, но и потому, что... как сказал этот безродный горец, чтоб его!

«Никому ни на торк не интересно, как ты там себя чувствуешь!»

Очень хотелось завалиться на кровать, но он не мог позволить себе такой роскоши, не рискуя выдать себя. Если бы не отбой, он, не стесняясь, выгнал бы всех из комнаты, но не теперь... Можно, конечно, приказать им ложиться спать, но этот странный приказ разожжет ненужное любопытство.

Кириан почувствовал слабость, его повело, и он, придвинув к себе стул, встал на него одним коленом. Это простое движение вызвало новый приступ боли, и парень с трудом удержался от стога. Никуда не годится... Долго скрывать он не сможет...

— Я что-то неважно себя чувствую. Пойду, пожалуй, в лазарет, — как можно небрежней сообщил он.

— Да, ты что-то слишком бледный, — равнодушно высказался Вайрис и зевнул. Остальные что-то невнятно пробормотали, даже не отрываясь от своих дел.

— Слышал, Князь, эту дуру сегодня в «Арсенал» назначили дежурить. Хохма! — Вайрис презрительно оттопырил губу. — Мне Шандор рассказал, как она у него дежурство принимала, перепуганная до смерти. А в «Арсенале» наверняка в обморок грохнулась, стоило кому-то взяться за пряжку штанов! Выскочила и побежала рапорт подавать, об отказе дежурить. Дура! Я всегда говорил, что слабонервным бабам нечего делать в Рандаре, тоже мне, мастер Ордена. Интересно, ее саму высекут за отказ?

Вайрис, очень довольный собой, замолчал, ожидая эффекта, который должна была произвести новость. Эффект был самым неожиданным — перед его носом с силой захлопнулась входная дверь.

В лазарете он оказался единственным пациентом. Князь медленно прошелся по палате, вдоль пустовавших кроватей. После не слишком приятной процедуры и пары отвратительных на вкус снадобий от жара его оставили тут на несколько дней, это и к лучшему. Возможность побыть одному, подальше от тягостной атмосферы услужливого безразличия.

Боль отголоском присутствовала в каждом движении, но он не обращал на нее особого внимания. Его грызли ярость, отчаяние и чувство беспомощности, ему было стыдно за собственную несдержанность, и, наконец, он злился на Иллис за ее правоту. «Я такой же, как мой отец, — думал он. — Вместо друзей — слуги, вместо уважения — страх... Что она понимает?! Эса ди Кейрош — это не буквы! Это... это власть, это влияние, это сила!»

«Это одиночество», — сказала вдруг тишина в его голове голосом девушки. И Князь не сдержался, что было силы шибанул кулаком в подоконник, закусив губу, не обращая внимания на то, что растрепавшиеся волосы упали на лицо.

Он ведь уже решил! Тогда, давно! Что сам выбирает, и пусть — пусть! — одиночество — но на вершине! Почему сейчас засомневался? С чего вдруг так холодно?

Особенно рядом с этими... с этими... плебеями, недоумками и неудачниками. Эти их глупые разговоры, взгляды, понятные только «своим», эти их шуточки дурацкие, дружеские тычки... и эта девчонка! Почему он вдруг снова захотел променять свою вершину на эту чепуху?! Ведь решил же! Давно и правильно!

Торк! Это страшно бесит, когда ясный и понятный мир вдруг становится с ног на голову из-за... да еще бы понять из-за чего!

Еще один удар в подоконник заставил затрещать крашеное дерево, а закушенная уже в который раз губа отозвалась тупой болью. Почему так... почему вдруг душе больнее, чем телу? Почему?!

Иллис, именно в этот момент почти вплотную подобравшаяся к окнам лазарета по дереву, услышала короткий судорожный всхлип, словно он всеми силами старался не

разрыдаться. У него получилось, всхлипов больше не было, но...

Девушка впилась в ветку так, что под пальцами стала крошиться кора. Ее полностью поглотили сумбур и растерянность. Она с ужасом наблюдала, как Князь, эта мраморная статуя, безупречная и бесчувственная, согнувшись, колотит кулаком в подоконник и....

Как такое может быть? Это же КНЯЗЬ! Это та самая заносчивая сволочь, сноб, ограниченный и ядовитый? Тот самый. Но и ему, оказывается, бывает плохо и больно, и... ему совсем не с кем это разделить...

Он, оказывается, совершенно не бесчувственный, он живой где-то там, внутри, и... что теперь?

Надо уходить. Это гадко — подглядывать за человеком, когда ему плохо. Надо идти... надо... и никак не оторвать взгляд от окна.

— Мне. Никто! Не нужен! Никто! Я не буквы на бумаге, я...

Иллис на какое-то время оцепенела, осознавая его всплеск. Это... это из-за ее слов Кириана так корежит?! Торк.

Уйти сейчас просто так... это как бросить в беде. И пусть вовсе не друга, а врага, все равно!

На принятие решения ушло меньше секунды. Молниеносное движение, шелест на грани слышимости, и Иллис исчезла в густой листве.

Глава 24

Кириан не почувствовал движения за окном. Удары давно стихли, а он все стоял и стоял, уперевшись кулаками в подоконник и опустив голову. Потом резко вытер лицо. Ему вдруг стало зябко. Он хотел закрыть окно, и тут вдруг что-то покатилося по подоконнику, рискуя свалиться на пол. Князь рефлексивно подхватил предмет. Маленькая, с полмизинца, баночка причудливой формы и с аккуратной надписью на ярлыке: «Вербенная мазь».

Он рассеянно повертел ее в руках. Легендарная вербена... Откуда она тут?

Такую ценность не бросили бы просто так на подоконнике. Да и навряд ли она вообще имеется среди местных медикаментов. Слишком дорого, даже для Рандара. Чудодейственная вербена, легендарная мазь... Из редкого растения, которое встречается только за щитом, а значит, доступного только принадлежащим к Ордену. Ордену!

Кириана пробил озноб. Он помолчал и вдруг рассмеялся, коротко и зло. «Поздравляю, Князь, ты только что получил подачку! От нее. Или это намек, и завтра по всей академии пойдут слухи...» Но хуже всего было другое: тот, кто принес банку, видел его слабость, видел его таким, каким Кириан под страхом смерти не показался бы никому.

Эта девчонка! Что ей надо? Какая у нее выгода? Зачем она пошла на такую жертву?.. Ладно, ради своих придурков соседей, но... получается, теперь он, Князь, ее должник. Торк!

Бесит, бесит, бесит!

И зачем она за ним следила?! Что у нее за интерес?!

А противный голос рассудка откуда-то из глубины еще поддавал жару, насмешливо бормоча: «Зачем ты ей сдался-то, умник? Следить за тобой еще. Хотела бы — рассмотрела бы в “Арсенале” во всех подробностях!»

Наверное, вот эта мысль была хуже всего. Она могла и... не захотела.

Кириан сжал в руках банку с почти волшебной мазью с такой силой, что пальцы побелели. Но хрупкая на вид фарфоровая емкость даже не скрипнула. Ладно... Ладно! Завтра поговорим. Я выясню, что тебе от меня нужно!

Тем временем мальчишки, все же отбившиеся от уговоров лекаря провести ночь в лазарете, вернулись в свою комнату, устало расположились кто где. Майс с Гаем устроились на кроватях, приняв осторожную позу на боку. Норриан откровенно лег на живот. А Льен взял гитару и наигрывал что-то негромкое, облокотившись на стену.

— В строгих взысканиях есть один плюс, — сказал наконец Майс после некоторого молчания, — завтра не вставать рано! Законный выходной на выздоровление.

— Не радуйся, это тебе не поможет, — убавил его оптимизм Норр, выдергивая из рук Майса книгу, которую тот уже радостно собирался читать. — На сегодня и завтра твоя книга во-он та, — указал он на пухлый ненавистный серый том. — А то не хватало еще взыскания за несданную контрольную!

— Куда, интересно, Иллис пошла? — неожиданно спросил Габриэль. — И до сих пор ее нету...

— Проветриться... после такого... Ей, наверное, не лучше нас... — ответил Льен, задумчиво перебирая струны.

Ребята задумались о своем. Но мысли у всех были похожие. Каждый из них представил себе, что чувствовал бы на месте Иллис... и каждый внутренне содрогнулся.

А она еще и нашла в себе смелость пойти против системы и отказаться, за что ее теперь ждет наказание.

— Может, пойти поискать ее? Что-то я беспокоюсь? — заволновался вдруг Майс. Сейчас,

по прошествии времени, его все больше донимали мысли о том, как они подставили подругу. И что думает по этому поводу сама Иллис. Жалеет? Презирает? И то и другое... ужасно.

Ему хотелось как можно быстрее развеять свои сомнения. Увидеть девушку, заговорить с ней. Иллис — она такая искренняя, все сразу станет ясно.

— Тебе лишь бы философию не читать, — усмехнулся Норр. — Давай лучше я схожу.

— Норр, ну какая сегодня к черту философия, — вскинулся Гай, — болит же все до торка.

— Вот заодно и отвлечешься... научишься относиться к боли философски, так сказать...

— Иди ты со своими советами! И правда больно, — отмахнулся Майс.

— А искать тебе идти не больно? — фыркнул Льен, осторожно устраиваясь поудобнее.

— Смех смехом, а я чуть не умер от стыда, когда понял, что именно она дежурная, — признался он вдруг. — Если бы не Иллис... если бы она не была такая... — он замялся, не находя нужного слова.

— Я тоже... — Майс отчаянно покраснел. — За всю свою жизнь такой взбучки не получал... и... — он махнул рукой и отвернулся. — Выл, как последний дошкольник. Вспомнить противно. А если бы при ней?! Хоть вешайся сразу, — в голосе просквозила нешуточная горечь.

— Брось, — Льен серьезно покачал головой. — Нормально ты держался. У всех чувствительность разная, еще неизвестно, как другие выли бы. На тебя ж смотреть было страшно, даже на этом статУе белокаменном так следы не вздувались. И сразу до крови. Так что забей.

Повисла пауза. А потом Габриэль задумчиво прищурился на лампу:

— Интересно все же, а почему Князьку два строгаца вкатали?

— Ближе к двери — больше дерево, — улыбнулся Норр, вспомнив поговорку младших курсантов о том, что больше розог получает тот, кого поймали ближе к запретному месту.

— Ну не настолько же! — усомнился Льен, прижимая струны рукой. — Впрочем, я вам сразу сказал, что все не так просто. Еще у ректора было понятно, Кейрош влетел на полную.

— Да и черт бы с ним! — поморщился Норр. — Если бы не он, вообще ничего бы не было!

— Вот именно, — поддержал Гай, — и не пришлось бы втягивать во все это Иллис.

— Иллис... — нараспев произнес Майс, и глаза у него сделались мечтательные. — Имя у нее красивое, как она сама... Я когда думаю про нее, у меня как будто... котята вот тут коготками цепляют, — он показал на грудь в области солнечного сплетения.

— Влюбился, что ли? — не преминул поддеть друга несдержанный на язык Габриэль. И почему-то покраснел.

— Сам дурак! — обиделся Майс.

— Она удивительная, — поддержал Майса Льен, — я таких не встречал...

— Ну, на твой опыт можно положиться, — хмыкнул Норриан.

— Да и вообще, много ли вы видели девушек, которые попадают в мужскую академию? — запальчиво продолжал заступаться за девушку Майс, хотя никто и не думал ее обижать.

Утешения друзей подействовали, но не до конца. Мысленно он продолжал переживать свой позор. Разговор о девушке помогал отвлечься.

— Что-то ее очень долго нет... — добавил он без всякого перехода. — Я, наверное, все-таки пойду... — Майс начал вставать с кровати, но тут же страдальчески зашипел. — Торк!!! — он вдруг замер: — А вдруг она... не хочет нас видеть? — Он не смог, высказал вслух то, что его так сильно волновало. — Вдруг ей назначили совсем ужасное что-то и...

— Кто не хочет видеть? — Иллис возникла из листвы и села на подоконник, свесив ноги наружу. — Ну что, приходим в себя?

— Ты стучись, что ли, в следующий раз! — вздохнул Гай. — Так же заиками можно остаться.

— Стучаться в свое окно несколько странно, нет? — засмеялась ночная гостя. Она посмотрела на мальчишек и постаралась отогнать видение другой комнаты. И другого пострадавшего.

— Свое? — рассмеялся Льен. — А я всегда наивно полагал, что оно наше...

— Ну спасибо! — Иллис шутливо раскланялась. — А я наивно полагала, что я тоже тут живу!

— Можешь кашлянуть тогда, — милостиво разрешил Норр.

— А ты знаешь, что по этому поводу говорит Саур-дед Мудрый Пятнадцатый, сын Саур-черт-его-там-знает-какого?

— Он тоже по ночам залезал в чужие окна? — заинтересовалась девушка, запрыгивая наконец в комнату. — Надо будет почитать! Вдруг он еще что-то интересное делал!

— Не знаю, — печально покачал головой Майс, не сводя с нее взгляда. — А надо бы...

Иллис улыбнулась ему и стала вынимать из карманов какие-то малюсенькие баночки.

— Ладно, философия подождет, займемся практикой, — сказала она.

Все с любопытством повернули головы.

— Это что? Неужто наследие древних мудрецов? — в притворном ужасе вскричал Габриэль.

— Нет, это наследие современных орденских знахарей, — успокоила их девушка, расставляя принесенное на тумбочке у кровати Льена и поворачивая одну баночку ярлычком к мальчишкам. — Вербенна.

— Ничего себе! Ты не перестаешь удивлять... — Льен взял в руки одну из баночек. — Где достала?

— Полезные знакомства, — Иллис пожала плечами. — Тут с запасом, на всякий случай. А то, зная вас... — она лукаво улыбнулась, не собираясь делиться информацией о том, что изначально мази было еще больше.

— Как пользоваться, знаете? Или помочь? — непонятно, в шутку или всерьез, предложила она.

— Да уж дело нехитрое... справимся... — Льен задумался на минуту и отложил свою банку в тумбочку.

— Куда! — моментально отреагировала Иллис. — Я тебе еще принесу, чудо! — Она дернула его за челку. — Хватит твоим разбойникам!

— Правда принесешь? А сколько? — в глазах Льена, давно и прочно опекавшего команду младшекурсников, носивших гордое звание «Соколята», загорелся какой-то хищный огонек.

— Иллис, ты понимаешь, во что ввязалась? Ему нужно не меньше телеги, иначе на всех

его мелких подопечных не хватит. У него же каждый день кто-нибудь да на дереве побывал.

— М-да... об этом я не подумала... — девушка состроила дурашливо-задумчивую рожицу и демонстративно почесала затылок. — Льен, а может, как-то договоримся? — Она умильно захлопала глазами и сложила ладони в молящем жесте. — Как-нибудь через одного, что ли? Нет, через двух!!!

— Хм... — Льен сделал вид, что задумался, потом лукаво посмотрел на нее. — Пожалуй, я могу на это пойти за сто... — нет, триста! — поцелуев принцессы!

— Вспомнил! — подскочил Гай. — Мне тоже срочно нужно две телеги лекарства! Но... мы могли бы договориться...

— Ничего себе у вас расценки! — сделала ошеломленное лицо Иллис. — Я еще поторгуюсь, имей в виду. А сейчас займитесь-ка делом. — Она кивнула на баночки с мазью. — Удаляюсь, так что не смущайтесь.

Она действительно нырнула в свой уголок, отгороженный ширмой.

Еще немного помявшись, мальчишки завозились, зазвенели банками, и вскоре послышались сдавленные оханья и ойканья, но Иллис слышала их будто сквозь туман.

Гораздо четче она сейчас слышала у себя в памяти сдавленный рык из темного окна. Мысли металась в растерянной пустоте. Из головы не шли его слова перед тем, как он... ее слова, сказанные там, в коридоре перед «Арсеналом». Неужели... У него железный самоконтроль, уж в этом она сама убедилась. Как должно быть плохо и больно, чтобы он вот так выплеснулся. Нет, она не хотела этого, когда сказала те слова. Не хотела... Нет, будем честными, хотела. Хотела сделать ему так же больно, как было больно ей, когда в ответ на ее желание помочь он ответил презрением. Ясно показал, что ему не нужна чья-то дружба и сочувствие, разве не так? Что же с ним происходит теперь? Кто ты вообще, Кириан Эса ди Кейрош?

Глава 25

Самое главное парни спросить этим вечером так и не решились. Вот уже вроде кто-то открывал рот, чтобы задать вопрос, и... закрывал. То ли боялись ответа, то ли не хотели смущать Иллис, то ли еще глупость какая, но она так и заснула у себя за ширмой, не разрешив этой загадки, а обескураженные собственной нерешительностью парни еще с полночи ворочались в кроватях и вздыхали.

А утром, когда они проснулись, Иллис в комнате уже не было. Впрочем, она всегда вставала намного раньше и убегала за ограду, у нее была своя программа тренировок.

Что поделаешь, парни оделись, собрались и сами отправились на занятия, благо сегодня утром первой парой стояла высшая математика, а не физподготовка. Благодаря вербене, чувствовали они себя очень и очень сносно, вчерашнее происшествие напоминало о себе лишь легкой тянущей болью, и четверка дружно решила не брать законный выходной после «Арсенала», чтобы не палиться так явно в курсантской среде. Слухи все равно пойдут, но... не будет таких четких доказательств.

Правда, в журнале дежурств все равно вписаны их имена, вот же торк! Но все равно... Есть надежда, что тот, кто сегодня примет дежурство, не будет болтать, а пока еще каждый старшекурсник доживет до своей очереди и все узнает, сплетня уже потеряет свежесть, и есть шанс спустить дело на тормозах.

Первым шоком оказалось известие о том, что ректор своим специальным приказом изъял из «Красной книги» лист с записями вчерашнего дежурства. Вторым подоспело то, что торков Князь тоже явился на занятия и выглядел неприлично хорошо для вчерашнего полутрупа с двойным строгачом за спиной и теми местами, что пониже. А ведь у него никакой вербены быть не могло! Или?!..

Но о Кейроше парни почти мгновенно забыли, обнаружив, что место за партой рядом с Кирианом так и осталось пустым даже после звонка.

Иллис на занятия не явилась.

Утром она вскочила с рассветом, как обычно. Спалось ночью так себе. Соответственно, настроение, с которым девушка встретила новый день, тоже не было радужным. И что странно, волновало ее вовсе не будущее наказание.

Однако дела бежали одно за другим, не давая отвлекаться. Ей надо было выполнить свой обычный тренировочный комплекс до того, как обязанности дежурной потребуют присутствия в учебном корпусе. А когда она вернулась с пробежки, ее уже ждал приказ ректора — явиться в канцелярию и сдать дежурство досрочно.

Все утро Иллис старательно думала о чем угодно, только не о вчерашнем дежурстве и не... о том, кто ее на это дежурство назначил. Потому что если ослабляла контроль и позволяла себе вспомнить — одновременно хотелось заплакать и убить кого-нибудь. А еще лучше не кого-нибудь, а одного конкретного... воспитателя. И было обидно. Опять-таки до слез. Тоже мне, друг родителей, близкий человек!

Только и оставалось — сделать непроницаемое лицо и строго придерживаться устава.

— Докладывает ар'гард ди Рианн, за время моего дежурства чрезвычайных происшествий не произошло. Приказано доложить о дерзости старшему офицеру! Рапорт об отказе выполнять обязанности в экзекуторской подан в канцелярию. Ар'гард ди Рианн дежурство по «Арсеналу» сдала.

— Курсант ра Арьеш дежурство по «Арсеналу» принял! — темноволосый парень на курс младше смотрел на девушку во все глаза, и в его взгляде светились одновременно ужас и восхищение.

— Свободны, курсант ра Арьеш. Можете приступать к дежурству. Журнал дежурств получите в канцелярии через час. Своей волей я изымаю все записи о вчерашнем дежурстве в архив. После того как они будут изъяты, журнал передадут вам в установленном порядке. Я вас больше не задерживаю, — генерал Грарард говорил спокойно, словно ничего чрезвычайного не произошло. — Ди Рианн, а вы останьтесь.

Когда через пятнадцать минут Иллис вышла из кабинета ректора, в руках у нее была оранжевая карточка, на которой была крупно отпечатана цифра «семь». Семь суток в карцере на хлебе и воде, без права посещения, без книг и любой другой возможности как-то развлечься, чтобы быстрее прошло время.

Это было не менее суровое наказание, чем визит в «Арсенал». И все же несколько другое. О чем Иллис разговаривала с генералом Грарардом и почему он вообще затеял всю эту историю с назначением девушки на дежурство, а затем изъятием из журнала страницы, так и осталось загадкой.

Иллис сразу из канцелярии отправилась вниз, в подвал, и исчезла за дверью, расположенной как раз напротив «Арсенала».

А в классах и спальнях уже к полудню стал нарастать удивленно-ошарашенный гул. Известие о том, что девушка вчера дежурила по академии и отказалась от выполнения обязанностей экзекутора, разлетелось по классам со скоростью песчаной бури.

Ар'гарды и курсанты сосредоточенно переваривали новость. Мысль о том, что каждый из них мог попасть в ее дежурство в «Арсенал» и получить... розог... от девушки... заставляла парней зеленеть и передергиваться. Это же кошмар!

Потом они вспоминали, что девушка благородно отказалась от такой обязанности, и выдыхали с облегчением. В следующую секунду приходило понимание того, что за свое благородство Иллис заплатила нешуточную цену, — про семь суток карцера тоже уже знали все. И...

И на фоне того восхищения, каким прониклись к девушке все парни академии от зеленых головастиков до выпускников, как-то даже потерялось искреннее любопытство — а кто же были эти неудачники, кому вчера выпала честь присутствовать в «Арсенале»?

Страница из журнала, где были записаны их имена, изъята. Занятия никто не пропустил, то есть законный отпуск после порки не использовал. Сидят в классе все ровно. Так кто?! Не может быть, что неудачников не было, ведь тогда у Иллис не появился бы повод так жертвовать собой.

Короче говоря, за ту неделю, что девушка отсутствовала на занятиях и в комнате, все курсанты академии успели заочно в нее влюбиться и признать лучшей девушкой на свете. Вернее, не совсем все.

Князь и его свита едва не плевались ядом при одном упоминании ар'гарда ди Рианн, но помалкивали. Понимали, что общественным мнением так по башке прилетит, что никакой княжеский авторитет не спасет.

Кириан был вне себя. В основном потому, что не понимал, как на все это реагировать. С одной стороны, непреклонность девушки, спокойно проследовавшей в карцер на какой-то безумный срок, не могла его не восхищать, как и ее принципиальность и готовность стоять за свои принципы. С другой — все это его неимоверно бесило, потому что он не понимал, в чем ее выгода. Впрочем, не понимал он недолго; когда влюбленная истерия среди сокурсников достигла максимума, Кейрош уже был уверен, что наглая девчонка все отлично просчитала и сделала такую ставку, что сорвала супербанк.

И опять — с одной стороны, слегка завистливое восхищение ее умом и изворотливостью сопровождалось некими сомнениями: в самой глубине души Кириан понимал, что Иллис поступила так не ради славы и признания, а... нет, нет! Она просто все подстроила, и вообще! Вообще...

Четверо поганцев все это время молчали как рыба об лед, и никто так и не узнал, кому именно не повезло заполучить шанс посверкать голой задницей перед девушкой, хотя вся академия захлебывалась от любопытства. И вот тут-то Князь вдруг сообразил, какой мощный рычаг для шантажа появился в руках у девушки.

Стоит ей выйти из карцера и открыть рот... Ее четверым друзьям наверняка все равно, они пожмут плечами и отойдут в сторонку — мало их, что ли, отправляли в «Арсенал» за время учебы?

А вот Кириан... Он заранее болезненно переживал падение своего авторитета, насмешливые шепотки за спиной и открытые подколки.

Пришлось брать себя в руки и как следует думать. Надо... надо первым встретить торкову девчонку после карцера и поговорить с ней! Пусть скажет свои условия. Он готов купить ее молчание любой ценой!

Глава 26

В тот день, когда Иллис, наконец, выпустили из карцера, парни старших курсов чуть не передрались между собой за право ее встречать. То есть, конечно, четверо друзей сразу были вне конкуренции. И место самого Кейроша — далеко не в первых рядах, но чтобы был хороший обзор, — тоже никто не оспаривал.

Причем Князь упорно делал вид, что он пришел в холл первого этажа, откуда неприметная боковая дверь вела на лестницу в полуподвал, по каким-то своим важным и личным делам, а что тут забыла вся эта толпа — его совершенно не интересует. Стоял в дальнем углу у окна, полускрытый шторой, и демонстративно смотрел во двор, будто бы кого-то ожидая.

Кириану было очень важно увидеть, какой Иллис выйдет из заточения. Точнее, ему необходимо было увидеть ее лицо в тот момент, когда торкова девчонка поймет, что ее план сработал и вся академия теперь у ее ног.

Князь не сомневался уже, что все это спланировано заранее, но какой-то противный червячок все ворочался и ворочался на дне души, не давая успокоиться. Если Иллис такая великолепная манипуляторша, то действительно можно ей позавидовать и угрызаться собственным несовершенством на этом фоне. И ждать удара — потому что такая личность не упустит великолепный рычаг для шантажа. А если нет... а если она... то это еще хуже. Или лучше? Альтруисты и благородные рыцари — кто они, просто дураки или нечто непостижимое такому приземленному существу, как он? И чего тогда от нее ждать?

Расчетливую манипуляторшу можно просчитать, а вот неведомую зверушку — торка лысого.

Кириан совсем запутался и так накрутил себя за прошедшие семь дней, что, казалось, дышать забыл, глядя на дверь в холле, откуда должна была показаться арестантка.

Минута тянулась за минутой, и Князь поймал себя на том, что так крепко сжимает кулаки, что ногти впиваются в ладонь. Торк!

Но вот дверь открылась...

Она была бледной после карцера и заметно похудела — тонкое личико стало почти прозрачным. Но, вопреки ожиданиям, выглядела не измученной — наоборот, какой-то очень спокойной.

Ровно до того момента, как толпа встречающих кинулась ей навстречу с радостными воплями, объятиями, невесть откуда раздобытыми цветами и конфетами.

Кириан впился глазами в лицо девушки, отслеживая малейшее изменение мимики, выражение взгляда, жесты.

Торк. Торк!!!

Это был самый худший вариант. Она не ожидала такой встречи. Испугалась, изумилась, смутилась и очень быстро спряталась от общественных восторгов за спинами своей верной четверки.

Она этого не подстраивала. Не высчитывала комбинацию. Не искала выгоды... Она оказалась той самой неведомой зверушкой, с которой Кириан совершенно не понимал, что теперь делать.

Ко всему прочему Иллис вдруг обернулась, и они случайно встретились глазами. Кириан резко развернулся на месте и быстрым шагом, пытаясь держать спину как можно ровнее, прошагал через холл в сторону лестницы. Он старался не выдать собственной торопливости, но себя-то не обманешь — это был побег.

На следующий день у старших курсов был объявлен день самоподготовки перед курсовой контрольной по философии, поэтому на занятиях Иллис с Кейрошем не пересеклась. Но когда она после тренировки собралась в библиотеку, пробежавший мимо парнишка,

курса с третьего-четвертого, вдруг резко затормозил.

— Иллис! А тебя это... Кейрош ищет, — застенчиво проговорил он, глядя на девушку с тайным восторгом.

— Спасибо, — машинально ответила смущенная девушка и спохватилась: — Ты меня не видел, Рис, ладно? — она все же вспомнила, как зовут парня, и он, зардевшись от удовольствия, радостно закивал. И ускакал по своим делам, слава Хеллес. Вот же напасть, а?! С ума они все посходили, придумав себе ее героизм... Все мальчишки — ненормальные.

Ладно... А теперь ходу. В библиотеку, там точно можно отсидеться. Только Кейроша ей сейчас не хватало... и так после вчерашнего в голове каша.

Она сидела за столом в самом дальнем углу за стеллажами и пыталась сосредоточиться. Надо было нагонять пропущенную программу. И вот как назло! Кархи бы побрали этого Кейроша... этого ректора, эту академию и этот задачник!!! Какого перепуга они тут нашкрябали... третий раз читаешь, и ни слова не понятно. Зачем он меня ищет, интересно... нет, неинтересно! За каким крокодилем он вообще из комнаты выполз? За мной? Эм-м-м-м...

Иллис упорно сражалась с дифференциальными магемами, но они пока вели с разгромным счетом. Тетрадь с задачами лежала перед ней уже час, но дело не двигалось.

Девушка подумывала уже, не забросить ли ей все к черту, как вдруг услышала прямо над своим ухом мягкий обволакивающий полусшепот:

— Не выходит, да? Ну-ка, покажи...

Иллис застыла. Мама-а-а-а... вот помяни торка. Он тут же... нарисуетя. Теплое дыхание колыхнуло волосы на виске, и сразу мороз по спине. Она даже не слышала, как он... подкрался, идиотка! Мозги совсем отключились. И навис над ней, как... как...

— Отодвинься, — тихо и по возможности спокойно сказала она, не оборачиваясь.

Кириан послушно отошел, поставил рядом стул и после небольшого колебания осторожно на него опустился.

— Так можно? — голос по-прежнему звучал ровно, без тени насмешки.

Иллис покосилась на него, но не сказала ни слова. Что ему от нее нужно, что он так старается?

Ей было здорово не по себе. Вчерашний непонятный Кириан перемешался у нее в голове с тем, которого она увидела нечаянно неделю назад в окне лазарета, а потом сверху нахлобился его обычный презрительно-надменный вид... Она не знала, чего ждать от него теперь, и это ее пугало. А его необычное поведение выбивало из колеи еще больше.

— Что тебе нужно? — не слишком приветливо спросила она.

Кириан помолчал, как бы решая про себя, стоит ли говорить. Потом пожал плечами.

— Это я у тебя хотел спросить.

Иллис уставилась на него с таким изумлением, словно у Князя отросла вторая голова.

— Чего?!

— Что ты хочешь за свое молчание, разумеется... — Князь продолжал улыбаться. — Ты же в курсе, что ректор изъял страницу твоего дежурства в архив? Никто до сих пор не знает, кто был в «Арсенале» в тот день. И я хочу знать, на каких условиях ты...

— Э-э-э-э... еще раз? — девушка не верила собственным ушам. — Ты вообще о чем?

Князя, казалось, смутил такой вопрос. Он побарабанил пальцами по столу, затем достал из кармана сложенную вдвое бумажку с надписью «Вербенная мазь» и протянул ей.

— Разве это не ты?

Иллис взяла из его пальцев бумажку и покрутила.

— И что? — коротко осведомилась она, глядя в тетрадь.

— Я думаю, мы можем говорить напрямик и уладить это дело, — Кириан положил локоть на стол и развернулся к Иллис, прикрывая ее таким образом, чтобы остальные не могли ее видеть.

— То, что пока по академии не пошли никакие слухи... на этот счет... — тут он криво усмехнулся, — я расцениваю как твою готовность к сотрудничеству. Поэтому спрашиваю: что ты хочешь за свое молчание? — повторил он терпеливо.

— Да о чем мо... — и тут до нее дошло. Прежде ей просто не приходило в голову, что о чем-то таком вообще нужно просить. Это же само собой для любого! Выходит, не для любого... Ох и сволочь же ты, Князь! Или не сволочь все-таки? Просто идиот?

Иллис подняла на него глаза, он впервые видел их так близко и поразился, насколько они живые, теплые. Золотисто-карие, прозрачные, с ярким светящимся солнышком вокруг зрачка. Такого цвета и в природе-то не бывает. В этих глазах плавилось удивление, очень быстро сменившееся жалостью и разочарованием. Густые ресницы опустились, гася солнечные лучики.

— Во-от ты о чем. Так ты меня искал, чтобы поторговаться? — грустная усмешка выдернула Кириана из оцепенения. — Дурак ты, Князь. Хотя и умный. Успокойся. Мне не надо платить за то, чтобы я оставалась человеком.

Она встала, собрала тетради и повернулась уходить, но вдруг помедлила. Пошарив по карманам, вынула точно такую же баночку, как неделю назад, и сунула ему в руки.

— Просто так. Люди так делают. Помогают. Те, которые нормальные.

Глава 27

Князь остался в библиотеке. Он еще говорил с кем-то, отвечал на чьи-то вопросы, и лицо его было, как всегда, безмятежно. Но в душе... в его душе царил настоящий сумбур.

Всю эту неделю он плохо спал, мучительно гадая, в какой момент Иллис была у окна лазарета. Видела ли она его слабость или просто промелькнула, не вглядываясь? Смешно было переживать по этому поводу после того, что она знала об «Арсенале». Но то, что она могла видеть его в момент слабости, было для Кириана в сто раз хуже. А уж то, что пришлось смирить гордость и воспользоваться мазью...

— Князь, вот книги, которые ты просил, — перебил его мысли один из малолетних адъютантов, всегда крутившихся неподалеку.

Кириан рассеянно кивнул и подхватил стопку из трех томов, даже не взглянув на говорившего. Почему она так поступила? Еще сегодня с утра его главной проблемой было ее молчание. Так или иначе, проблема разрешилась. Откуда же тогда чувство неудовлетворенности? Он никак не мог понять.

Машинально коротко отдав честь дежурному воспитателю, он вышел в коридор. Сам не заметил, как прошагал через весь корпус и добрался до своей комнаты.

«Почему она не воспользовалась своей выгодой? Ведь могла бы запросто опозорить меня, разрушить мой авторитет. Или требовать почти все, что захочет! — Стопка книг легла на тумбочку. — Почему?»

Почему там, в «Арсенале», отказалась выполнить распоряжение ректора? Эти вопросы уже измучили его, но не переставали крутиться в голове бесконечным хороводом.

Кириан очень хорошо понимал, чем обязан девушке. И это его злило. В раздражении он сунул руки в карманы, и пальцы наткнулись на что-то твердое и гладкое. Вербена... безотказное чудодейственное средство.

«Чтобы оставаться человеком», — словно издеваясь, память зазвучала ее голосом.

Он попытался спрятаться за привычным насмешливым цинизмом.

«Ресса-вся-в-белом! Святоша!» Князь резко задернул шторы на окне. Вдохнул. И почему-то вспомнил запах ее волос...

— Все, не могу больше! — Габриэль с досадой отложил книгу. — Ну не приживаются эти философы у меня в голове, хоть убей! Читаю-читаю, а все без толку.

— Несерьезный разговор, — не отрываясь от своих записей, возвестил Норриан. — Значит, мало повторяешь.

— Нет, ну вот ты скажи мне, зачем людям, которые собираются поступать на офицерские курсы, размышления каких-то странных типов, которые сгинули несколько веков назад?

— Как это зачем? А вот столкнешься ты с кархами? И ка-ак выдашь им с ходу сентенции Саур-деда трижды, мать его, прославленного, — хихикнул Майс. Он тоже был рад передышке. — Они сразу же и сдадутся без боя.

— Вот-вот, — Норр обменялся с Льеном томами. — Или с девушкой будешь вести светскую беседу и сразишь ее эрудицией. Льен, ты своим девушкам про древних философов рассказываешь?

— А то как же, — с самым серьезным видом подтвердил Льен. — Регулярно.

— Да ну вас, — надулся Гай. — Я серьезно спрашивал.

— А если серьезно... — Норр оторвался-таки от книги, — если серьезно, ты должен уметь подчиняться правилам, какими бы дурацкими они тебе ни казались.

— А я и подчиняюсь! — скривился брюнет, демонстративно и злобно тыкая пальцем в

раскрытую книгу. — Это они саботируют! Три предложения, и, черт побери, глаза сами закрываются! Обещай, что, как только станешь королем, отменишь ее к чертям, а?

— С ума сошел? — развеселился Льен. — Это же основополагающий, то есть основотренирующий, предмет! Если не заснешь под философам, никакие сонные чары не страшны!

— В любом случае без зачета по предмету не допустят к выпускному, — оборвал спор Норриан. — Так что отставить болтовню, учите, рессы ар'гарды, учите.

— О горе нам, о несчастье! — громко простонал Гай, снова утыкаясь в книгу и так душераздирающе вздыхая, что страницы зашелестели.

— Чего-чего вам надо? — удивилась Иллис, как всегда внезапно возникая в окне. — Ну знаете... странные желания!

Странные желания — это то, что ей сейчас было нужно меньше всего. Так же как и странные мысли, и странные чувства. У самой выше головы такого добра.

Она ушла из библиотеки со смесью разочарования и злости. И жалости. И еще черт знает чего. А собственно, с какой стати? Если он такой убогий придурок, то это его проблемы. И никакая железная выдержка не делает чести тому, у кого чести нет. Иллис встряхнулась и выкинула Князя из головы.

— Лучше спроси, чего нам не надо! — кисло выдал Майс.

— Это я и так знаю, и спрашивать незачем! — засмеялась девушка, спрыгнула с подоконника и выдернула у Габриэля из рук тяжелый том.

Тот посмотрел на нее как на спасительницу.

— Иллис, мой учебник лучше, возьми его, — фыркнул Майс. — Толстенький такой, смотри!

— Да я уже поняла, что вас надо срочно спасать, — хихикнула девчонка.

— Итак, внимание, — провозгласила она, останавливаясь посреди комнаты, и подрижерски взмахнула учебником. — Слезаем с кровати и двигаем эту, — она ткнула в кровать Габриэля, — к той. А потом еще и эту. Вперед, мои верные рыцари, ваше спасение близко, но тяжести я сама таскать не стану, и не просите!

— Будем баррикадировать дверь и до контрольной запремся в комнате? — с надеждой спросил Майс, сползая со своей кровати. Остальные в недоумении замерли на местах.

— Тоже хорошее решение, — одобрила Иллис. — Но мы пойдем другим путем, поскольку долго в осаде сидеть голодно. — Трепещите, сейчас вам будет открыт величайший секрет Полуденного Ордена! Он передается из поколения в поколение уже сотни лет, со времен этих самых древних, и каждая послушница первым делом овладевает именно им! — она сбилась с патетического тона и хихикнула: — Теперь ваша очередь! Двигаемся, господа, двигаемся!

— Что-то я не понял... — Гай почесал макушку и взялся за край кровати. — Мы вроде на послушниц не особо похожи...

— И что теперь? — с искренним интересом спросил Льен, когда три кровати были составлены в нечто единое.

— А теперь... — Иллис критически оглядела получившееся лежбище и кинула к стене несколько подушек, — располагаемся и слушаем. — Она ловко пробралась в серединку получившегося «гнезда», зажав книгу под мышкой. — Ну? — Она приглашающе похлопала по кровати рядом с собой.

— Ты хочешь сказать, что мы все должны сюда лечь? Довольно странный способ... — Норр выглядел несколько ошарашенным и даже смущенным.

— Ну да! — подтвердила девушка. — Вы что, серьезно никогда так уроков не учили?

— Вообще-то нет... а что, правда помогает?

— Сейчас проверим! — радостно заявил Майс, занимая стратегически выгодное место рядом с Иллис. Вслед за ним, чуть поколебавшись, улегся Габриэль.

— А теперь самое главное, — девушка торжественно вынула из кармана большую шоколадку и водрузила на том философии. — Каждая десятая страница стоит кусочка. Будем стимулировать мозг! А то усохнет... — она устроилась поудобнее, открыла книгу и вздохнула:

— Итак. Саур ра аВоар и дон кой Рамроше Мудрый (еще бы, пока свое имя заучил, поумнел как минимум вдвое!). «Послание к авроитянам (вот они обрадовались!) с наставлениями о том, что благочестиво, что неблагочестиво, что благородно, а что подло, что справедливо, что несправедливо (видать, они сами путались)... что такое город и что значит быть государственным мужем, что такое править людьми и кто для этого годен», — с непередаваемой интонацией начала читать она...

Норр переглянулся с Льеном. Тот пожал плечами и залез на кровать. Через пару минут и Норр очень осторожно устроился с краешку.

Через десять минут все четверо забыли, что когда-то вообще учили уроки как-то по-другому. Оказывается, философия прекрасно усваивается под шоколадку, ехидные комментарии и представления в лицах. А еще шуточные потасовки, подушками и хихиканье. Где-то в процессе потерялись всякое смущение и неловкость, всем было легко, уютно и весело.

Глава 28

Мастер ди Моэсс влетел в класс, еще более свирепый, чем обычно.

— Убрать все со столов! — приказал он. — Приступаем к контрольной. Вопросы трех вариантов на доске! Вам... — он по очереди посмотрел на четверку и Кириана, и взгляд его не предвещал ничего хорошего, — отдельное задание.

Иллис успела быстро оглянуться, и вытянувшиеся лица ребят не укрылись от ее внимания. Но потом стало не до того. Проклятые философы требовали сосредоточиться только на них.

Вчера она весь вечер на пару с Норрианом гоняла мальчишек по всем этим философским династиям до тех пор, пока у самой язык заплетаться не начал. Что уже говорить о ребятах. Под конец несчастные откровенно взвыли. Даже съеденная шоколадка не спасала. Они даже выразили готовность поселиться в «Арсенале» пожизненно, лишь бы их оставили в покое и никогда больше не упоминали в их присутствии ни об одном древнем мудреце.

Зато сегодня можно было более-менее спокойно заняться собственной контрольной. Благо все эти многозначительные и многословные рассуждения о природе мироздания завязли в голове накрепко.

Кейрош тоже рывком отбросил все, что могло помешать работе. К его огромному облегчению, вопрос ему попался на тему, которую он как раз повторял сегодня утром. И прочитал даже чуть больше, чем было положено по программе.

Ди Моэсс, очевидно пытавшийся наказать недостойных учеников самыми каверзными вопросами, сам того не ведая, сыграл Князю на руку. Быстро справившись с заданием, Кириан победно осмотрел класс — все еще корпели над контрольной. Он встал, чтобы сдать работу, и обнаружил, что Иллис намеревается сделать то же самое.

«Вот... зараза! Когда она успела подготовиться, в карцере, что ли?» — эта мысль была ему непонятна — он сам не смог бы определить, чего в ней больше: злости или восхищения.

До конца отведенного на работу времени оставалось еще порядочно. Так что, сдав листки преподавателю, Иллис вернулась на свое место, искоса глянув на соседа.

Мастер Грегориан быстро пробежал их контрольные глазами и одобрительно хмыкнул. Ничто не приводило его в хорошее расположение духа вернее, чем успехи учеников в предмете.

Кейрош в последнее время сам себя не узнавал и сейчас оказался выбит из привычного презрительного спокойствия настолько, что обернулся к Иллис и беззвучным кивком будто бы спросил у девушки, которой лучше был виден преподавательский стол: «Ну что?»

Она ответила легким пожатием плеч: «Пока не знаю...»

— Отлично, — ди Моэсс отложил контрольные. — Вы хорошо поработали. В качестве награды я дам вам прочесть весьма редкую вещь... Она может вам пригодиться, если вы хотите высший бал в аттестацию, — он порылся в столе и вынул из ящика потрепанный и старинный на вид томик.

— Прошу, — книга легла на середину парты. — Это моя личная, так что будьте с ней осторожны... Прочтите и законспектируйте, потом я выслушаю, что вы двое смогли усвоить из этого труда.

«Хороша награда...» — уныло подумала девушка, растерянно глядя на книгу.

Князь тоже энтузиазмом не воспытал. Хотя один факт должен был бы его порадовать, если бы он о нем знал.

Норриан, который закончил свою работу одновременно с ними, но решил еще раз ее

перечитать, взвыл про себя. Он столько времени выпрашивал у мастера эту редкость, а уж читать ее вместе с Иллис... Если бы он поторопился, был бы сейчас на месте Кейроша!

Но Кириан не подозревал о своей нечаянной победе, так что спокойно раскрыл книгу. Для того чтобы читать ее вдвоем, им с Иллис пришлось придвинуться чуть ли не вплотную и склонить головы друг к другу. Сначала он подумал, что до конца урока у него задеревенеет шея, но очень быстро забыл об этом. Близость Иллис странно тревожила, и он прилагал все усилия, лишь бы не коснуться ее.

Соседка в свою очередь косилась на него недоверчиво. Ей тоже не нравилось сидеть так близко. А ведь вчера во время подготовки к контрольной они все пятеро устроились на сдвинутых кроватях, натянув на ноги одно одеяло и весело пихаясь локтями. И никакой неловкости девушка не чувствовала!

А тут какой-то Князь чуть слышно дышит над самым ухом, и от его дыхания странные щекотные и волнующие мурашки бегут по спине.

Кириан в это время сам не мог понять, что происходит. Это было в высшей степени странно. Он бывал с девицами и в более близком контакте. И уж что-что, а близость девушки его никогда не смущала. Может, виной всему был ее запах, тонкий и горьковато-свежий, почти на грани ощущения. А может, прядь волос, колышущаяся от его дыхания...

«Стоп! — сказал себе Князь. — Это уже никуда не годится...»

Чтобы отвлечься, он стал вчитываться в книжные строки и вдруг понял, что он даже не знает, что читает.

А тут еще Иллис отмерла и шепотом спросила:

— Как эта пакость называется? — ее попытки вчитаться в содержание были примерно так же успешны.

— «Что есть любовь. Сочинения Саур ра Райда Мудрейшего...» — Кейрош заглянул на обложку и прочел полустершиеся позолоченные буквы на корешке.

Иллис несколько раз моргнула, глядя на него широко открытыми глазами, а потом не выдержала. Ей пришлось почти спрятаться ему за спину, чтобы не привлекать лишнего внимания. Но сдавленный смех все равно прорвался тихим всхлипом и выплеснулся солнечными зайчиками из глаз.

— О-о-ох... — едва слышно простонала девушка. — Для нас двоих чтение самое подходящее. — Она снова затряслась. — Не считаешь?

— А что такого смешного? — не понял сбитый с толку Кириан.

— Нет, ну ты только подумай... — Иллис взглянула на недоуменное лицо Князя своими блестящими глазами и зашлась в новом приступе хохота.

Кириан замер. Он еще не слышал, чтобы так смеялись — искренне, без боязни, что кто-то упрекнет в недостойном поведении. Смех Иллис был так заразителен...

Неуверенная улыбка коснулась губ холодного Князя. Но он не был уверен, что сам сможет так смеяться, что он вообще может смеяться.

— Все-все! — Иллис действительно пыталась успокоиться. — Прости, я сейчас!

И девушка уткнулась в книгу, пряча смеющиеся глаза.

Ди Моэсс, проверявший работу Норриана, поднял голову и, наткнувшись взглядом на улыбающегося во весь рот Князя, страшно удивился. Такого лица у своего ученика он не видел за все семь лет обучения в академии

— Что же смешного вы здесь нашли, курсант ди Кейрош? — попытался сделать строгое внушение преподаватель.

— Мэтр... я... я просто очень рад, что удалось подержать в руках такой раритет...

— Да, мэтр, это уникальная книга! — поспешно вступила Иллис, тоже глядя на преподавателя сияющими глазами.

— Кхм... Ну что же, я рад за вас, — ди Моэсс поневоле смягчился, поймав на себе этот взгляд. — Так и быть, можете взять книгу в библиотеку. Вам двоим хватит сегодняшнего вечера, чтобы прочесть.

— Ты же не собираешься идти с ним на встречу? — Майс смотрел на нее внимательно и чуть встревоженно.

Это было сразу после уроков, когда вся компания встретилась в комнате и обнаружила, что девушка уже собралась в библиотеку.

— Да ну, Майси, ты о чем? — отмахнулась Иллис. Она не собиралась никому показывать, что предстоящее вечернее чтение ее беспокоит. — Ты же слышал, завтра надо будет сделать совместный доклад. И с чего я, спрашивается, буду прятаться? Это просто книга и просто учеба.

— Да, но этот гад... если ты решила идти, то мы пойдем с тобой! — решительно заявил Габриэль.

— Гай, я похожа на маленькую девочку, которую может обидеть гадкий мальчишка? — усмехнулась Иллис. — Это что, приходится с компанией провожатых? Я что, должна его бояться? Вот еще! — она дернула плечом. — К тому же у вас дела, забыли? Подзапустили клубные занятия, у Льена его соколята давно не тренированные, у Майса собрание клуба военной инженерии, у тебя, Гай, конный клуб, у Норра дипломатический. Хватит уже прогуливать.

— Мы могли бы разделиться, — проговорил Льен не совсем уверенно. Девушка была права — им надо было наверстывать запущенные дела.

— Или отобрать у него книгу! — добавил запальчиво Габриэль.

— Вот только драки в библиотеке нам всем не хватало! — возмутилась Иллис. — Глупости. Он меня не съест, а если попытается, я съем его сама. Сомневаетесь в моих способностях?

— Ну смотри... — сдался за всех Норриан. — Но мы зайдем за тобой через час, ладно?

— Потому что за это время ужасно соскучимся, — предупредил очередное возражение девушки хитрый Майс.

— Договорились, я не стану доедать Князя одна, дождусь вас и угощу, — засмеялась Иллис.

— Смотри! Ты обещала! — хохотнул Льен, и ребята поднялись, чтобы уходить. Девушка улыбнулась им вслед и тоже заторопилась.

Ну, как и ожидалось, Кейрош уже был в библиотеке. Светловолосая голова склонилась над тетрадью, лицо было серьезно.

Иллис задержалась на пороге, рассматривая его. Как связать вот этого красивого задумчивого юношу и того, другого? Заносчивого, подловатого и ни капли не симпатичного? Наверное, потому ее так задевает его присутствие. Неразгаданная загадка, всего лишь. Да. Так и есть.

Иллис решительно шагнула в дверь.

Глава 29

— Привет, — она прошла к столу и отодвинула второй стул. — Ну что, за дело?

— Привет, — удивительно дружелюбно ответил Князь, подарив ей чуть снисходительную улыбку. — Я думал, ты не придешь.

— С чего это? — тут же хмыкнула Иллис, с независимым видом усаживаясь и придвигаясь ближе к книге.

— Я что-то не заметил, чтобы ты увлекалась философией, — сдержанно ответил Кириан. — Или в Ордене ее тоже преподают?

— А доклад бы ты за меня тоже приготовил? — Иллис заправила за ухо выбившуюся из косы прядку. — В Ордене... изучают много чего. Давай читать.

Она не стремилась продолжать беседу и уткнулась в раскрытые страницы.

И оказалось, что это — хорошо.

Они снова, как и на уроке, голова к голове читали про «философскую любовь», делали пометки в тетрадях, и Кириан отметил, что это, пожалуй, куда приятнее, чем ругаться... Их головы были совсем близко, так что аккуратные светлые пряди касались непослушных рыжих.

— Ты прочел? — Иллис оторвалась от изучения философских сентенций и хотела уже перевернуть страницу, но спохватилась и подняла голову. Увидела, что Князь смотрит на нее, и слегка занервничала: — Ты чего?

— Ничего, — пробормотал Кириан чуть слышно.

Ее глаза были очень близко. Ее губы... Ее волосы... Ее тело... Ему вдруг стало не хватать воздуха.

— Князь? — осторожно переспросила Иллис.

— Да... — он сморгнул и отстранился. — Нет, я... Перелистывай.

Девушка еще несколько секунд пристально его рассматривала, о чем-то напряженно раздумывая. Потом встряхнулась, словно отгоняя назойливые мысли, и перевернула страницу.

Интересно, а где парни? Скоро они придут? Может, лучше не скоро? Или нет? Запуталась...

Кейрош попытался читать. Честно попытался... Но его мысли металась от глаз и волос Иллис к тому, какого черта он, Князь, вообще о ней думает, и никак не хотели возвращаться к «философии любви».

— И все-таки он старый одержимый сукин сын, — мрачно заметил Князь через полчаса бесплодных попыток. — Тебе не кажется, что прочитать эту книгу до завтра — это несколько чересчур?

— Пожалуй, — нехотя согласилась Иллис. — Так можно до утра просидеть.

Эта перспектива ее не обрадовала. Даже забывая про несчастный доклад, рядом с Князем, кажется, уже искрился воздух, и она не могла понять, с какой стати. О чем он там себе думает? Явно не о любви... это напрягало.

Тем более что ей самой вдруг показалось интереснее смотреть ему в лицо, когда он не замечает, чем читать сушеные рассуждения древнего старца, который, судя по всему, влюбленных видел только на картинке, да и то в подзорную трубу.

— Все сидишь? — в библиотеку едва не галопом ворвался Майс, остальные трое отстали ненамного.

— Бросай это дело, мозги засохнут! — поддержал его Габриэль. — Не будет же Ворон требовать, чтобы ты цитировала наизусть?

— Может, вы не будете тут поднимать шум? Мы вообще-то не закончили, — вроде бы негромко, но с такой заметной ненавистью проговорил Князь, что девушка вздрогнула и уставилась на него удивленно.

Что это с ним? Кириан разительно переменялся — следа не осталось от того, чье лицо притягивало еще минуту назад. Может, ей показалось, в самом деле?

— Посидите со мной, я скоро закончу, — сказала она мальчишкам. — Для доклада материала почти хватит.

Кейрош раздраженно промолчал. Он сам не понимал, с какой стати его так выбесило появление этих... паяцев.

— Конечно, Иллис! — Майс, проходя мимо Князя будто мимо пустого места, ненароком споткнулся о его сумку на полу. — Ой, прости...

— Смотри, куда идешь! — прошипел Кириан, чувствуя, что закипает.

— Иллис, мы тут кое-что придумали. Обсудим потом... без посторонних, — Норриан устроился за соседним столом. Он тоже игнорировал Кейроша. А с какой стати ему внимание уделять? Они пришли к своей подруге.

— Библиотека стала пристанищем малых деток, и пяти минут не способных прожить без няньки? — с вызовом спросил Кириан, чувствуя, что еще немного — и судорожно сжатый переплет старой книги затрещит под его пальцами.

— Завидуешь? — тут же включился в разговор Габриэль. — Ну да, твои лизоблюды даже сунуться сюда боятся, вдруг вместо косточки пинок отхватят. Они способны только ждать подачек под дверью!

— Ну, ты у нас, без сомнений, способен на большее... До какого уровня уже поднялся? До горничной? Тебе уже позволяют зашнуровывать корсет или нет?

Может, Гай и не взвился бы так, если бы в этих словах ему не почудилось оскорбление для Иллис.

— Придержи язык! — кулаки у парня сжались, а глаза стали светлыми от злости. — Как бы это не кончилось плохо для твоей смазливой мордашки.

Иллис, которая только что хотела попросить своих друзей сбавить обороты и не доставать Кейроша так откровенно, после этих его слов тоже непроизвольно отодвинулась от Князя, глядя на него весьма холодно. Да и остальные трое перестали улыбаться.

Кириан, почувствовав, как окончательно исчезла та неожиданная и непрочная паутинка доверия между ними, ощутил, как из глубины души поднимается какая-то новая, ранее неведомая злость. И, не умея с ней справиться, тут же выпустил часть яда:

— О! Не знал, что ты у нас ценитель мужской красоты, — притворно удивился он, демонстративно глядя на Габриэля. — Какая неожиданная новость. Пожалуй, стоит поделиться ею с ребятами, а то мало ли...

— Ах ты!!! — Гай, совершенно не соображая от злости, кинулся на обидчика, и драки бы не избежать, если бы на пути разъяренного парня не возникла вскочившая с места Иллис.

— Не трать на него время. Он того не стоит, — просто сказала она. — Идемте. На сегодня я достаточно узнала... о любви.

На Князя она даже не оглянулась, и он не смог вынести этого молча:

— Ах, бедная девочка... что же ты сразу не сказала, что тебе нужны такие уроки? Я-то думал, ночуя в одной спальне с четырьмя парнями, ты уже выучила все возможные

позиции, — он сопроводил эти слова похабной улыбочкой, стараясь изо всех сил подавить горящее в груди чувство непоправимой ошибки.

Иллис на секунду застыла, потом медленно обернулась и посмотрела на него. Спокойно так, задумчиво. То, что она произнесла, оказалось полной неожиданностью для всех.

— Спасибо, — прозвучало так неожиданно, что все замерли. — А то ведь я почти забыла, что даже самая красивая змея все равно ужалит, если подойти слишком близко. Ты, главное, сам своим ядом не захлебнись.

Самое паршивое для Кириана было в том, что Иллис говорила все эти слова без злости, ненависти или досады. Скорее... с жалостью и сочувствием. И смотрела так же.

Наверное, больнее ударить она не смогла бы при всем желании.

Четверка придурков, забрав с собой эту чокнутую, уже давно ушла из библиотеки, а он все сидел, бездумно листая дурацкую книгу дурацкого философа о дурацкой не существующей в мире любви.

Сидел и не мог понять — почему ему так плохо?!

Что, что, что происходит с ним?!

Это неправильно!

Глава 30

Для Иллис эта ночь выдалась беспокойной. Мыслей было слишком много, и все дурацкие.

— Да какого черта! — шепотом ругалась девушка, ворочаясь в кровати. — Чтоб тебе всю ночь «Арсенал» снился! Где тебе философию под свист розог читают! — в сердцах пожелала она виновнику своей бессонницы. Забылась только под утро.

Едва посветлел горизонт, Иллис привычно скользнула по стволу и не удержалась, бросила взгляд на то самое окно. На подоконнике лежала раскрытая книга в знакомой серой обложке. Девушка вздрогнула и отвернулась, постаравшись выкинуть это из головы.

Со вчерашнего вечера она так и не избавилась от неясной тяжести в груди. И причина была известна. Вот только легче от этого не становилось. В конце концов она почувствовала злость — с какой стати, в самом деле?! Почему ей должно быть плохо из-за какого-то смазливового хлыща? Да пусть делает и говорит все что хочет, она-то при чем?

Рассвет застал у окна не только девушку, но и Князя. Он убеждал себя, что все дело в философии, которую он вчера так толком и не прочитал. Именно поэтому сон улетел в такую рань. Но кажется, на этот раз причины были несколько иными... Иначе зачем бы он время от времени всматривался вдаль в надежде увидеть хрупкую летящую фигурку?

«Для чего мне это?» — успел подумать он, и только отменная реакция заставила его отпрянуть за штору. Потому что по дереву неуловимо скользнула какая-то тень и исчезла в густой листве. Непонятное, но очень сильное волнение заставило сердце бешено заколотиться, когда он увидел, кто только что спрыгнул с дерева вниз...

Он смотрел из-за занавески, как она кружит по двору с Анеллой. Как тогда в первый раз. И... злился. Злился!

Но не на девушку, а на самого себя. Какого торка!

Он нарочно старался вызвать в памяти самые неприятные моменты их знакомства.

Как она эффектно появилась перед их строем (конечно же, специально).

Как провела его во время турнира, как... — Кириан тяжело сглотнул, и мысль отозвалась фантомной болью пониже спины, — опустила его после «Арсенала»... И эта проклятая баночка с мазью... Она ничего никому не рассказала... пока... но это еще ничего не значит. Не значит, я сказал!!!

Кириан зло сплюнул, и следующий его взгляд, брошенный на Иллис, был полон ненависти. Как она сказала... «он того не стоит»? Это ты меня не достойна!

Ему так и не хватило ума понять, что эта ненависть уже была ненавистью к себе самому, а не к девушке.

Он пребывал в таком настроении все оставшееся время до утренней тренировки с ди Хассом. Но и потом лучше не стало. Князь никак не мог сосредоточиться на упражнениях и постоянно ловил себя на том, что ищет среди множества голов одну, с волосами цвета темной меди.

И на что ему сдалась эта нищая девчонка, которая по происхождению с ним и рядом не стояла? Почему в последнее время он думает только о ней и ни о чем другом?

Кириан силой заставил себя не смотреть в ее сторону. Но вышло еще хуже — она стала появляться перед его мысленным взором. Он будто чувствовал ее руки, ставящие блок, замахающиеся для атаки... ее запах... Черт! Да что же это, в конце концов, такое!!!

После тренировки Князь все же метнул на Иллис быстрый взгляд исподтишка. Самое смешное, что прятался он не от других, а от самого себя — мол, ничего подобного, я даже не смотрю в ту сторону.

Орденская выскочка о чем-то беседовала с Норром.

«Интересно, о философах или о любви?» — зло подумал Кириан. Развернулся и ушел в душ, злой, разобиженный и надутый на весь свет.

А у Иллис уже к вечеру того же дня появилось ощущение, что Князь размножился как минимум раз в пять. Куда бы она ни посмотрела — везде натыкалась на прищуренные злые глаза или презрительную усмешку. В конце концов она тоже обозлилась не на шутку и огрызаться стала жестко. Мальчишки несколько ошалели — раньше девушка не позволяла себе быть грубой даже с Князем.

Но и это не помогло. От Кейроша не было спасения нигде. Он словно из воздуха возникал, стоило ей оказаться вне своей комнаты. Пару раз попробовав скрыться, Иллис разъярилась не на шутку.

— С какой стати я буду прятаться? — после того как Кириан в очередной раз появился будто из-под земли в столовой и испортил ей аппетит, а она только и успела проводить гаденыша злым взглядом, терпение девушки окончательно лопнуло. — Хочешь войны? Ты ее получишь!

А этот придурок словно бы и рад был. Если утром ему пришлось буквально выдавливать из себя гадости в адрес Иллис, то к вечеру дело шло как по маслу.

Девушка отвечала ему в том же духе и тоже получала от этого удовольствие — оказалось, это неплохой способ избавиться от тревоги и беспокойства. Бросив очередную колкость, она буквально кожей ощущала, как он злится, и чувствовала, как на душе становится легче.

Вот он, привычный наглый и противный сноб, как на ладони. И никакие сомнения не мучают, и ничье задумчивое и грустное лицо не заслоняет собой мир.

А он злился. Все чаще, все больше... день за днем.

Если бы Кириан мог сказать, что его жизнь в Рандаре потекла по-старому, он был бы счастлив. Беда в том, что она никак не желала входить в привычное русло. Серость и рутина будней разрывались, как вспышками, громкими ссорами с противной девчонкой. И самое странное, что он начинал ждать их, чтобы просто... просто что?

Просто побыть с ней рядом, смотреть в ее прищуренные от злости или ехидства глаза, слышать голос.

Сумасшествие какое-то.

А Иллис... а что Иллис? Как объяснить тот азарт пополам со злостью, который охватывал ее, как только она видела Князя или слышала его голос? Она не знала, злилась, гнала подобные мысли прочь и снова возвращалась к ним. А еще ей стали сниться сны... неясные, странные. И если в них вдруг появлялся Князь, это снова выбивало девушку из привычной колеи. Потому что ей никогда не снились их «войны». И грустное красивое лицо не искажалось злобой и высокомерием.

В остальном все шло как обычно, девушка проводила время с ребятами, дурачилась или была серьезна — ей было хорошо с ними. Чем больше проходило времени, тем ближе они становились. Кажется, у девушки появилось то, чего не ожидала здесь найти, — еще одна семья. Как... в Ордене.

Она именно так воспринимала «свою» четверку.

Тогда почему же ее все чаще тянуло из теплой компании туда, где в очередной раз можно не на жизнь, а на смерть сцепиться с белокрысым снобом?

Правда, не всегда для этого нужно было куда-то идти. Наткнуться на высокородную сволочь можно было в любой момент и в самом неожиданном месте.

Сегодня у Иллис был праздник непослушания. С утра Анелла отбыла по своим делам в Орден, девушка ее провожала и на обратном пути, воспользовавшись свободой, успела нырнуть во все кондитерские города по очереди. Как раз карманные на месяц выдали —

чего бы не оторваться?

Так что в комнату она вернулась довольная и, несмотря на то что шоколад готов был уже выливаться из ушей, со здоровенным пакетом конфет. Которые и постаралась припрятать тайком от мальчишек. Не потому, что жадничала, а потому, что четверо парней уже знали о пагубной страсти. Налюбовались, когда после карцера обожающие курсанты завалили девушку сладостями и она пару раз так объелась, что ей плохо было. Действительно плохо... Иллис каждый раз сама себе клялась, что больше никогда не будет переедать шоколадок, но надолго ее не хватало.

Если сейчас пакет заметят — как пить дать отберут!

Шоколадные конфеты были, наверное, единственной ее слабостью, которую она не просто не контролировала. В Ордене послушниц конфетами никто не баловал, и они отрывались при первой же возможности. Но даже среди них Иллис была вне конкуренции. Надо отдать ей должное, чаще чем раз в полтора-два месяца шоколадные приступы не случались.

Глава 31

На ее несчастье, в комнате были все четверо. И довольная физиономия вкупе с нарочито непринужденной попыткой шмыгнуть за ширму сразу насторожила мальчишек.

— Та-а-а-ак... — протянул Льен, вставая и откладывая гитару. — Что-то ты задержалась, где пропала?

Остальные тоже смотрели с подозрением. А Норр незаметно сместился так, чтобы оказаться между Иллис и ширмой.

— Да так, прогулялась, — как можно беззаботнее ответила девушка, боком стараясь обойти неожиданное препятствие. Норр, все так же не отрывая от нее взгляда, принял вправо.

— Прогулялась, значит... И как нынче погода? — продолжал Льен вкрадчивым голосом.

— Отличная погода! — Иллис поняла, что маневр не удался, и стала пятиться к двери. Не дадут съесть вечером, надо успеть раньше!

— Точно! Конфетный дождик и марципановый град... — Габриэль неожиданно проворно подскочил к девушке и схватился за кулек. — О, какая умница! Это все нам?

— Нет, не все!!! — отчаянно возмутилась Иллис, не выпуская пакет из рук. — Отстаньте, грабители бессовестные, как можно отбирать конфеты у ребенка?!

— У ребенка — нельзя... — невозмутимо парировал Льен, приходя на помощь Гаю. — А у тебя нужно! Но ты не бойся, мы оставим тебе целых две штуки на день, идет?

— Что-о-о-о?! — голос девушки взлетел на немыслимую высоту. — Вы издеваетесь?! Отстаньте, сказала, сама разберусь, сколько конфет мне есть!!! — и, видя, что враги не отступят, молниеносно сунула одну шоколадку в рот.

— Иллис... — Габриэль не выдержал и захохотал, — ты станешь толстая и некрасивая. Под тобой дерево обвалится!

— Фам тафой! — не согласилась сладкоежка, прикидывая, как утащить еще одну конфетку. — Я фафтра фотренируюфь фодольфе, и форядок!

— Ну все... — вышел из себя Норр, — окружай ее! — И все четверо, будто только и ждали команды, кинулись на несчастную жертву конфетной прихоти.

— Ай! Кыш! Помогите! — Иллис закрутилась на месте, смеясь и прижимая к груди кулек крепче, чем любимое дитя. Если бы она не объелась еще в городе и не старалась сохранить все до последней конфетки, она бы справилась. Ну или если бы попробовала драться всерьез... но не с мальчишками же!

Норр обхватил сладкоежку сзади, лишая ее свободы маневра, пока Льен, Габриэль и Майс, едва уворачиваясь от ловких пинков, разжимали ей руки. Последовала возня не на жизнь, а на смерть, сопровождаемая хохотом, взвизгами и невнятными воплями, и наконец торжествующий Майс с изрядно помятым пакетиком и победным воплем «Есть!» выскочил из общей толчеи.

— Отдай, жадина несчастная! — Иллис совершила отчаянный рывок и дотянулась-таки до похитителя конфет, изо всех сил дернув того за штанину. Парень запнулся и спиной вперед выпал в дверь, все еще прижимая к себе злосчастный сверток. И наткнулся на что-то мягкое...

— Что такое, Майс? Выгнали пинком под зад? — поинтересовалось это что-то голосом Князя, когда оба немного пришли в себя. — Госпожа ди Рианн сурова на расправу...

— Я давно знал, что ты дурак, но что зад от переада не отличаешь... — Майс все еще был охвачен азартом дружеской перепалки. Он ляпнул Князю первое, что пришло в голову, даже не обернувшись на него.

— Тебе когда-нибудь говорили, что такое фигуральные вы... — начал Князь, но закончить

не успел. В дверях с боевым кличем возникла хохочущая Иллис, которую сзади пытались удержать трое парней, и дернула Майса за камзол обратно в комнату.

Куча мала покатила по полу, вереща на разные голоса и рассыпая вокруг фейерверки сладостей из порвавшегося в неравной борьбе кулька, а Кириан остался за порогом смотреть на все это безобразия круглыми глазами, в полном ошеломлении.

Эта девчонка... Эта девчонка!

Опять она смеялась так, как будто ничего плохого нет и не будет в этом мире никогда. Как будто важно только здесь и сейчас, и можно смеяться, если смешно, плакать, если грустно, и целоваться, если... любишь. И никто-никто не скажет тебе, что ты ведешь себя неправильно. И это было что-то, куда ему хода не было.

«Ненавижу!» — в бессильном отчаянии подумал Кириан, глядя на хохочущую четверку, и тут у него перед носом захлопнулась дверь, которую метко пнул Габриэль. Отрезая от его мира все это беззаботное безобразие, словно нарочно давая понять, что все это — не для него.

Кириан резко развернулся и деревянной походкой отправился к себе. Сидеть, скрипеть зубами и убеждать самого себя в том, как он всех ненавидит, особенно Иллис.

Так и жили. День за днем, день за днем... Кириан так усиленно «ненавидел» девушку, что сам не понял, в какой момент стал ее тенью: куда бы ни пошла «орденская выскочка» — обязательно наткнется на его прищуренные глаза и насупленную физиономию.

Как-то в среду перед обедом он выскочил из-за угла в тот момент, когда усталая после тренировки Иллис спокойно шла в столовую и думала о чем-то своем.

— Меня ищешь? — демонстративно ухмыльнулся Князь, перегораживая дорогу. — Соскучилась?

— Что? — Иллис настолько задумалась, что сначала чуть было не врезалась в этого приставалу, проморгалась, а потом преувеличенно удивилась: — Ах, это ты... Прости, я тебя не заметила! Если думаешь, что я могу соскучиться по нудному невеже, который таскается за мной и надоедает сомнительным остроумием, очень ошибаешься. Отойди от меня!

— Стою где хочу! Что, беспокоит?

— Наверное, это тебя беспокоит, если ты стоишь, где ХОЧЕШЬ...

— Bravo! — за спиной у Князя заплодировал подкравшийся незамеченным Норр. — Иллис, пошли, не трогай каку, а то аппетит испортишь.

Он подхватил девушку под руку и мазнул по Князю взглядом, полным чуть насмешливого превосходства. И... увел ее. Гад!

Подобные стычки происходили десять раз на дню. Дошло до того, что Иллис с Кирианом как-то умудрились поругаться даже на уроке, сидя за одной партой.

А началось все невинно — на теории управления им двоим поручили расписать подробный план извлечения прибыли из небольшого поместья. На год.

— Кретин тупоголовый, ты что, не понимаешь, что если не оставить семенной фонд, то на следующий год есть будет нечего? — Иллис шипела как заправская змеюка.

— Сама ... глупая женщина! Нам нужен план на год, с максимальной прибылью! А дальше нас не касается! Может, я продам поместье как прибыльное и возьму хорошую цену!

— Это мошенничество!

— Это прибыль, идиотка! Так все делают!

— Конечно, а потом арендаторы вымаливают у государства помощь, чтобы не помереть с

голоду!

— Правильно, и получают ее! Так что и они не передохнут, и для нас выгода!

— Да ты... ты просто мелкий жулик!

— Почему мелкий? За хорошее поместье можно выручить приличную сумму.

— Прохвост!

— Глупая гусыня!

Весь класс, побросав собственные работы и затаив дыхание, слушал эту перебранку.

Жаль только, преподаватель не оценил спектакль.

— Вы двое! — рассерженный голос мастера Шаорасса заставил их вздрогнуть. — Будьте любезны оторваться друг от друга и слушать меня внимательно. Получаете устное взыскание. Оба. Кроме того, всю последующую неделю ваше послеобеденное время принадлежит мне. Заниматься будете в моем кабинете. И к концу недели у вас должен быть готов проект по пятидесятилетнему управлению земледельческим поместьем. С практическим примером и планами. И если вы будете вести себя подобным образом, то не только доклад не напишете, но и экзамена вам не сдать.

После обеда два жутко недовольных «управленца» встретились у библиотеки и тут же обменялись дежурными «приветствиями»:

— Это все из-за тебя, кретинка принципиальная!

— Ну коне-е-ечно, ресс жулик, в ваших бедах всегда виноваты другие!

Глава 32

Вот еще бы кто объяснил Кириану, за каким торком он за ней следит, причем уже давно. Хотя... нет, объяснение у него было.

Собственно, в этом не было ничего удивительного. Князь всегда так поступал с противниками, и зачастую это оправдывало себя, принося ему неплохую информацию. Иллис была врагом из разряда особых. Поэтому следить за ней следовало тщательнее. Так говорил он себе каждое утро, вставая раньше прежнего и занимая свой наблюдательный пост за плотной гардиной в ожидании, когда пролетит мимо его окна легкая тень. А то, что сердце каждый раз пропускает удар... так это просто от нетерпения.

Его интересовало все, что касалось Иллис: ее привычки, места, где она бывает чаще всего в академии, любимое оружие и самый неприятный для нее предмет в программе. Он выуживал информацию отовсюду. Он тихо подкрадывался и прежде, чем показаться ей на глаза, слушал обрывки разговоров. Он подмечал, что говорят про Иллис в академии, хотя по большей части это было восторженное вранье, преувеличивающее истину. Он решил даже написать отцу, соврав тому, что род ди Рианн нужен ему как один из примеров к курсовой работе.

И вот однажды такая тактика принесла, наконец, ожидаемые плоды. Этот разговор дал ему больше, чем несколько месяцев наблюдения, вместе взятые!

На этот раз там, за углом, что-то обсуждали не просто придурки из команды Норриана, но и сама орденская заноза.

— Майс, не хочу! Ну неужели никак нельзя от этого отвертеться?

— Это бал в честь середины года, выпускники там почетные гости. Конечно никак!

— Иллис, почему ты не хочешь идти? Там вполне мило.

— Льен, не хочу, и все. Не люблю я такие мероприятия.

— И много ты их посетила?

— Вот пристали! Ни одного, понятно? И если вы такие пиявки, что не отцепитесь сами, то вот вам: я не умею танцевать!

— Чего?! Но... как это?

— Обыкновенно.

— В Ордене не учили?

— Может, и учили... только были занятия поинтереснее. И потом, я ненавижу юбки, я в них путаюсь, как в мешке! И нечего хихикать, вот намотаю на тебя пару миль тряпок, и посмотрим, как ты затанцуешь! Не хочу позориться.

— Не бойся, мы тебя не бросим!

— Ты можешь и не танцевать, в конце концов.

— Станем вокруг тебя и будем отпугивать кавалеров злобными взглядами, — пообещал за всех Льен.

Когда компания ушла, Кириан выбрался из своей любимой ниши и довольно улыбнулся сам себе. Интере-есно!

«Роковой» день все же наступил. Накануне вернулась Анелла, устроила воспитаннице проверку, похвалила за успехи и отругала за безалаберность — как это «не готова к балу»? Что значит «платья нет и придется идти в форме»? С ума сошла?

И неумолимая наставница лично вытряхнула упирающуюся девушку из штанов и мундира, забрала это все с собой, а взамен оставила кучу свертков на кровати.

Долго в этот день слышались из-за ширмы вздохи, шипение и тихие, но прочувствованные ругательства. Конечно, Иллис все же была девушкой, хотя и весьма необычной. И приводить себя «в порядок» вполне умела. Другое дело, что это занятие ей активно не нравилось.

Изнаывающая от нетерпения четверка прожигала ширму взглядами, и вот наконец...

— Ну... как? — Иллис вышла и остановилась посередине комнаты. Голос был странно робкий, и взгляд неуверенный.

Мальчишки застыли.

Очень простое, без лишних украшений, темно-зеленое шелковое платье делало девушку совсем тоненькой. Такая же простая, но непривычная прическа. Убранные вверх волосы и несколько локонов на плечи. Это делало ее моложе на вид и в то же время женственнее.

Сейчас никто не узнал бы в ней отчаянную девчонку-сорванца, с разбега перелетающую забор или скрестившую клинки с противником. Она выглядела такой нежной, хрупкой, что в любом мужчине мгновенно просыпался и вопил в голос инстинкт защитника.

По правде сказать, инстинкт начинал вопить через минуту или две. А до этого ошарашенно молчал с разинутым ртом. Почти как четверка.

— Что, совсем плохо? — расстроилась Иллис, машинально поправляя подол. И эта ее неуверенность волшебным образом прибавила незащитности.

— Э... это точно ты? — спросил наконец Льен, растеряв от неожиданности все свои неистощимые комплименты.

— Туго нам придется... — добавил Норр. А Майс и Габриэль смотрели на нее совершенно ошалелыми глазами.

— Не пойду никуда, — еще немного — и длинные ресницы станут мокрыми. — Ну я же говорила, ненавижу платья!

— Да ты что, Иллис!

— Ты же просто потрясающе выглядишь!

— А может, на один танец забудешь, что ты не танцуешь?

Хор голосов и одновременных фраз посыпался на девушку как град. Ребята изо всех сил пытались ее утешить и сделать вполне искренний комплимент.

Норр покачал головой, глядя на этот балаган, и предложил девушке руку:

— Я же говорил, что нам трудно будет отбивать тебя у остальных... но мы справимся!

— Правда? — Иллис посмотрела на него доверчиво, снизу вверх. И улыбнулась: — Вы обещали!

Великолепно убранный зал ратуши собирал гостей. Все светское общество городка съезжалось на это торжественное событие. Сюда родители привозили девушек, впервые выводимых в свет. Сюда же приезжали выпускники академии Рандар, и мероприятие это по значимости не уступало выпускному балу.

Пестрое, шумное и местами жеманное общество разбрелось по залу в ожидании начала. Князь предвкушал скорое представление, а пока просто выжидал.

На сей раз в его руках были неплохие козыри, и он сумеет ими правильно распорядиться. Эта орденская паршивка узнает, что значит быть посмешищем.

Он стоял, облокотившись на каминную доску, и слушал оживленную беседу дам, сидевших кружком вокруг него. Дамы болтали все хором, но Кириан и не старался разобрать, что они там говорят, что, впрочем, не мешало ему кивать и улыбаться с любезным видом, который в нем трудно было заподозрить.

Четверо друзей и Иллис тем временем уже были здесь.

— Если эта тыква на ножках еще раз так на меня посмотрит, всю оставшуюся жизнь будет в грядке корни отращивать, — девушка смерила мрачным взглядом очередного назойливо глазающего кавалера, фигурой действительно напоминавшего вышеназванный овощ.

— Я тебе помогу, — успокоил ее Льен, не менее угрюмо зыркнув на пузатого купца. — Не отходи от нас, и все будет хорошо.

Окружив девушку со всех сторон, компания медленно следовала через зал к дальнему углу. Там стояли столики с закусками, и можно было немного расслабиться.

Их приход не остался незамеченным, как и хитрый маневр четверки. Саму девушку за их спинами разглядеть, правда, не удалось, так, мелькало что-то зеленое с рыжим, но и только.

«Решили взять над ней шефство, рессы рыцари? Ну-ну...»

Князь проводил охрану Иллис многообещающим взглядом. Затем он наклонился к одной из девушек, что крутились вокруг него, и что-то шепнул ей на ухо. Та согласно закивала, глядя на своего кумира обожающими глазами, а потом повернулась и о чем-то зашушукалась с подругами.

Тем временем Иллис в своем уголке вздохнула с облегчением, потому что четверо друзей выстроили между ней и полным залом незнакомых людей надежную стену. И тут беда пришла откуда не ждали...

Эта самая «беда», в лице Князя и сопровождавших его молоденьких девиц, подошла перед началом первого танца. Кириан был одет в лиловый камзол, даже по виду очень дорогой, ослепительно-белую сорочку с кружевными манжетами и аметистовыми запонками. Все это несказанно шло к его глазам и волосам, слегка зачесанным назад и образующим вокруг лица продуманно небрежную волну. Он выглядел не менее вычурным франтом, чем все эти пустые, жеманные, манерно смеющиеся люди, именуемые знатью. Но при этом не казался ни манерным, ни пустым.

Девицы, не теряя времени, присели в реверансе перед четверкой, и каждая произнесла принятую форму приглашения на танец. Все они были с белыми ленточками в волосах...

Князь торжествующе улыбнулся, глядя, как парни бросают панические взгляды по сторонам и себе за спину. Отказать дебютанткам в первом танце было нельзя ни в коем случае, это было крайне неуважительно, невежливо и даже оскорбительно. На этом и был основан его план, и он заранее праздновал победу.

Иллис тоже все поняла, но ей только и осталось улыбнуться своим защитникам, отпуская их: «Без паники, отобьюсь!»

На самом деле никакой уверенности она не чувствовала. Взгляд, которым она встретила Князя, был растерянным.

Когда круг возле «добычи» разомкнулся, Кириан, уже настроившийся на победу и ехидно улыбающийся, изумленно застыл на месте. Это была Иллис, без всякого сомнения. Но... он и представить себе не мог, что она может быть такой... такой, что все мысли вымело из головы прочь. И этот ее взгляд...

Глава 33

Какое-то время они молча смотрели друг на друга. Наконец Князь опомнился.

— Не согласится ли ресса составить мне партию на танец? — спросил он, изящно поклонившись. И его улыбка вышла совсем не такой, как обычно.

«Ох, чтоб ты провалился!»

Похоже, пришло время действительно паниковать. Ишь, разулыбался... красивый...

— Не согласится, — тихо, но упрямо ответила девушка.

— Вот как... Струсила? — почти прошептал он, наклоняясь к ней ближе и не переставая улыбаться.

Иллис тут же вскинула голову, и в глазах у нее зажегся огонек. Только эффект получился странный. Девушка была ниже почти на голову и теперь выглядела как храбрый птенчик перед драконом.

— Не жалуйся потом! — прошипела она, подавая ему руку. — Я не умею танцевать, ясно тебе?

— Я знаю... — Князь выглядел удивленным и заинтересованным, — но никогда бы не подумал, что ты сама признаешься.

— А то ты не заметишь! — Иллис прикусила губу. — За оттоптанное ноги не отвечаю, понятно? Сам напросился.

И он в очередной раз не мог не восхититься ее смелостью. Широко улыбнувшись — улыбка вышла не злой, скорее лукавой, — он опять сказал совсем не то, что планировал...

— Не беспокойся. Моего опыта хватит на двоих. Ты в надежных руках.

— Угу, в лапах, — буркнула Иллис себе под нос и вдруг не выдержала — улыбнулась, прежде чем шагнуть ему навстречу. Узкая ладошка легла на широкое плечо, ресницы вздрогнули и опустились.

«Только бы не заметил, что у меня ноги подгибаются!»

Но боялась она зря, он сейчас вряд ли заметил бы и слона, вздумайся тому появиться в зале.

— Ты права, я ужасный человек... — посетовал Кириан вдруг доверительно. — Сам знаю. Но не настолько, как ты думаешь, — понизив голос, прибавил он ей почти в самое ухо. А затем очень бережно взял ее вторую руку своей, а другой обнял тонкую талию.

— Просто расслабься и ни о чем не думай — я поведу.

И она, сама не понимая почему, действительно полностью отдалась в его власть — власть движений и сильных рук. И перестала бояться. Только ресницы оставались опущены. Но прятали они не испуг, а золотистые искорки в глазах.

Иллис и правда не знала танцев, принятых в высшем свете. Но отлично развитое тренировками тело легко ловило рисунок движений и следовало за ведущим с удивительной грацией.

В отличие от многих дам девушка не нуждалась в корсете, талия была гибкой и теплой. В его руках было так... необъяснимо безопасно сейчас. Как она раньше не замечала, плечи у него широченные, могут заслонить весь мир. Или от всего мира...

— Обманщица! — на красивом лице Князя читалось изумление, на этот раз не притворное, которое он так любил изображать, а вполне искреннее, почти растерянное.

— Я? — поразила Иллис. — С какой стати? — Она даже подняла на Князя глаза, так

неожиданно прозвучали эти обвинения. Это была стратегическая ошибка. Не стоило заглядывать ему в лицо. Сразу пересохло в горле, а колени опять ослабли. Да что же это такое?! Он с ума, что ли, сошел, так на нее смотреть? Или это она?

— Конечно ты. Это ведь не я сказал, что не умею танцевать... — он не отрывал от нее взгляда, чувствуя, как собственная воля ускользает от него, будто вода между пальцев. Иллис сбилась с ритма и наступила партнеру на ногу. Это немного ее отрезвило. Но, увы... ни капли не отрезвило его.

— Я предупреждала! — с вызовом бросила она.

Он улыбнулся. Какой-то совсем нетипичной для него улыбкой — мягкой и немного отсутствующей.

— Ничего, — сказал он миролюбиво, — мне даже нравится...

— Больной, — констатировала Иллис. Глаза у нее стали размером с блюдце — чайное. В них плескалось крепко заваренное изумление пополам с чем-то еще...

— Эй, на берегу! Очнись, это все еще я, рыжая зараза! А вовсе не сказочная принцесса! — в последний раз попыталась выкарабкаться девушка.

Но Кириан, казалось, ее не слышал...

Танец уже почти подходил к концу, сейчас смолкнет музыка, они поблагодарят друг друга, и он должен будет отпустить ее насовсем. Потому что больше ему не дадут даже приблизиться... Четверка, ни на минуту не забывавшая о своей подруге, все время бросала на нее встревоженные взгляды. И если Иллис их и не замечала, он видел каждый.

Они были совсем рядом с дверью, совсем рядом...

Кириан протянул руку и коснулся прядки волос, упавшей ей на лицо. Иллис смотрела на него пристально, так, будто пыталась проникнуть в его мысли, и он готов был поклясться, что золотистые глаза светятся.

Тогда он сделал то, чего не смог себе объяснить ни сейчас, ни потом. Он слегка потянул ее за руку и увлек за собой в темный проем двери... Она без сопротивления шагнула вслед за ним. Остатками разума они слышали, как смолкают последние аккорды музыки и шуршат платья склонившихся в реверансе дам.

Тишина стучала в висках, или, может, это была кровь? Пальцы Князя скользнули с волос Иллис и прочертили линию по виску, щеке к подбородку.

Но это было все, что он успел сделать. Потому что полутьму коридора прорезали сразу четыре взволнованных голоса.

— Иллис, где ты?

— Что этот мерзавец тебе сделал?!

— Иллис!!!

Ребята, наспех распрощавшиеся с вынужденными партнершами по танцу, спешили на помощь.

Иллис моргнула, и мир вернулся из-за облаков. Как она тут оказалась? Что это было? Карие глаза наполнились непониманием.

— Иллис! — первым ее заметил Норриан и побелел от злости. Еще бы — девушка едва стояла на ногах и выглядела странно.

— Отпусти ее, подонок! — тут же за его спиной нарисовались остальные, и камзол на Князе не задымился под их взглядами только потому, что, наверное, был огнеупорным.

Их появление оказало на Князя эффект ледяного душа. Он резко отодвинулся от девушки, едва переводя дыхание.

«Мерзавец... подонок... ну конечно! И она наверняка думает так же!»

Взглянув еще раз на Иллис, долго и испытующе, Кириан даже бровью не повел на жаждущих крови парней, только заметил с горькой усмешкой:

— Не беспокойтесь.

Затем резко развернулся и пошел прочь.

— Что это было? — вслух произнесла девушка, глядя ему вслед. — А? — Она посмотрела на стоявшего ближе всех Норриана.

— Он тебя не обидел? — высунулся Майс. — Иллис! Да Иллис же! — с перепугу он подскочил вплотную и встряхнул ее за плечи.

— А? — Иллис действительно выглядела как сомнамбула, но тут окончательно пришла в себя и кинула вслед исчезнувшему Князю растерянный взгляд. — Да все в порядке. Дурацкое занятие эти танцы... А если сейчас смыться, кто-то заметит, как думаете? — настроения возвращаться в шумный зал не было.

— Что он от тебя хотел? — Габриэль вышел из темноты мрачный, как гробовщик на свадьбе. — Если он хотя бы... я его убью.

— Да ничего он мне не сделал, — Иллис пожала плечами, нарочито равнодушно. — Он сегодня странный был, даже не возмутился, что я ему на ноги наступаю. Заболел, наверное. Ладно, идемте. Нашли тоже тему для обсуждения.

Только Льен промолчал. Он видел достаточно для того, чтобы придержать свои выводы при себе.

— Что?! Это?! Было?! — этот вопрос следующей ночью стал основной причиной бессонницы в академии Рандар.

Вернувшись из города, Иллис почти сразу пожелала парням спокойной ночи и нырнула за ширму. Сидя перед маленьким зеркалом и по одной медленно вынимая из прически шпильки, она внимательно разглядывала собственные губы в зеркальном отражении. Он точно заболел! И ее заразил...

Далеко за полночь стало понятно, что уснуть не получится. Легкая тень легла на половицы, когда на подоконнике, оперевшись спиной о раму, устроилась бессонница.

Ночь была теплой, несмотря на начало зимы. Впрочем, разве здесь, на юге, это зима? Так, одно название, дождик и туманы.

Терпкий от лиственных костров ветерок путался в занавесках и распущенных волосах. Соседнее окно открыто, но шторы задернуты. Что это было? И что будет дальше?

У него глаза вовсе не серые, а серебристо-синие... Полночь кружится, словно все еще танцует тот их первый и единственный танец. Почему задернуты шторы? Разве он может спать, после... Почему у него такие теплые руки?.. Закрыть глаза и снова чувствовать их на своей талии, и шелк плавится под нежными пальцами...

Глава 34

Если бы мысли двух людей, думающих друг про друга одновременно, могли столкнуться, то воздушные размышления Иллис обязательно встретились бы с тяжелыми раздумьями юноши, который стоял за задернутыми шторами у соседнего окна.

Они оба были в комнатах не одни, и у обоих соседи уже спали. И только они были у открытых окон и не могли уснуть.

Он злился. Во-первых, он злился из-за того, что вся его задумка с опозоренной Иллис пошла коту под хвост. Во-вторых, его злило то, что у него еще есть возможность ее опозорить, но его это не радует. И наконец, его злило то, что чуть не произошло, когда он утащил девушку из зала. Он был в секунде от того, чтобы поцеловать ее, и не поцеловал. Вот это злило Кириана больше всего.

Почему, почему, почему он повел себя как идиот и не поцеловал ее?!

Этим вечером он ушел из ратуши, ни разу не оглянувшись. И ему сразу же показалось, что все прошедшее — сон. Это был самый лучший сон за всю его жизнь. Ему было как никогда уютно, тепло и хорошо. Не только физически, но и душевно.

Наверное, подумал он отрешенно, такое ощущение бывает, когда возвращаешься в любимый дом.

Но сон оборвался, и это чувство напугало его. Оно не поддавалось управлению. И он не имел права так чувствовать, в конце концов. Он всего лишь хотел выставить ее на посмеище, а не попасть в ловушку сам. Он не должен был!

В крайнем случае наговорить ей комплиментов, очаровать, заставить поверить ему и посмеяться над этим. Как так вышло, что он сам поддался? Неужели на него так подействовала ее доверчивость? Как она прижималась к нему в танце. Как смотрела на него... как будто для нее это могло иметь какое-то значение!

Князь был рад, что они появились. Потому что, если бы не четверка, он попросту не смог бы уйти. Он... он сам не знал, что могло случиться дальше.

Это надо прекратить. Сразу и навсегда, пока он еще не сошел с ума, пока не испортил себе жизнь неуместным чувством, пока...

Чем дальше, тем больше он сам себя убеждал, что ничего и не было. Ерунда, глупость, морок, фантазии. Ну в самом деле, не мог же он всерьез влюбиться в эту девчонку. Да это смешно! Любовь — это вообще выдумки для безголовых дурочек.

Ничего не было. Не было ничего.

А ее глаза? Они же были...

И как теперь жить, помня о них?!

Кириан так и не смог уснуть до самого утра. Его кидало из одной крайности в другую, непослушные мысли не могли усидеть за стеной привычного цинизма, то и дело прорывались, провоцируя вовсе уже несбыточные мечты... Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы утром перед самым подъемом в комнату не поскребся дежурный и не передал Князю срочное письмо от отца.

Прочитав его, Кириан бессильно уронил листок на подоконник и прислонился лбом к холодному стеклу. Ему казалось, что он только-только согрелся на летнем солнышке и вдруг на него опрокинули ушат с ледяной грязной водой, в которой еще и какие-то жабы плавали.

Уже доложили... уже... и...

«...Если ты сам не прекратишь делать глупости, я буду вынужден принять меры. И ты об этом горько пожалеешь. Забудь об этой девчонке и не смей отвлекаться от главного. Или я сам уберу ее из академии».

Забыть... как будто это так легко! Но...

Кириан даже себе самому ни за что не признался бы, что этот страх, мгновенно прошивший все тело от макушки до пяток, не был привычным страхом перед отцом и тем, что он может сделать с непокорным сыном. Это был другой страх — впервые не за себя. Но...

Он не понял. Не привык, не знал просто, что бояться можно за кого-то другого. И решил как обычно — просто убрать из жизни то, что мешает и угрожает спокойствию и движению к великой цели.

О том, что отец угрожает не только ему, Кириан постарался как можно быстрее забыть. Он принял решение сам, а не потому что... он сам прекратил это безумие! Из чисто эгоистических побуждений, без всяких дурацких соплей и сентиментальности, потому что он не верит ни в какую любовь, и... а вовсе не из-за того, что Иллис могла пострадать.

Так что уже перед первым уроком Князь поджидал девушку под лестницей, ведущей из холла. Иллис было нелегко застать в одиночестве, за ней всегда увивался кто-нибудь из курсантов, но тут ему повезло — она была одна.

— О! Зеленая птичка собственной персоной... — медленно, будто ему очень не хотелось этого делать, Кириан вышел ей навстречу из полутьмы.

— Привет! — Иллис сначала вздрогнула, а потом улыбнулась открыто и радостно, еще не уловив его странный тон.

— Прелестная головка не болит после вчерашнего? — все так же небрежно осведомился он, облокочившись на перила. — Что до меня, то последний бокал был явно лишним... — Его лицо при этом сморщилось так, будто он вспоминал о чем-то крайне неприятном.

— Ты о чем? — не поняла девушка. Вчерашний вечер все еще кружил ей голову, и глаза отказывались замечать очевидное.

— Я надеюсь, ты не станешь болтать об этом... досадном инциденте. Мы неплохо провели время, но, видишь ли, мой отец вряд ли одобрит, что я спутался с безродной девчонкой... Так что извини, красotka. Не воображай себе слишком много.

Несколько секунд она просто молчала. А потом... солнце погасло. Защелкнулись все замки, захлопнулись окна, превратившись в бойницы. На глазах из прелестной девушки Иллис превратилась в неприступную крепость. Чужую. Холодную. Равнодушную.

Еще несколько мгновений назад он мог бы рассчитывать на это тепло. Вход в ту жизнь, на которую Кириан уже давно смотрел издали с болью, раздражением и тайным желанием, был открыт. Еще несколько мгновений назад.

Но не теперь. Он сам захлопнул эти двери.

— Ты вчера действительно много выпил, — равнодушным, пустым тоном сказала девушка. — Что там тебе показалось, не знаю. Да мне и не интересно.

Она повернулась к нему спиной и ушла. Твердой походкой уверенного в себе и спокойного человека. Хорошо, что в этот момент он не видел ее лица, потому что крепость самообладания дала брешь.

Завернув за угол, Иллис не выдержала и побежала — прочь, прочь, подальше от него и вообще от всех.

Больно... как больно. Почему?! Почему он так поступил? ПОЧЕМУ она ждала от него чего-то другого, дура несчастная?!

Было нестерпимо стыдно вспоминать свои ночные метания. Что она себе навоображала? Всерьез ждала, что он ее поцелует там, в коридоре городской ратуши? И растекалась в его руках киселем... тьфу! Идиотка!

Главное, ни с кем сейчас не столкнуться. Это невыносимо, никто не должен видеть ее

такой. Ничего не было. Ей все приснилось. Нет! Даже не приснилось. НЕ БЫЛО НИЧЕГО!!!

Кириан остался стоять под лестницей. В груди немилосердно жгло. Так, что трудно было дышать, а чертова лестница в глазах двоилась, как будто... да чушь! Ерунда! Какие еще слезы?!

Ты просто давно не был с женщиной, сказал он сам себе. Все дело в этом. Ты же сам сказал ей, что это был всего лишь инцидент. Досадный инцидент.

И ничего больше.

Этим же вечером Иллис сбежала от всех, перемахнула ограду академии и шла, не разбирая дороги, по лесу. С самого утра она жестко держала себя в руках, и ее хватило на все время занятий, но после обеда она поняла, что больше не выдержит. Тревожные взгляды мальчишек только ухудшали положение.

Она выскользнула за стену в надежде, что тишина и одиночество помогут ей справиться с собой. Было уже даже не обидно, а до чертиков противно. Как она могла купиться на такую... такое... дура.

Сидеть над обрывом и ловить ветер оказалось легче, чем прятать чувства от посторонних глаз. Постепенно мир проступал сквозь толстую скорлупу разочарования и горечи. Солнце все еще светит... И жизнь идет дальше.

А Князь... ну что Князь? Князю в ее мире больше места нет.

Глава 35

Она не разговаривала с ним. Она не смотрела на него. Тот минимум слов, которые нельзя было не сказать, если учишься в одном классе и сидишь за одной партой с человеком, произносился бесцветным равнодушным голосом. Как будто он никто.

Кириан тоже первые день-два старательно делал вид, что соседки не существует, но потом... потом этот молчаливый бойкот начал сводить его с ума.

Вроде все правильно. Он сам так решил. Он выбрал...

Князю казалось, что он намолчится на всю оставшуюся жизнь. Он не разговаривал со своими. Он не задирает четверку, лишь бы только лишней раз не столкнуться с ней. Потому что ему оставалось только одно средство — избегать.

И он сходил с ума, потому что, даже когда Иллис не было рядом, она все равно не шла у него из головы. Он почти перестал спать ночами — его грызла тревога, тоска и безумное желание ощутить ее рядом. Он забывался лишь под утро и видел сны с участием одной орденской девчонки.

Он не разговаривал с ней, но смотрел на нее, надеясь прочитать по ее лицу, думает ли она о нем хоть немного, видит ли те же сны... Тщетно.

По лицу трудно было догадаться, насколько нелегко Иллис давалось соблюдение правила «пустое место». Хорошо еще, что Князь сам не задирает ее. Но она все время со страхом ждала: вот-вот он возьмется за старое, и что тогда? Уверенности в собственном самообладании не чувствовалось. Все равно горько, хотя она и решила, что ничего не было.

Четверо друзей не могли не заметить ее состояния. Но осторожные расспросы наткнулись на рассеянную улыбку: «Я в порядке». Все, что они могли, — постараться ее отвлечь. И ведь понятно, что во всем виновата белобрысая скотина! То-то притих.

Теперь кто-то из ребят был рядом с Иллис всегда. Они баловали ее шоколадками, она смеялась их воспоминаниям о детстве, улыбалась, располагаясь на заботливо расстеленном во дворе под деревом пледе. Позволяла опекать себя и сама старалась, чтобы им не стало с ней скучно. Устроившись как в уютном гнездышке среди друзей, в кольце заботливых рук и взглядов, она снова чувствовала себя живой. Если бы еще получалось не видеть этих серых глаз...

Так они избегали друг друга больше недели, а потом...

— Эй, Князь, ты неважно выглядишь.

— Благодарю, Вайрис, — скривился в ответ Кириан, про себя думая, что непозволительно расслабился в последнее время и свита сразу обнаглела.

— Уж не наша ли распрекрасная куколка тому виной? Ты танцевал с ней, потом ушел с бала... она тоже не вернулась в зал. И... — он мерзко ухмыльнулся, будто ему что-то было известно, — ты сам не свой который день.

— Если я и танцевал с ней, то это должно что-то значить? — прошипел Кириан, сдерживая нахлынувшую вдруг ярость. Соглядатай торков! Не он ли сообщил отцу об этом единственном танце?!

— Вопрос в том, что это значит для тебя... — еле слышно улыбнулся Вайрис.

Вот же мерзкая тварь!

Кириан с трудом поборол в себе желание немедленно разбить ему башку. Проклятье! Он совсем позабыл об осторожности. Совсем забыл. Нельзя так дальше! Нельзя! Нельзя! Иначе ему рано или поздно придется снова объясняться с отцом...

Надо взять себя в руки. Вдох, выдох...

— Что ты хочешь этим сказать? — человек, обернувшийся к Вайрису, словно бы

ненароком отвлекшийся от скучного пейзажа за окном, снова был Князем. Хотя презрения в голосе было много даже для него. — Да, я немного... развлекся на балу. Что с того? При ближнем рассмотрении она не столь интересна, как кажется... А сейчас, Вайрис, оставь меня в покое! Я неважно себя чувствую, — раздраженно закончил он. — И мне неохота слушать про каких бы то ни было девиц.

Сразу после этого разговора Кириан вышел из своей комнаты. Он нервно прошагал по коридору в учебную часть, сейчас пустовавшую. Там он остановился у окна и, вцепившись в свои волосы, рванул их, чуть не доведя себя до слез.

Подумать только, еще пару месяцев назад все это давалось ему без труда. Он был самим собой, Князем — холодным, равнодушным и эгоистичным. Единственным страхом было то, что артефакт не изберет его, и он знать не знал, что боль может быть не только физической.

Иллис же, казалось, обо всем забыла. Она была во дворе, парни утащили ее под свое любимое дерево, и сегодня там было весело.

— А потом он полтора дня притворялся смертельно больным, пока у куратора не лопнуло терпение и он за шиворот не оттащил Норри в лазарет! Ну а вот там...

— Ой! — Иллис прижала руку к губам, ужасаясь и смеясь одновременно.

— До сих пор помню, как они эту накладную за... кхм... замену от меня отдирали! — усмехнулся Норр. — Чертов Майсов клей сквозь белье прилип намертво, больно было — лучше бы просто выпороли!

— Нечего было садиться на неготовый образец! — притворно возмутился Майс, искоса поглядывая на Иллис — как она реагирует? — Тем более она тебе по размеру не подходила!

— Нечего было п... пакость всякую по стульям раскладывать!!! — Норр потянулся дать приятелю подзатыльник, но тот увернулся и спрятался за девушку.

— Э-э-э!!! Отстань, мне уже один раз всыпали за это, нечего теперь!

— Да, его потом весь год в «Арсенале» проверяли — настоящая по... поверхность или опять приклеенная! — смеясь, поведал Габриэль.

— Да ну вас! — Иллис уже стонала от смеха. — А сейчас не проверяют?

— Э-э-э-э... — Майс очаровательно порозовел. — Ну это... нет... — и окончательно смутился.

— С тех пор как он перешел от мелких проказ к масштабным разрушениям, проверять стали другое! — под общий хохот выдавил Льен.

— Да-а-а-а, количество башен в здании стало волновать их больше! — Гай повалился на плед, пристроив голову на колено Иллис. — И количество рук-ног у изобретателя важнее накладного за... заменителя.

— Ну хва-а-а-атит! — выдавила девушка еще один взрыв хохота спустя. — У меня уже живот болит!

— Вот и хорошо, — себе под нос бормотнул Льен. — Лучше пусть живот болит от смеха, чем...

— А ты вообще молчи! — Майс дернул Гая за ногу, стаскивая того с колен Иллис. — Ловец контрабандистов! — Он нахально занял освободившееся место и лукаво посмотрел на девушку снизу вверх. — Ты же не слышала эту историю?

— Ах ты... — Габриэль извернулся, пытаясь достать обидчика кулаком в бок, но Майс был проворнее.

— Ну-ка тихо! — прикрикнула отсмеявшаяся Иллис. — Лежите смирно, раз уж я ваша подушка! — Она за прядь на макушке легонько потянула Гая, чтобы он лег головой на

другое колено. — И рассказывайте, я вам не бесплатная подставка, требую историю!

— О-о-о-о-о, это было грандиозное происшествие! — Норриан мечтательно закатил глаза.

— Да ничего не грандиозное, — Гай насупился. — Я был маленький!

— Зато удаленький, — Льен тоже решил прилечь, но, поскольку оба колена Иллис были уже заняты, он устроил голову на животе Майса. Тот закричал:

— Чугунная она у тебя, что ли?

— Мыслей много, — важно подтвердил Льен, и все снова покатались со смеху.

— Не отвлекайтесь! — напомнил Норриан какое-то время спустя. — Эта история стоит того, чтобы ее рассказать!

— Да ну вас, — Габриэль демонстративно закрыл глаза. — Глупости всякие вспоминаете...

На самом деле, он был готов припомнить все свои провинности и залеты до единого, лишь бы Иллис и дальше смеялась, а не уходила в себя и не смотрела сквозь них пустыми глазами.

— У нас на втором курсе пограничный рейнджер выступал на уроке ориентирования, — начал рассказывать Льен. — Ух, мы после его лекции только что листья и траву на спине не отращивали для маскировки, так загорелись. Рейнджеры! Погони! Засады! Героические приключения и мерзкие контрабандисты, везущие из-за барьера всякую опасную пакость. В общем, ты понимаешь.

— Нас особенно впечатлила история о бедной маленькой девочке, которой мама купила контрабандную куклу с колдовской начинкой, — вспомнил Норр. — Этому рейнджеру прямая дорога в сказочники, до сих пор стоит перед глазами, как хитрозлобная игрушка каждую ночь оплетает девочку черной паутиной и тянет из нее жизнь, чтобы переправить тамошним магам смерти.

— Бр-р-р! — согласился Льен. — Вот наш Гай и решил бороться со злом не откладывая в долгий ящик. Тем более ДЕВОЧКИ всей страны в опасности!

— Сейчас встану, — Габриэль так и не открыл глаз. — И в опасности будут некие слишком языкастые дамские угодники!

— А нечего было сбегать на подвиги в одиночку! — срезал его Норриан. — Тогда хоть кто-то догадался бы тебе растолковать, что пограничный хребет и центральные горы по количеству контрабандистов на квадратную милю сильно отличаются!

— Майс и Льен тогда простудились! — стал оправдываться Гай. — А к тебе дядя должен был приехать. Я думал, разведу все хорошенько, потом и... Уж больно приметы сходились с тем, что рейнджер рассказывал... И кусты на том повороте странные были, и звуки... Нас туда водили один раз на ориентирование. Откуда ж мне знать, что это просто синельные галки гнездо сооружали, вот и ободрали растительность. — Он быстро почесал нос и глянул на Иллис из-под ресниц, то ли смущенно, то ли с хитрецей.

— Угу, разведал! Главное, решил сам сначала, чтобы зря панику не поднимать, — Майс серьезно кивнул. — Ну и выследил злобного загорского фермера, который коварно вез на ярмарку целую телегу враждебной репы! Угораздило мужика по нужде в те самые кусты отлучиться... но доблестные защитники отечества всегда на страже!

— Ого! — поразилась слушательница.

— Да-а-а-а! — важно согласился Норриан, снова перехватывая нить повествования. — Он не только выследил, он решил героически спасти всех поедателей репы в округе! Хорошо, стащить из оружейки удалось только сломанную модель мушкета. Но фермерская жена все равно впечатлилась, когда на нее из зарослей прыгнул кустик с ружьем и боевым визгом! Маскировка по всем правилам, что ты!

— Лошадь тоже впечатлилась, — Майс уже с трудом сдерживал смех, — а вот

предполагаемый контрабандист — нет! Его больше волновала репа в канаве!

— Я думал, он мне ухо оторвет, — мрачно вспомнил Гай, невольно потирая названный орган. — Никакого уважения к защитникам отечества!

— Господи! — Иллис уткнулась лицом в колени, куда-то между мальчишескими макушками, и бессильно затряслась. — Прости, родной! — Она ласково запустила пальцы в шевелюру героя повествования. — Я просто умираю, какие вы были славные!!!

— Мы и сейчас не хуже, — Габриэль тут же придвинулся поближе, расплывшись в довольной улыбке. Майс беспокойно заерзал и ревниво засопел, глядя на девушку щенячьими глазами. Она в который раз засмеялась, уделяя внимание и его волосам. Блаженных улыбок стало две.

— Да, вот только никто не ценит, кроме тебя, — Норр закинул руки за голову. — Тогда тоже... не оценили. Нашего пограничника хватились ближе к вечеру, и на поиски выдвинулся весь преподавательский состав и старшекурсники, во главе с тем самым рейнджером. А тут еще погода испортилась... Пока злокозненный фермер откручивал уши, пока они вместе собирали по канавам репу, пока его жена отпаивала обоих взваром и отмывала героя от глины, наши здорово развлеклись, ползая по буеракам в темноте и под дождем.

— Ага, когда под утро телега с грузом все же доехала до академии и контрабандист сдал своего ловильщика с рук на руки дежурному воспитателю, ему о-о-о-очень обрадовались.

— Ладно вам, — Гай едва не мурлыкал под нежными пальчиками. — Погрузили бы сами целую гору этой гадости, да под дождем... А потом этот злобный дядька за шиворот меня на базар поволок. Потому как некогда ему, видишь ли, в ярмарочный день всяких неслухов по домам развезить... Я б сбежал, да мы уже далеко отъехали и дороги назад не знал. А потом еще и заснул нечаянно. И не разбудил же, зар-р-р-раза, до утра, пока лично в руки дежурному не сдал. Я-то думал, смоюсь по-быстрому, никто и не заметит, зато потом... когда наведу рейнджеров на гнездо... Эх! До сих пор помню, какую пропесочку мне ректор устроил, дословно! И про «глупую самонадеянность», и про «для того, чтобы служить своему народу, нужно сначала научиться элементарным вещам!» и про «о других вы подумали?»... — он вздохнул. — И про «Марш в "Арсенал", негодный мальчишка!». Ох и всыпали мне... нам, — Гай вздохнул и покосился на соседа.

— Славно я этому тогда врезал! — вспомнил вдруг Майс, привстав. — Ну, после этих его «ра Данрес, на помощь, контрабандист за унитазом!». Все трое тогда в «Арсенале»... — Он резко замолчал, получив сразу несколько тычков.

Глаза Иллис на секунду затуманились, словно облачко закрыло солнце, но тут же она снова улыбнулась.

— Вот бы поглядеть, какими вы были малышами. Наверняка ужасно милыми!

— И-ди-от! — беззвучно, одними губами, произнес Льен, глядя на болтуна. — А у нас есть групповая магография со второго курса! Хочешь посмотреть? — поспешно добавил он вслух.

Но тут их идиллия была прервана.

— Что ж ты не рассказываешь, как ревел тогда после «Арсенала»? А, ди Реар? — Князь неожиданно вырос за их спинами, заслонив собой солнце. — Эта история тоже достойна внимания.

Иллис вздрогнула, на секунду в карей глубине мелькнула паника. Но она быстро справилась с собой. В упор посмотрев на нарушителя спокойствия, она ясно и четко произнесла:

— Непременно хочу! Все, что касается вас, мне ужасно интересно! Можно прямо сейчас?

— Еще бы! Конечно! Пойдем, там, кстати, шоколадка еще осталась... Есть еще магографии... а у тебя есть из Ордена? — Парни, яростно испепелявшие взглядами Князя, вдруг поднялись, словно листья, сорванные порывом ветра. Они торопливо

собрали плед, подхватили подругу и ушли не оглядываясь.

У Кириана, смотревшего им вслед, заломило виски. Ярость, негодование, обида — все это чувства, недостойные рода Кейрош. Верно? К тому же если испытываешь их в отношении человека, который тебя не стоит. Он не должен расстраиваться. Не должен...

Глава 36

— Ну вот какими мы были малышами, смотри. Вот это Гай, не поверишь. А это Льен. Вот я. Ну а Майса узнать нетрудно, он почти не изменился.

Они опять сдвинули вместе три кровати и забрались в это гнездо все впятером, натащив туда пледов и подушек. За прошедшее время это стало привычным и, кажется, даже необходимым. И уроки, кстати, действительно учились гораздо легче и веселее.

Иллис устроилась в центре. Облокотилась на Льена и перебирала снимки по одному. Какие они смешные. Она улыбнулась, разглядывая насуспенного лохматого вороненка на одном из снимков. Потом искоса глянула на Габриэля. Надо же, до чего изменился! Был костлявый и носатый нескладеха, а сейчас... потрясающий парень. Девчонки бы в Ордене оценили...

Постоянные физические нагрузки сформировали худошавую, подтянутую и хищную грацию. То, что отталкивало в детском личике — слишком большой нос с горбинкой, резкие скулы, твердый тяжеловатый подбородок, — удивительно гармонично слилось в неординарно-привлекательное мужское лицо. Не красивое, но притягивающее взгляд. И глаза, темно-темно карие, почти черные, в неожиданно густых, пушистых ресницах под немного сросшимися бровями. Встрепанное воронье гнездо выросло в жесткую, чуть вьющуюся волну до плеч. Блестящую и антрацитово-черную.

Не зря женщины в городе на него оглядываются. Сама видела. А он-то догадывается, интересно? Не похоже. Оно и к лучшему.

Иллис любовно обвела взглядом всех четверых. Все хороши по-своему. Они у нее очень... лучше всех.

— А репку ты пленял на каком курсе? — спросила она, дергая Гая за прядку на макушке. — Есть снимки?

— Должен быть один, — Габриэль принялся листать магографии, — а, вот! Второй курс. Ты только не смейся, я там... чудно вышел.

Иллис взяла снимок. Хмыкнула на замечание Габриэля. Дернула его за знаменитый нос. — Отлично ты вышел.

Невольно взгляд скользнул мимо улыбающихся сорванцов вбок, где на заднем плане маячил еще один мальчишка. Да. Не узнать Князя трудно. Такой же красивый, такой же презрительный. Только маленький. И взгляд у него... нет, не злой. Иллис всмотрелась и невольно погладила пальцем изображение мальчика с тоскливыми глазами.

Льен быстро переглянулся с Норрианом. Накинул Иллис на плечи уголок пледа и привлек ее поближе к себе. Майс быстро скатился с лежбища и зашуршал в тумбочке.

Гай тоже вгляделся в снимок. Губы его тронула злая улыбка. Что, Кейрош, вспомнил? А ведь и для тебя в этих воспоминаниях ничего приятного нет! За драку тогда прилетело всем.

Габриэль угадал: Кириан в этот момент тоже предавался воспоминаниям. О том, как его желание подружиться и переехать в комнату к четверке отвергли на первом курсе из-за того, что пригрели этого торкова горца... с которым они подрались чуть ли не в первый день поступления и дальше так и цапались всю дорогу.

О том, как когда-то маленький Кир хотел подружиться с солнечным одуванчиком Майсом, но тот предпочел дружить все с тем же горцем, чтоб ему пусто было...

О том, как первые полтора курса Кириан все еще надеялся доказать этим... что он круче всех, и вообще... это они должны искать его дружбы!

Маленький, глупый... был. До этого дурацкого происшествия с репой, когда он всего лишь решил подразнить Габриэля за его идиотский поступок, а всегда миролюбивый Майс неожиданно так взъярился, что бросился в драку прямо у порога ректорского кабинета...

Влетело тогда им всем одинаково крепко.

А потом они куковали ночь в лазарете, и именно там все изменилось.

Кириан понял наконец, что его никогда не примут в эту компанию.

Он тогда занял койку в дальнем углу. Отвернувшись носом к стенке, делал вид, что спит. Но он не спал. В другом конце лазарета шептались двое других пострадавших, потом к ним прибежали их дружки... Время от времени они там весело хихикали, словно и не было похода в «Арсенал».

Наверняка над ним! Кириан не слышал, о чем говорят. Зато со всей ясностью чувствовал — у него так не будет. Никогда! Ни-ког-да... это несправедливо!

Это была, пожалуй, его самая горькая ночь в академии. Он закрылся одеялом с головой и глотал слезы, изнемогая от... чего? Одиночества? Собственной ненужности?

Он плакал тогда в последний раз. Плакал до тех пор, пока не уснул.

А утром проснулся уже другой Кириан. И ему не нужны были все эти глупости вроде друзей, улыбок, пожимания рук... Щенячьи радости! Мерзость и глупость.

Губы впервые скривила цинично-презрительная, Княжеская полуулыбочка.

А в комнате четверки продолжался уютный вечер. Ребята наперебой вспоминали прошлое, тыкая пальцем в снимки из разных времен, смеялись, рассказывали. Иллис живо участвовала в разговоре, даже обещала найти и показать пару снимков из своего орденового детства. Их там редко снимали, не та обстановка...

Льен вздохнул. Он, как всегда, видел и понимал больше остальных. За разговорами, за смехом все забыли о неприятностях. Казалось... Только Иллис все держала в руках тот самый снимок, со второго курса. И машинально время от времени, когда никто не смотрел, проводила пальцем по одному лицу.

Уже ночью, когда все улеглись в расставленные по местам кровати, пожелали спокойной ночи и погасили свет, Иллис, глядя в темный потолок, думала, думала...

Что же случилось тогда, о чем умолчали или сами не знают мальчишки? На этой магографии потрясающе красивый мальчишка еще... живой. Вредный, может даже противный. Но живой и очень печальный... А вот дальше со всех снимков на нее смотрел уже КНЯЗЬ. Такой, к которому она привыкла за полгода в академии. Циничный подонок, вполне довольный собой и жизнью.

Дни падали прошлогодними листьями с деревьев и прорастали новыми.

— Не хочу... не хочу. НЕ ХОЧУ!!! — звучало в каждой мысли, в каждом шаге, в каждом вздохе. Не хочу его видеть! Не хочу о нем думать! Не хочу его... его... НЕТ!!!

А ведь совсем недавно жизнь была простой и понятной. Что же случилось? Почему это случилось?

Его пальцы на щеке... Его дыхание, которое она чувствует губами... Его глаза так близко, так... сейчас, вот сейчас!

Иллис просыпалась с колотящимся в горле сердцем и долго лежала с открытыми глазами, потерявшись в темноте. Темно — это не там, где нет света. Темно — это там, где ничего не видно. Не ясно. Непонятно. В ее душе темно.

Можно привыкнуть к его постоянному недоброжелательному вниманию. Можно привыкнуть, не обращать внимания, не смотреть и не слушать.

Но как привыкнуть к тому, что сердце падает каждый раз, когда он просто мелькнет в конце коридора? Даже если она стоит к нему спиной, даже если он сам на нее не смотрит, просто идет своей дорогой?

Она всегда знала, когда он рядом. И все время, почти непрерывно, чувствовала, ощущала на себе этот странный, пристальный взгляд. Эдак с ума можно сойти!

Прятаться специально Иллис считала для себя невозможным. Прозрачная ледяная стена, которую она старательно выстроила между ними, трещала и прогибалась на каждом уроке, стоило ей сесть на свое место рядом с Князем. Но она терпеливо раз за разом восстанавливала ее.

Это отнимало так много сил, что девушка чувствовала себя разбитой уже к обеду. Глядя на осунувшееся лицо подруги, четверо в один прекрасный день подхватили ее под руки и утащили за стену академии, в тихую укромную рощу у ручья. Оказывается, Льен договорился с кухонной службой и обед теперь можно будет забирать с собой. Чтобы девушка не замерзла, ее сразу укутали в кучу пледов.

Иллис вздохнула с облегчением. Можно на пару часов исчезнуть из здания, где на каждом шагу есть риск столкнуться со своим наваждением. Как же хорошо, что у нее есть такие друзья!

Зимние дожди шли почти каждую ночь, в роще пахло свежестью и мокрыми листьями. Пахло покоем. И темнота в душе временно отступала. До вечера.

Глава 37

Еще ни одна ресса из высшего общества так не уязвляла его самолюбия. А их на памяти Кириана было множество, и они льнули к нему всегда. Чтобы какая-то девчонка игнорировала его!

Она просто не понимает, как ей повезло. Могло бы повезти. Он первый сказал ей, что их вечер был ерундой? Ну и что? Если бы она хотела, она смогла бы его уговорить. Тогда, но не теперь. Он мог быть нежным с ней, теперь она узнает, каким он может быть...

Однако Кириан был не дурак и понимал, как глупо будет выглядеть, если его колкости раз за разом будут ломаться о стену равнодушия. Поэтому он избрал другую тактику. Теперь он ронял замечания мимоходом, но так, чтобы всем было слышно, и делал при этом вид, что ответ ему не интересен. Да они по большей части и не требовали ответа...

Единственное, что ему могла противопоставить Иллис, — то самое равнодушие. Она не реагировала никак. Внешне. А вот у мальчишек это не получалось...

— Тебе надо почаще надевать облегающие платья, крошка. Тогда язык у Майса будет свисать еще ниже.

Бросив беспомощный взгляд на Иллис, Майс грубо отрезал:

— Свой подбери, наступят!

— Не отрицаю, мне нравятся хорошенькие птички. Может, проведем вечерок вместе, а, красотка?

— Смени тон, невежа, — включился Норриан, вырастая между Князем и девушкой.

— А то что, господин заступник? Вы отшлепаете меня по попке?

— Могу и отшлепать, приходи в мое дежурство, — сквозь зубы процедил Норр. — Я не знал, что у тебя такие экзотические пристрастия.

— Покорнейше благодарю, но это как раз не по моей части. Возьмите для этих целей лучше свою подопечную.

— А по тебе не скажешь, — из последних сил сохраняя спокойствие, уронил Норр.

— Слишком настырно спрашиваешься на выволочку!

— Лучше объясни, почему тебя так тянет к моей заднице? Отойду-ка я подальше на всякий случай, а то мало ли...

К счастью, тут прозвенел звонок, а то неизвестно, до чего они бы договорились.

И так повторялось все чаще, а замечания Князя становились все более грубыми.

Он мог окинуть ее оценивающим взглядом с ног до головы и затем произнести:

— О! А твое трико ничуть не хуже, чем платье. В нужных местах все на виду!

Или:

— Что, вчера было тоскливо ночью? Залезай в мое окошко, я знаю, ты умеешь...

Иллис пришлось устроить чуть ли не скандал, пока она добилась от мальчишек твердого обещания не лезть в драку и вообще по возможности не лезть. Но сама она постепенно чувствовала, что закипает. Ей даже сны стали сниться реже — те, после которых она полночи ворочалась в кровати, боясь снова задремать.

К тому же совсем не реагировать у мальчишек не получалось, и Иллис все время чувствовала себя так, словно пряталась за их спинами, не в силах защищаться сама. Но это же неправда! Она просто не хочет опускаться до его уровня!

И однажды ее терпение лопнуло.

Сегодня Князь подстерег свою добычу в безлюдном коридоре возле купален, откуда Иллис возвращалась после тренировки.

— Что, сегодня без адвокатов? Ай-яй-яй... и кто же заступится за нашу маленькую бедную малышку?

Девушка попыталась как обычно его проигнорировать и пройти мимо. Но он не позволил:

— У тебя дурные манеры, тебя не учили, что не отвечать на вопрос невежливо?

Он шагнул вперед и оказался прямо перед Иллис.

Она, наконец, подняла на него глаза. Впервые за долгое время их взгляды так открыто встретились. Карие солнышки сегодня были усталыми и... колючими.

— Ты еще за косичку меня дерни. До сих пор не понял, что твое внимание мне не интересно?

Он аж задохнулся от такой отповеди, а потом...

— Не интересно, значит... — лицо Кириана вдруг придвинулось совсем близко, и Иллис увидела, как светлеют в припадке бешенства серые глаза и как на бледных скулах загораются пятна гнева, как приоткрывается его рот, чтобы что-то произнести... А в следующую секунду он приник к ней вплотную, схватил одной рукой за плечи, другой за талию, и его губы властно, настойчиво и нетерпеливо накрыли ее губы.

В первое мгновение Иллис так растерялась, что не успела ничего предпринять, а потом стало поздно.

Колени в очередной раз подогнулись. Голова пошла кругом, широко раскрытые глаза уже ничего не видели, и девушка повисла в стиснутых руках Князя. На несколько секунд. А потом горячая волна прошла от кончиков волос до самых пальчиков ног, и через миг она ответила, не менее яростно и жадно.

Это было не похоже ни на один поцелуй, случавшийся с ним прежде. Это вообще не было ни на что похоже. Все мысли и все чувства разом покинули Кириана, он весь, казалось, сосредоточился там, где к нему прикасались ее губы и ее тело.

Это длилось бесконечность. Пока обоим, наконец, не перестало хватать воздуха. Тогда Кириан нехотя оторвался от девушки, чуть отпустил ее и тут же снова потянулся за поцелуем, совершенно одурманенный ощущениями.

Иллис пришла в себя неожиданно, но еще не понимала, кто она и на каком небе. Тяжелое дыхание, горящее лицо... это что? ЧТО?!!

Резко вывернувшись, она залепила Князю такую оплеуху, что у того голова мотнулась.

— Ах ты... скотина... опять? Опять! Инцидент, да?! — она даже не говорила — шипела. Устремленные на него в упор глаза больше не были ни карими, ни солнечными. Они прожигали насквозь, и в глубине кипело дикое, расплавленное золото ярости.

— Еще раз, сволочь... — она еле переглотнула kloкочущее где-то в груди бешенство. — Еще раз приблизишься ко мне — я тебя убью.

Она сказала это с такой глубокой внутренней убежденностью, что поневоле верилось. Испепелив «сволочь» на прощание еще одним яростным взглядом, Иллис развернулась и исчезла.

На этот раз он ничего не сказал. Стоял на том самом месте, где только что произошло то, во что невозможно было поверить, и смотрел в том направлении, куда умчалась невозможная девчонка. Только на лбу его билась маленькая жилка и ногти судорожно сжатых рук до крови впилась в ладони. Щека у Кириана горела. Еще ни одна женщина не позволяла себе такого в отношении него... Но, как ни странно, он не чувствовал

сейчас унижения. Чуть позже, меряя шагами дальнюю дорожку в саду, Кириан понемногу приходил в себя. Что с ним? Ну, поцеловал девчонку...

Это был не первый поцелуй в его Княжеской жизни. Далеко не первый... Почему же он до сих пор как в огне? Почему перехватывает дыхание, едва только он вспоминает это ощущение — как губы Иллис вдруг дрогнули и приоткрылись ему навстречу, как она ответила на поцелуй... Кириан прислонился спиной к дереву, прикрыв глаза. Было необъяснимо хорошо. Не хватало только ее рядом... Чер-р-рт!

А в это время, ничего не видя перед собой, ничего не слыша, Иллис пронеслась по коридорам академии и выбежала во двор. Прохладный воздух обжег лицо и немного отрезвил. Гад, какой же гад!!!

Строптивный гнедой Габриэля, брать которого друг разрешал в любое время, сегодня вылетел на дорогу как птичка и даже не пытался показать характер. Чувствовал состояние всадницы.

Бешеная скачка в никуда. Ветер в лицо и дождь. Это хорошо... потому что она не плачет. Это дождь.

Она вернулась, когда уже стемнело. Как хорошо, что, пока в академии Анелла, никто не приставал к Иллис, если ей хотелось покинуть территорию. Но мальчишки, которых она не успела (если честно, даже не вспомнила) предупредить, не находили себе места.

Пока носилась по горам, успела привести свои чувства более-менее в порядок. Значит, эта сволочь решила поразвлечься за ее счет? Только-только удалось отойти от того проклятого танца, и тут этот гад...

Хуже то, что больше, чем на Князя, Иллис злилась на себя. Никогда еще собственное тело так подло ее не предавало.

— Больше ждать нельзя! Надо переговорить хотя бы с Анеллой! — услышала она, приблизившись к окну. Ох... мальчишки... какая же она эгоистка!

— Не надо, я здесь, — сказала она, возникая из темноты и натягивая на лицо маску спокойствия и легкой виноватости.

— Иллис! — все четверо как по команде подскочили со своих мест. — Что случилось?!

Никто из них и не предполагал, что девушка может так исчезнуть без серьезной на то причины.

— Да... ничего особенного... — она хотела было сослаться на внезапную тренировку на местности, но врать мальчишкам было ужасно неприятно. — Мне надо было подумать. Вы извините, я такая дура, совсем забыла вас предупредить...

— Мы не на шутку волновались, тем более... — Майс чуть не проговорился, что исчезнувший из поля зрения вместе с Иллис Князь добавил им очень неприятных минут.

Гай, который собирался произнести целую обвинительную речь про разных забывчивых девчонок, натолкнувшись на взгляд Иллис, тоже замолчал.

— Посидишь с нами? — просто спросил Льен, подавая ей руку для прыжка в окно.

— Как же хорошо, что вы у меня есть, — с огромным облегчением шагнула в комнату беглянка. — Простите меня, свинюшку забывчивую, ладно? — Она виновато улыбнулась сразу всем четверым.

И они с некоторым облегчением улыбнулись ей в ответ. И хотя у каждого на языке вертелся один и тот же вопрос, никто не стал его задавать. Только Льен накинул ей на плечи теплый плед и едва слышно шепнул на ушко: «Все будет хорошо, Иллис. Все будет хорошо...»

Горло опять сдавило, но она удержалась от слез. Нельзя. Нельзя перекладывать свои проблемы на них. Не дай Хелесс, задумают помогать или Князя воспитывать. Наживут нешуточные неприятности, а ведь они выпускники.

Она только благодарно прижалась к Льену, когда он ее укутывал.

— Спасибо. Вы самые лучшие.

— Не забывай, что я — самый-самый лучший! — смешным голосом пропищал Майс из полутьмы.

Она рассмеялась с огромным облегчением.

— Я помню!

Глава 38

Все было неправильно. Весь этот год был неправильным!

Кириан раздраженно посмотрел на свое задание и, вздохнув, закрыл тетрадь. В ней должно было быть исписано по крайней мере десять листов, но слова выходили примитивными и пустыми. Вот если бы ему задали сочинить не дипломатическое обращение в страны ближайшего западного пограничья, а сочинение про Иллис, Князь не сомневался, что смог бы написать куда красноречивее.

Мечты... как глупо и как не по-кейрошевски. Отец всегда говорил ему: «Если чего-то хочешь — бери»... Что же такое, во имя всех богов, с ним происходит! Почему его так выводит из равновесия какая-то девчонка?

Жизнь в Рандаре стала просто невыносима. Кириану казалось, что вся школа перешептывается у него за спиной, что четверка готовит для него какую-то каверзу, что ректор Грарард смотрит на него так, будто о чем-то догадывается.

Их словесные битвы с Иллис стали еще более жесткими. Теперь она не только огрызалась в ответ, но и сама начинала ссоры. И в эти моменты он снова от всей души ненавидел ее и жизнь, казалось бы, начинала налаживаться...

Но утром, когда солнце только-только окрашивало горизонт, он неизменно оказывался у окна. И тогда им владели совсем другие чувства. Ему было тяжело смотреть на девушку — от любого, даже самого невинного, ее жеста его бросало в жар. Боже, как она двигалась! Подойти к ней сейчас... прикоснуться губами к нежной шее, к бьющейся жилке... запустить руки во влажные после тренировки волосы...

«Все! Хватит! — сказал сам себе Кириан. — Что бы там со мной ни происходило, я не намерен этому подчиняться. Мне нужно съездить в город и хорошенько развлечься. В ближайшие выходные так и сделаю. Да!»

Со стороны казалось, что Иллис вовсе забыла о том, что случилось в полутемном коридоре возле купален. Ну подумаешь, огрызается даже тогда, когда Кириан ее не трогает, просто неосторожно посмотрит в ее сторону. А сколько он ее изводил? Ему, значит, можно, а ей? Да и не молчит он в ответ.

Ее доводили до иступления, до слез эти проклятые воспоминания. Впервые в жизни она не могла совладать с собственным телом, которое, стоило только чуть-чуть ослабить контроль, моментально норовило вытащить весь букет ощущений откуда-то из самого темного уголка памяти и обрушить их водопадом на ничего не подозревающую девушку.

Хеллес! Сердце останавливается, когда горячие губы требовательно прижимаются к ее губам, и вдруг начинает биться в унисон с чужим, дублируя удар за ударом. Тягучая истома растекается по телу, весь мир исчезает куда-то вместе со своими красками и звуками. Остаются только руки и губы. И...

Девушка в очередной раз вынырнула из воспоминаний и бессильно замотала головой. Нет, так не пойдет. Не хочешь, дорогая, забыть по-хорошему? Все равно забудешь, даже если придется...

Однажды Иллис решила уединиться в парке академии и немного поразмыслить над своей жизнью, для чего с удобствами устроилась в особенно уютной кроне. Потому что собиралась провести здесь много времени. Надо было, наконец, собраться с мыслями и решить, как жить дальше.

Воспоминания о поцелуе можно запихнуть в самый дальний уголок души, но как быть с тем, что источник раздражения каждый день мелькает перед глазами? И не просто мелькает — она ищет его взглядом, даже когда сама этого не хочет. Стоит ему исчезнуть — и у нее портится настроение. Стоит появиться — и... опять поругаются.

А если не поругаются — просверлят друг друга далекими от нежности взглядами. Вот и думай теперь, как в такой обстановке дотянуть до выпуска и не убить его, чтобы наконец успокоиться. Гад ползучий! Скотина белобрысая! Выпендрейщик несчастный... ой.

Помяни лихо, оно тут как тут. Топают прямо под дерево. Торки его принесли!

Она уже хотела тихонько перебраться по веткам в другую крону и скрыться, как внизу начало происходить что-то необычное.

Кириан какое-то время задумчиво бродил вокруг ствола, потом вдруг обернулся в сторону тропы и как-то подобрался. И точно, кусты зашуршали, и на полянку вылетел какой-то малек. Красный от быстрого бега, взлохмаченный, он заметил Кириана и со всех ног кинулся к нему, попытавшись уже на бегу вытянуться по стойке смирно. Но... запнулся, взмахнул руками и шлепнулся на землю в двух шагах от Князя.

Иллис на дереве втянула голову в плечи и на секундочку зажмурилась. Насколько она знала Князя — сейчас этому мальку мало не покажется за то, что он нарушил уединение такой важной персоны.

Тут Иллис заметила на рукаве мальчика нашивку команды барсов и совсем приуныла: это еще и не просто головастик, а один из подопечных Кейроша — тот, как и Льен, курировал одну из сборных команд первого-второго курса. Это не входило в обязанности каждого ар'гарда, заниматься кураторством можно было по желанию. Но такая «работа» очень высоко ценилась в личном рейтинге выпускника, и кто бы сомневался, что Кейрош и тут будет набирать все возможные очки.

Иллис уже наслушалась от друзей, как сурово и жестко Князь дрессирует своих головастиков, натаскивая их на победу в общеакадемическом соревновании, и заранее напряглась в ожидании неприятной сцены. Но...

Нет, там внизу что-то явно было не так. Голос Князя звучал вроде бы привычно холодно, саркастически и надменно, когда он распекал мальчишку, но при этом Кириан... сам быстро поднял упавшего мелкого с земли, мгновенно отряхнул, как-то одернул и поправил, так хитро, что взъерошенный головастик вмиг стал похож на приличного курсанта.

Кириан продолжал возвышаться над ним и распекать на чем свет стоит за безалаберность и плохие оценки. Грозил даже вклеить взыскание своей волей куратора и отправить «передавать привет дежурному в “Арсенале”». Он говорил так сурово, что мелкий тянулся в струнку и таращился на него совершенно оловянными испуганными глазами. А Кейрош, обрисовав нерадивому подопечному полную и ужасную перспективу исключения из академии, вдруг заметил, что мальчишка украдкой шмыгает носом и прячет ладони за спину.

Ух, как он начал ругаться! Еще хуже, чем раньше, еще более противным голосом. А сам при этом вытащил из кармана ту самую баночку вербены и... мазал ободранные о землю детские ладони. И вытирал пацану лицо своим платком, корча при этом такие зверски-брезгливые рожи, что Иллис на дереве смех взял. Ну очень это было... театрально.

А потом не менее грозным голосом велел лентяю и недоучке нести все книжки и тетрадки прямо сюда, потому что это дело чести руководителя барсов, чтобы его команда была на высоте! Если кто-то глупый не понимает на уроках, значит, будет заниматься дополнительно! И не смей об этом болтать!

Часом позже Иллис, наконец, смогла слинять с этого несчастного дерева.

Вот и как так-то?! И что теперь думать? Что козел не такой уж козел, а только притворяется? Что у него козливость включается периодами?

И ведь барсенок, который вроде как боялся своего куратора, все равно при этом таращился на Князя с немым обожанием... так не будут смотреть на человека, который только строит, тиранит и дрессирует.

А ей-то что с этого? Он что, меньше гад от этого?! Да ни разу! Только притворяется... и вообще! Она ему никогда не простит! Ни того, что он после бала ляпнул, ни этого проклятого поцелуя!..

Тьфу, только еще больше запуталась... Надо пойти поработать с нижними защитами — может, от усталости в голове прояснится?

Она не первый раз уже изматывала себя дополнительными тренировками до такого состояния, что в комнату поднималась как все — по лестнице и входила через дверь. Открытое окно уже не манило. Тем более что пришлось бы мимо его окна лезть...

Так она развлекалась уже примерно с неделю, только сегодня продолжение у тренировки вышло... м-м-м...

Дело в том, что с очередного орденского задания вернулась Анелла, заметила Иллис на площадке, подошла поближе, оценила состояние своей подопечной...

Глава 39

«Что ж за день сегодня такой...» — Иллис тихо-тихо застонала сквозь зубы, глядя на лестницу. На третий этаж... какой кошмар. Про дерево она даже не вспоминала. Вот тебе и усиленные тренировки. Зря она думала, что, избавляясь от ненужных мыслей, можно научиться чему-то толковому.

Анелла определенно заслуживала какого-то другого имени. Например — змеища безжалостная, садистка, крокодилица хладнокровная... Приехала, блин, рассмотрела и, очень ехидно прищурившись на побледневшую и осунувшуюся воспитанницу, в приказном порядке погнала ту «размять косточки».

Размяла... все до одной!!! В порошок... ой! Ступенька.

А если вспомнить ехидные комментарии о глупых девчонках и самоуверенных идиотках... это еще самое ласковое. Воистину змеища подколодная, столько яду в невинной на первый взгляд фразе... это только Анелла умеет. Даже ЭТОТ в подметки не годится.

ЭТОТ тоже ее достал сегодня с самого утра, и она явилась на тренировку, думая о чем угодно, но не об учебной схватке. Вот вам и результат. Интересно, а не синие и не фиолетовые места у нее вообще на теле где-нибудь остались? Даже губу умудрилась разбить, причем сама себе! Позорище.

Ах-ха, остался всего один этаж. А-а-а-а, понесите меня кто-нибудь-у-у-удь! Или пару запасных ног одолжите. И рук... и... а лучше сразу голову поумнее.

— Кажется, ресса немного устала? Что же не призовешь свою свиту на помощь? — Кириан вырос прямо посреди лестницы и перегородил ей дорогу. Он поднимался к себе из библиотеки, когда внизу послышались странные звуки. Он перегнулся через перила в попытке понять, что там происходит, тихо присвистнул, развернулся и зашагал вниз.

Ну приехали. Опять! Стоит вспомнить этого гада... впрочем, не было сил даже злиться. Как бы его обойти... Справа будет на шаг дальше от своей двери... значит, слева.

Иллис обреченно вздохнула, прохромала две ступеньки и легонько так, чуть слышно охнув при этом, отстранила с дороги нежданное препятствие.

Сейчас ее ничего не волновало, кроме собственной кровати.

— Отстань, а? Давай ты завтра будешь вредничать, торк с тобой... — пробормотала она, даже не глядя ему в лицо.

— Вредничать? — Кириан растерянно моргнул и, ничего не ответив, провожал взглядом ее странный подъем до тех пор, пока она не скрылась из виду. Хлопнула входная дверь.

Вредничать... что она имела в виду? Крайне озадаченный такой необычной реакцией, он пошел к себе, вытурил всех своих из комнаты и... Была — не была! В таком состоянии на дерево она вряд ли полезет.

Льен как раз собирался выходить и даже открыл дверь, когда кто-то, взявшийся за ручку с наружной стороны, стал тихо оседать на пол. Не сразу поняв, что это Иллис, парень автоматически подхватил падающее тело. И только потом разглядел.

— Иллис?! — не тратя время на расспросы, он осторожно отнес ее на ближайшую кровать и опустил рядом. Чуть закатал рукав тренировочной формы, чтобы пощупать пульс...

— О боже! Иллис, кто?! — на руке у девушки был устрашающего вида кровоподтек.

Ну вот... можно ле-е-е-ечь. И не шевелиться. Больше никогда не шевелиться, к демонам все. Ох... как хорошо, что есть Льен и что в комнате нет больше никого из мальчишек.

Иллис прикрыла глаза, попробовала лечь поудобнее, не выдержала и всхлипнула. Ну почему-у-у-у все так плохо-о-о-о!

— Ну что ты... — Льен обнял девушку, приподнял, пытаюсь по лицу понять, насколько серьезно она пострадала. Затем прижал к себе и успокаивающе погладил по голове. — Ну что ты... — Он заколебался, не решаясь спросить. Но он должен был знать правду. — Иллис, скажи мне, это... ОН?

Зря он это спросил. А кто еще? Конечно, ОН!!! Он во всем виноват! Это его глаза не дают ей покоя ни днем ни ночью! Это его голос она слышит, даже зажав уши ладонями! Это он чуть не поцеловал ее! Это он ее НЕ ПОЦЕЛОВАЛ!!! И это он... он...

Уже не сдерживаясь, девушка вжалась в того, кто мог хотя бы понять, если не помочь, и зарыдала. В голос, с подвываниями.

Льен глубоко вздохнул, чтобы взять себя в руки. Чуть позже он найдет Князя, и это будет для того последний день. Но сейчас — Иллис. Он позволил ей выплакаться, хотя очень больно было видеть ее такой. Бережно обнимал, гладил по спине, прижимал к себе. Потихоньку она начала затихать, только судорожно всхлипывала время от времени. Льен чуть отстранил ее за плечи. Мокрые глаза, смотревшие на него, были совершенно несчастными.

— Как это случилось? — жестко спросил Льен. — Как он смог избить тебя? — Льен смотрел прямо на нее, и лицо у него было таким, каким Иллис его еще никогда не видела. Для Князя в нем читался смертный приговор.

Иллис всхлипнула особенно протяжно, а потом удивленно моргнула.

— Ч-ч-чего? — Она здорово наревелась и теперь, как маленькая девочка после долгого плача, говорить могла с трудом. С ума сойти, да она в жизни так не ревела! Мысль мелькнула и пропала, вытесненная другими, более важными.

— Я... его... сама в блин раскатаю, если нужно, — Иллис не понимала, что заплаканная мордочка с опухшими глазами и губами смотрится смешно, если пытается выглядеть воинственно. Но зато стало вроде немного легче. — Это Анелла... а он п-п-просто к-козел... — подумала и добавила: — безрогий!

Льен шумно выдохнул.

В конце концов она уснула у него на коленях, и Льен очень осторожно переложил девушку за ширму, на ее кровать. Пусть спит. Он постоял, глядя, как во сне она прерывисто вздыхает. Обиженно вздрагивают пухлые губы. Она совсем маленькая еще, почему они не видели этого раньше? Маленькая девочка, которая должна казаться взрослой и сильной. Спи, малышка...

А ему пора заняться своими обязанностями. И хотелось бы посидеть с ней, пока не вернется Норр или дружная парочка, но у него сегодня занятия с соколятами.

Он не заметил, как чуть колыхнулись ветви любимого дерева Иллис за их окном, не заметил и непрошеного наблюдателя в этих ветвях. А между тем он там был и едва не бился лбом о твердую кору от злости.

Чуть раньше Кириан едва не сверзился с дерева, пока перебирался с подоконника на развилку — все же от его окна до веток было далековато, — но тренированное тело и тут не подвело. Он застыл среди листвы и, затаив дыхание, взгляделся в полутьму чужого жилья.

Комната четверки была видна не полностью, но все же. Видно, как Льен возится с чашкой... Не особо интересно. Странно, кажется, никого больше в комнате нет. А, нет, вот она, лежит на кровати. Не на своей. Что же произошло? Глядя на нее, можно сказать, что она дралась на поединке. Чушь! Кто бы ее вызвал, она же у нас святая, почти Эйро. Кириан недобро усмехнулся. А может, как раз вызвала ОНА?

Льен несет ей чашку, закутывает в плед, как мило! Сажает к себе на колени... а вот это уже перебор.

Перебор!

Но почему меня так это волнует? Какое мне дело до того, что она сидит у него на

коленях? До того, что он прижимается к ней? Касается ее рукой? Шепчет что-то на ухо? Дьявол!

Что? Солнышко мое?! Девочка?! Милая, маленькая?! Тор-р-рк!!!

Проклятый тихоня, Норров подлипала Льен укладывал ее в постель, утешал и гладил так, словно имел на это право! Он прикасался к ней!

Убью, мрачно подумал Кириан и полез обратно в свою комнату.

Льен неторопливо шел через корпус младших курсов и пытался справиться с переполнявшими его чувствами. Очень хотелось найти одного конкретного придурка и набить ему лицо. Очень хотелось!

Самое печальное, что за все годы учебы никто в академии еще не выводил уравновешенного, очень продуманного и осторожного Льена из себя. Его образ невзрачного и незаметного середнячка был идеален, и он всеми силами его поддерживал. Только самые близкие друзья знали настоящего наследника фамилии ра Сайеш. И то не до конца... Не потому, что он им не доверял, нет. Просто повода не было показывать некоторые свои качества.

В академии никто не знал, что скромный купец, когда-то создавший целую торговую империю и взявший в жены самую знатную и красивую бесприданницу Амонтильера, занимался не только торговыми делами. Торговля — очень хорошее прикрытие для внешней и внутренней разведки и контрразведки. И ближайший друг отца занимал в этой структуре немалую официальную должность.

Отец должностей не занимал, он всегда был в тени. Для высшего света он оставался таким чуть простоватым нуворишем, торгашом с претензиями на аристократичность за счет больших денег. А на самом деле...

Льен отца боготворил и собирался идти по его стопам. Маска непримечательного середнячка была выбрана еще до поступления в академию совершенно сознательно и согласована с родителем, который был горд стремлениями и способностями сына.

И ни разу за все семь лет Льен не был так близко к тому, чтобы ее сбросить. Если один особо поганый Князек только попадетсЯ ему сейчас на пути... если попадетсЯ... торк.

Глава 40

Но сначала в коридоре ему попался вовсе не Князь, а какой-то головастик. Судя по нашивкам, со второго курса и... из команды Кириана.

Барсенок стоял, прислонившись лбом к стене, и тихонько всхлипывал. Кажется, этого рыжеватого тощенького второкурсника зовут... ну да, Финис ди Россет.

Льен тихо кашлянул, а когда мальчишка вздрогнул и испуганно вскинулся — положил ему руку на плечо.

Тот спохватился, развернулся, спешно вытер кулаками слезы. Затем запоздало и неловко попытался вытянуться и отдать честь, но Льен слегка покачал головой.

— Вольно. Из «Арсенала»? Ну не реви... к утру уже пройдет, и думать забудешь.

Ди Россет недоверчиво распахнул глаза. Этот чужой старший... Они часто видели, как он занимается со своими соколятами. Конечно, замечали, что у тех все иначе. Что старший сокол со своими гораздо мягче...

И в начале года, когда их барсом стал сам Князь, только презрительно фыркали и морщились. Потом поуменьли, конечно: каждому свое. Но своим барсом они все равно годились — сам Эса ди Кейрош! Строгий уж-ж-ж-жасно... но возится же с ними и, если по-честному, зря никогда не наказывает. Но если провинился... уй... Лучше не ной и не жалуйся, если не хочешь добавки.

Но сейчас сокол смотрит так по-доброму, что невольно опять хочется заплакать. А нельзя!

— Да, сэр, — кивнул мальчик. — Я справлюсь, сэр.

— Молодец, — Льен понимал, что свое отношение к методам барса стоит оставить при себе. Просто решил утешить парня. Но не успел и этого.

— Что здесь происходит? Ди Россет! Почему до сих пор не в спальне? Не говоря уже о том, что ты двадцать минут назад обязан был явиться ко мне с докладом!

Кириан возник из-за поворота бесшумно и сразу пригвоздил штрафника к месту холодным взглядом. Он и так задержался после отбоя с этими маленькими разгильдяями, отодвинув свои дела, а тут еще один из барсят не просто опаздывает, но и стоит, понимаешь, болтает с... с врагом!

Мальчишка сразу замер на месте, боясь шелохнуться.

— Дежурный офицер передает вам привет, сэр, — произнес он сакраментальную фразу, — и просит списать с кадета ди Россета десять штрафных баллов. Отрапортовав, мальчишка устался в пол.

— Лучше поздно, чем никогда, кадет, — язвительно заметил Кириан. — Полбалла за опоздание и еще полбалла за несвоевременные разговоры, кадет.

Несчастный головастик виновато опустил голову и снова всхлипнул. Ну и нарвался:

— И еще полбалла за то, что развел тут нюни! Завтра с утра я лично проверю, как ты готов к занятиям! — последовала мгновенная реакция.

Льена он демонстративно не замечал. Просто чтобы не сорваться и не устроить драку при подчиненном. А удержаться было очень трудно — нестерпимо хотелось дать этому блеклому тихоне с разворота, просто за то, что он позволяет себе усаживать Иллис на колени, обнимать ее, вытирать слезы, шептать что-то на ухо... При одном воспоминании об этом у Кириана темнело в глазах от ярости. И плевать становилось даже на то, что кое-какой сокол смеет вмешиваться в дела чужой команды!

Льен заледенел. Холодная волна бешенства поднималась откуда-то со дна души. Торк, мальчишка уже был ни при чем, хотя и послужил чем-то вроде спускового крючка — сокола всегда бесила жесткость, с которой старший барс дрессировал свою малышню.

Но если по-честному, дать в морду уроду хотелось вовсе не за это...

— Жаль отвлекать вас, господин барс, но не уделите ли мне пару минут своего драгоценного времени? — преувеличенно вежливо обратился он к Князю.

— А, господин сокол... Чем могу быть полезен? — отозвался в тон ему Кириан, делая вид, будто только что его заметил. И внутренне кровожадно возликовал. Неужели есть шанс поквитаться?!

Льен смотрел на Князя и понимал, что сейчас единственное, что он чувствует, это острое желание убить. И спаси Эйро, убил бы с таким удовольствием! Но нельзя. Нельзя ничего, даже...

— Может, мы отпустим курсанта в спальню, у младших уже был отбой, — внешне спокойно предложил он.

«Ну же, скотина. Последний шанс тебе не опозориться! Я же тебя размажу...» — еще успел подумать он.

— Я сам решаю, когда мне отпускать подчиненных! — Кириан не скрывал злого торжества в голосе. Он знал, что перевес на его стороне. Все, что Льену остается в этой ситуации, — это вызвать его на поединок, иначе прослышет трусом. Не лучшее решение. Не тягаться ему с Князем, одним из лучших бойцов академии.

Зря ты ввязался в это дело, сосунок, зря... Глаза Кириана мстительно блеснули. Но теперь уже поздно поворачивать, ты сам загнал себя в угол.

— Что ты сделаешь? Вызовешь меня?

Он был уверен в себе, уверен, что этот трус и посредственный боец, как всегда, слиняет в тень своих дружков. Льен никогда никого не вызывал в круг. Это не Норриан, не бешеный Габриэль и даже не душечка Майси. Этот...

Льен опять поймал себя на мысли, что даже рад. Рад возможности. Рад тому, что этот придурок не захотел решить дело миром. Рад, что можно отплатить ему, наконец, за слезы Иллис, за этого мальчишку и вообще за все хорошее!

Льен мягко улыбнулся. Ласково так. Пепельно-русовая челка затенила взгляд. И голос был словно шелковая удавка.

— Много чести, Кейрош. Таких, как ты, надо просто ставить на место. Как взбесившееся животное. Вот так.

Что он сделал? Неуловимая тень. Движение на грани взгляда, на грани сознания.

В бою нет запрещенных приемов — так учил Льена отец.

Никому не нужна красота твоих выпадов. Бей первым, бей так, чтобы не могли ответить. Так учил Ри, лучший друг отца и глава тайной разведки королевства.

Выпад был короткий и неожиданный, как бросок змеи. За ним последовала такая ослепительная вспышка боли, что у Кириана потемнело в глазах. Так и не успев толком понять, что произошло, он обнаружил себя прижатым к полу. Льен нависал над ним и локтем жестко фиксировал его за шею. О том, чтобы вырваться, не могло быть и речи, дышать бы...

— Дай мне повод, Кейрош, — Льен наклонился к поверженному врагу. — И я размажу тебя как грязь, на глазах у твоего барсенка.

Он не просто сказал. Он мог это сделать. И он собирался это сделать. Легко. Его глаза были кристально прозрачными, трезвыми и даже не злыми, но они внушали ужас. И пусть это длилось всего мгновение, этого мгновения оказалось достаточно.

Жесткий захват стал совершенно непереносимым, невозможно было ни вдохнуть, ни выдохнуть. А потом ослаб, давая возможность чуть-чуть прийти в себя. Но руку Льен не убрал.

Кириан, тяжело дыша, уставился на человека, которого он до этого дня не знал. Видел лишь мягкотелого безвольного добряка, дамского угодника, тень Норра. Сейчас перед ним был другой — жестокий боец, в чьих глазах не найти ни малейшего намека на мягкость. И который — Князь вдруг явно это ощутил — мог бы убить в случае необходимости.

Отец всегда говорил, что проигрывать надо достойно. Как бы повел себя он в такой ситуации? Как... отступил бы. Временно! Изучил противника... и ударил бы наверняка.

— Отпусти... — прохрипел Кириан наконец. Это прозвучало как капитуляция.

Льен помедлил еще несколько бесконечных мгновений. И снова прижал его так, что показалось — еще секунда, и он просто раздавит. И отпустил. Поднялся сам, незнакомым, текучим движением опытного зверя. И рывком вздернул Князя на ноги, легко, как тряпичную куклу.

— Отпусти мальчишку, и поговорим.

Кириан отряхнулся. Он был в совершенной растерянности, но самообладание сохранил.

— Курсант ди Россет, в спальню, бегом, — проговорил он сквозь зубы, используя крайне официальную форму обращения.

И когда мальчишка скрылся за поворотом, посмотрел прямо в глаза Льену, без страха, но с легким вызовом и интересом:

— Ты застал меня врасплох, ра Сайеш... Не ожидал, признаю. Буду внимательнее.

— Это хорошо, — усмехнулся в ответ Льен, — что будешь. Я дважды не предупреждаю. Отстань от нее. Или пожалеешь.

— Ничего, я рискну, — Кириан чуть приподнял уголки губ, обозначив свое отношение к угрозе.

Льен вдруг прищурился и посмотрел на противника очень пристально.

— Она тебя всерьез зацепила, да, Князь? Гораздо... гораздо сильнее, чем ты сам готов признать. Хм... Это интересно.

— Не говори глупостей! — снова вспылил Кириан, но тут же попытался сгладить свою оплошность: — Я просто...

— Да ладно, Кейрош, — прищур Льена стал еще насмешливее. — Себя ты еще можешь попытаться обмануть, но не меня. Сочувствую, Князь. Сочувствую... тяжело тебе придется.

И прежде чем Кириан нашел что ответить, развернулся и исчез за поворотом. А Князь остался стоять в растерянности, обдумывая его слова.

Торк побери... а почему бы и нет?

Кириан упрямо вздернул подбородок. В конце концов! Отец сам учил — хочешь чего-то? Добейся вопреки всему и получи.

Да, надо признаться самому себе — он хочет эту девчонку. Зачем? Какая разница. Главное, он ее получит!

Глава 41

Любую девчонку можно заполучить. Это несложно, если: первое — говорить ей красивые слова, второе — дарить цветы и дорогие подарки, третье — проявлять галантность и внимание. Отработанная схема. Немного терпения, и она сама прибежит. Мы еще посмотрим, кто кого.

Кириан в столовой за завтраком втихаря наблюдал, как Лъен что-то говорит Иллис, держа ее за руку. Встать? Подойти? Сказать ей, как прекрасно она выглядит? И увести у него из-под носа. Не-ет... спешка тут не нужна. Сначала — подготовим почву.

Князь усмехнулся. Вариант «А» — таинственный незнакомец.

Следующим утром Иллис пришлось вставать очень рано. И как назло, вчера она засиделась с заданиями, потому что весь вечер Анелла гоняла ее как проклятую по торковой полосе препятствий.

Ох... ну ползем, ползем... хотя бы до окна можно добраться, не открывая глаз... Ай! Торк!!! Какая скотина... это что такое?! Откуда... А-а-а-а! Пчхи!

Когда грохот, треск и звон прекратились, оказалось, что несчастная соня, отчаянно ругаясь и чихая, вытаскивает из волос какие-то мокрые палки.

Поход к окну и попытка взобраться на подоконник не открывая глаз сегодня кончилась плачевно. Три здоровенные корзины с изящными (недавно) букетами занимали весь подоконник. На одну Иллис спросонок наступила, поскользнулась, во вторую, пытаясь удержаться, угодила рукой — прямо в колючие стебли, а третья свалилась ей на голову, когда она все же шлепнулась на пол. И теперь отчаянно возмущалась, напрочь разрушая тишину раннего утра.

Кириан в своей комнате ждал ее пробуждения и не имел возможности наблюдать. Он слушал. Он ждал, что услышит взволнованные «ахи-охи», неизменные в таких случаях. Но что-то пошло не так, как он планировал.

Во всяком случае звуки из соседнего окна никак нельзя было назвать восторженными. Что, торк возьми, она там делает с цветами?

Князь осторожно высунулся в окно, делая вид, что только что проснулся и потягивается. А сам скосил глаза вправо. Ч-что...

Одна корзина, вернее ее печальные останки, стояла на подоконнике. Иллис, мокрая, всклокоченная, с каким-то цветком на макушке, пыталась туда водрузить вторую и ругалась на чем свет стоит.

— Кто это сделал?! Апчхи! — свирепо рычала она, прожигая взглядом ошалевших мальчишек, вскочивших с постелей после ее гневных воплей.

Кириан поспешно спрятался за занавеску.

— Что сделал? — Майс тоже не мог ничего понять, но машинально потянулся и сдернул с ее макушки застрявшую розу. То есть попытался. Роза попалась шипастая и упорная — выдиралась исключительно с половиной шевелюры.

— А-а-ай! — взвыла Иллис. — Ты что! Да подожди же... с-с-с-с!!! Зар-р-раза... убью! Это точно не вы устроили?

Дальнейшие ругательства и обещания убить Кириан слушать не стал. Стукнул по стене кулаком в досаде и отошел вглубь комнаты. Первая попытка провалилась. Ненормальная какая-то девчонка...

«Цветы ей, значит, не годятся. Ладно, думаем дальше...»

— Такой вид построения может принести успех, и, несомненно, противник может потерпеть поражение... — вещал мастер ди Руэр. Кириан слушал его вполуха.

Иллис, по всей видимости, тоже не особо интересовалась тактикой и построением. Она

осторожно поглядывала по сторонам.

«Да ведь она ищет того, кто ей утром цветы принес», — неожиданно понял Кириан. Это его развеселило.

«Ну-ну, девочка... Еще не время раскрывать карты».

Она и правда присматривалась сегодня особенно внимательно. Кто ж это так поиздевался?.. Ну то есть она не дура, понимает, что это типа как бы сюрприз. Приятный. Да. И какая ж сволочь ей так удружила? Чтоб ему...

Единственным, на кого она не смотрела, был Князь.

— Взятие этой крепости требовало нестандартных и ранее не используемых при штурмах решений. Но эта победа не только вошла в историю военного дела, но и стала бесценным опытом...

«А может, она просто не любит розы? — Кириан задумался. — Пожалуй, да, розы в корзинах — это слишком банально. Поищем “нестандартные и ранее не используемые решения”».

«Ларьер так улыбается... все время улыбается, как на меня посмотрит. Может, он? Да не-е-е-е... Он бы сразу оду настроил на три тетрадки, он это любит, — Иллис содрогнулась, вспомнив стихотворное поздравление ко дню рождения Габриэля, которое добрые десять минут зачитывал непризнанный стихотворный гений. — Тьфу-тьфу-тьфу... не дай Хеллес».

«А у Ритара аллергия на розы, сам рассказывал, как обчихал сестренкиного поклонника в детстве... — Иллис тихо хихикнула, не разжимая губ. — Может, Аэрт?»

«Нужно что-то необычное. Из цветов, пожалуй, подошли бы орхидеи или еще лучше — линарии. Дороже не придумать. А вот оформление...»

Кириан вспомнил свою последнюю пассию. Она обожала линарии. Как-то целых полчаса проторчала перед витриной, в которой были шляпки с магически выращенными цветами. Такие цветы завянут не раньше, чем износится шляпка. Но и стоит это модное чудо целое состояние. Поэтому чаще всего является несбыточной мечтой и украшением дорогого магазина.

Это должно сработать!

«Да ну их всех, в конце концов! — решила тем временем Иллис и уткнулась взглядом в учебник. — Еще раз притащат — на голову надену! К торку все эти цветочки-корзинки!»

Следующим утром девушка подбиралась к подоконнику с изрядной осторожностью. И полной готовностью отразить розово-колючее нашествие. Но подоконник, слава Хеллес, был пуст. Ой! Нет, не совсем!

Маленький и какой-то изысканно изящный сверток притаился в уголке за занавеской. Иллис уставилась на него с немалым подозрением. Это что еще за гадость?

Кириан, конечно, ждал на своем посту.

«Кажется, взяла... Еще бы! — хмыкнул он. — От таких вещей не отказываются». Он был очень доволен собой до самого обеда, пока не вышел прогуляться во двор и не увидел посреди клумбы... Необычайно красивые, изысканно-утонченные...

— Вот и водичка. Води-и-чка, води-и-чка! — напевая себе под нос, Иллис несла в отставленной руке здоровенную лейку. — О! — В шаге от клумбы застыл какой-то странно пришибленный Князь. Стоял, тарачился и не думал уходить. Иллис подождала, помялась, а потом махнула рукой.

— Ты что, никогда цветов не видел? — несколько неловко пробурчала она, отодвигая лейкой препятствие и пробираясь к своим посадкам.

— Линарий на клумбе уж точно. Никогда, — Князь перевел взгляд от клумбы на Иллис и

вдруг округлил глаза. — Эй, стой, что ты делаешь?!

— А где видел? На голове? — досадливо отмахнулась от него девушка, старательно поливая растения. — Подвинься... Ну вот, теперь приживутся, — она вытряхнула из лейки последние капли. — А то выкидывать жалко было... — резюмировала она неизвестно для кого.

Кириан онемел. В голове увиденное не укладывалось совершенно. Перевернутые корзины с цветами — куда ни шло, но линарии на клумбе и... лейка! Видела бы это Алисия, умерла бы на месте.

«Значит, “крепость” сдаваться без боя не желает, — мрачно размышлял он, когда к нему вернулась такая способность. — Выказывает нам свое полное пренебрежение. Что ж, тем интересней. В нашем арсенале еще полным-полно средств. А за издевательство с клумбой ты ответишь мне отдельно».

— Я что, садовник, что ли? — уныло спрашивала Иллис два часа спустя у хохочущих мальчишек. — Ну да, горшочек очень странный был. Оригинальный... Я еще удивилась, кто додумался цветы снаружи горшка посадить... Выкинуть бы к торку... но цветы действительно были потрясающе красивые и какие-то нежные, беззащитные. Рука не поднялась на такую красоту. Пусть растут, думаю... вот еще из лейки полью, и порядок! Ну что смешного-то? Льен! Упадешь сейчас с кровати!

— Ох, Иллис, ты бесподобна! — Льен вытер слезы и всхлипнул от смеха. — Радость моя, это был не горшок!

— А что? — не поняла его веселья новоявленная садовница.

— Самая модная шляпка сезона! — Льен откровенно плакал от смеха. — Ты хоть представляешь, сколько она стоит? Как годовой доход от небольшого поместья! Да все дамы в округе тебе глаза бы выцарапали за эту шляпку! Ох... Линарии выращивают только как украшения для самых богатых, каждый росточек маг приживляет!

— Шля-апка? — Иллис совершенно потрясенно округлила глаза. — Серьезно? Это... на голову надо было одевать? А похоже на горшок... Да чего вы хохочете!!! Ну чего! — она возмущенно сложила руки на груди, но вдруг ойкнула: — Теперь понятно, почему Князь так выпучился, когда увидел, что я их поливаю! О-о-ой... а я ему еще сказала... я ему сказала... — Иллис сама закатилась от хохота.

— Какой идиот придумал надевать на голову горшок? — простонала она между приступами хохота. — А главное... — она рухнула на спину на кровать Льена и даже ногами в воздухе подрыгала. — Главное, мне кто додумался это притащить? МНЕ?

— Кто бы это ни был, он здорово потратился и просчитался... — выдавил Норр, вытирая слезы.

— Вот именно! Куда я в этой... этом горшке, на полосу препятствий? Ой, карти-и-инка... Я, вся такая изысканная после грязевой ловушки, а на голове клумба! А-а-а-а-а!!!!

— Иллис, не надо... — все четверо уже стонали от смеха. — Пощади-и-и-и!

— Это, наверное, маскировка! — «догадалась» Иллис безжалостно. — Под кикимору болотную! Вариант весенний. Кокетливый! Все крокодилы мои были бы! Эх, пойти, что ли, выкопать...

Кириан на дереве угрюмо насупил и скрипнул зубами. Самое обидное было, что, во-первых, эта торкова орденка права — сам дурак и мог бы догадаться, что у нее вкус несколько оригинальнее, чем он привык. А еще обиднее было то, что даже скрип зубовный не помогал: губы сами собой разъезжались, и сдержать смех почти не получалось. Кириан никогда в жизни еще не смеялся над самим собой. Это был очень новый и неожиданный опыт.

Глава 42

На следующий день после обеда Иллис собрала приготовленные материалы и направилась к кабинету экономики. Надо как-то так сдать это дело, чтобы не столкнуться с Князем наедине. А то это будет... трудно.

С одной стороны, проект действительно оказался интересным. В Ордене ей такими заниматься не доводилось. Ну не нужны как-то такие расчеты в пограничье, а уж за гранью и подавно. Особенно в последнее время, когда участились пробои. И черные «гнезда» возникали на всем протяжении границы. Рейнджерская служба отслеживала эту пакость и выжигала на корню. Но пока было живо материнское гнездо по ту сторону щита, оно продолжало пускать корни, которые глубоко под землей прорастали все же сквозь щит. И самое страшное, уже почти пятнадцать лет эта дрянь не только перебрасывала на эту сторону черную контрабанду.

Редко, но находилась мразь, что готова была за черное золото на все. Даже на то, чтобы рискнуть и притащить в пограничье одурманенных каким-то зельем людей. И отдать их гнезду... Зачем они нужны на той стороне, никто не знал. Но ясно, что ничего хорошего их не ждало.

Рейнджеры, если натыкались на торговцев «живьем», как пренебрежительно называли свой товар подонки, вырезали тех безжалостно. На месте и под корень. Одурманенных направляли в Орден и долго лечили.

Но рейнджеры успевали не всегда. Увы. Иногда они находили новое гнездо, выросшее по нашу по нашу сторону границы уже «сытым», в налете густой, жирной какой-то сажи. Это означало, что жертвы уже переправлены корнями туда, за стену. И тогда помочь несчастным могли только мастера Ордена. Те, что могли уйти за ними за щит, на территорию кархов. Вернуть людей и уничтожить главное гнездо.

Иллис так глубоко задумалась, что шла по коридору, не глядя перед собой.

— Не позволит ли ресса украсть несколько мгновений ее драгоценного времени?

Это прозвучало над самым ухом и так неожиданно, что девушка непроизвольно шарахнулась и почти приняла оборонительную стойку.

— А... Торк! Нельзя же так людей пугать!

— Мне очень жаль, если я напугал тебя, я этого не хотел... — собеседник перешел на низкие грудные ноты. — Так ты уделишь мне пару минут? — обольстительная улыбка излучала уверенность в положительном ответе.

Иллис даже отступила на полшажка. Растерянность, недоумение и даже некоторое пугливое подозрение отразились в карих глазах.

— Э... ты здоров?

Кириан усмехнулся, как будто ожидал услышать что-то подобное.

— Вполне. Просто я подумал... мы не слишком-то с тобой ладили все это время. Почему бы нам не изменить это? Мы вместе пишем проект, и... — он кивнул на папку в ее руках, сделал паузу и еще чуть понизил голос, — разве плохо, если мы станем лучше относиться друг к другу?

— С чего это ты такой добренький? — Иллис не оставила своего подозрительного тона, но было видно, что она сбита с толку и слегка смущена.

Кириан мысленно выдохнул. Что ж так трудно-то? Так. Небрежно пожать плечами. И сказать ей то, что она хочет услышать. Да, правильно.

— Ты так прекрасно выглядела на балу. Боже! Ты была там самой восхитительной девушкой.

«Впитаться в нее глазами и не отпускать. Она отвернулась. Прекрасно. Значит, мы на верном пути. Теперь главное — не дать ей перебить себя. Больше страсти, Кириан,

больше страсти!»

— Я знаю. Я по-свински повел себя тогда, — он изобразил глубокий вздох и искреннее огорчение. — Позволь мне загладить свою вину.

Иллис склонила голову к плечу и, чуть прищурившись, в упор рассматривала собеседника.

В каком лесу, интересно, что-то сдохло и каких оно должно быть размеров? Чего это он тут... хм... изображает? Или правда решил, что не стоит быть свиньей? Да нет, не может быть. Или может? Уф...

— И чего ты хочешь? — надо выглядеть уверенной и спокойной. Вот так. Подбородок вверх... и не краснеть! На балу... на балу... ну не-е-е-ет!

— Для начала, чтобы ты взяла вот это.

Князь вытащил на свет красиво упакованную коробочку. Красная ленточка смотрелась с белым очень изящно. Два сердечка — одно побольше, второе поменьше — прикреплены сверху будто невзначай.

— Умоляю, не отказывайся. Это в знак примирения.

Иллис непроизвольно спрятала руки за спину.

— И что, оно взорвется у меня в руках, обрызгает чернилами, или из него торк на пружине выскочит? Умоляй кого-нибудь другого. Я тебя слишком хорошо знаю.

— Боишься? — Кириан в веселом удивлении поднял бровь. Затем сказал ей совсем как маленькой девочке, которая боится взять в руки новую игрушку:

— Это всего лишь пирожные, и они не кусаются. Смотри... — Он легким движением потянул за ленточку.

Любопытство сгубило, как известно, не только кошку. Иллис чуть вытянула шею и заглянула в коробочку. Одним глазком всего. Эм... кажется, правда пирожные. С шоколадной крошкой... Ы! Так. Вот с чего это он, а? Тут что-то нечисто.

— И чем ты их нафаршировал? Слабительным?

— Зачем же подозревать меня в столь примитивном поступке? — Кириан добавил легкую обиду в голос. — Впрочем, я, конечно, сам виноват и полностью заслуживаю вашего недоверия, ресса. Придется мне его развеивать. Подержите?

А сам мысленно взвыл: «Нет, ну что за торково создание, все у нее не как у людей! В таких случаях полагается радоваться и благодарить, опустив глазки. Все девицы так делают. А эта... простой подарок не может принять как следует!»

Иллис смотрела, как он откусывает от пирожного, очень внимательно. Съел, смотри ты. И даже глазки прижмурил, мол, кака-а-ая вкуснятина. Ну ладно... все равно ведь не отстанет. И вообще, может, он и правда от души. Есть же у него душа? Наверное... Где-то там...

— Ну ладно. Будем считать, извинился, — девушка осторожно вынула одно пирожное и храбро куснула...

«Клюнула рыбка... Теперь никуда не денешься. Держу пари, твои четверо тебя таким никогда не угощали...» — Кириан внимательно наблюдал за Иллис.

Секунду она просто стояла, держа надкусанное пирожное и глядя прямо на Князя. Потом ее глаза вдруг стали увеличиваться в размерах, пока не стали занимать, казалось, пол-лица. Красненького такого...

— Эм-м-м-м... — промычала она, отступая на шаг. — Фпафибо... офень фкуфно, офень... подерфы! — сунула ему обратно в руки коробку и опрометью кинулась прочь.

Через пятнадцать минут, когда она постучала в дверь кабинета экономики и вошла,

получив разрешение, выглядела Иллис уже почти как обычно. Ну, может, только самую капельку раскрасневшейся.

— Извини, — смущенно выдохнула она. Ей правда было неловко. Если уж взяла подарок... — Там иерения в начинке. Меня от нее... В общем, я ее не люблю, — шепотом пояснила девушка, усаживаясь на свое место и доставая папку с бумагами.

— Пустяки, — ответил он беспечно. — В следующий раз постараюсь угадывать лучше.

«Да уж постарайся, Князь. Три неудачи подряд... и все с одной девчонкой! Что ты на это скажешь? То, что нет человека, которого нельзя купить. Вопрос лишь в том, кто сколько стоит. И вот это нам предстоит выяснить...»

На следующий день после большой перемены Габриэль стал невольным слушателем одного интересного разговора.

Болтали два однокурсника, и обсуждали они Иллис.

— Так что можешь забыть о ней, Ларьер. Если за дело принялся Князь, тебе точно не светит, — заключил один из них, сочувственно хлопнув приятеля по плечу.

— За что это он принялся, Мэл? — настороженно обернулся Гай, случайно услышавший разговор за соседней партой.

— Ты что, не в курсе? Вон, полюбуйся, — Мэл кивком указал на вход.

Понятно, там стоял Князь. Он мило улыбался и придерживал дверь, пропуская перед собой Иллис. Затем сопроводил ее до места и галантно отодвинул стул. Габриэль едва не зашипел от ярости. Ах ты, гад!

Быстро протиснувшись мимо соседа и по дороге дернув уткнувшегося в книгу Майса, он пересек класс и оперся рукой на парту перед Иллис, таким образом отодвигая слишком близко подобравшегося Князя и словно загораживая девушку.

— Тебе чего надо? — резко спросил он.

— От тебя — ровным счетом ничего, — с деланным равнодушием отозвался Князь. — Чем обязан?

— Придержи свои штучки при себе, понял? — тихо и угрожающе процедил Гай, чуть наклоняясь вперед и нависая над уже сидевшим Кирианом. В последнее время горец раздался в плечах и вытянулся, взяв от рода ра Данрес массивность, но не переняв тяжеловесности. Так что смотрелся очень внушительно.

А за его плечом, без слов и лишних пояснений, встал Майс. И смотрел с легким прищуром, холодно и прицельно, но без угрозы. Пока без угрозы.

— Мои штучки все при мне, — двусмысленно усмехнулся Кириан, — а вот ты свои, видимо, растерял, раз так паникуешь?

— Ну-ка хватит, — решительно прервала их беседу Иллис. Отодвинула Габриэля, мимолетно улыбнулась Майсу и чуть холодновато посмотрела на Князя. — Дайте мне сесть нормально. Сейчас урок начнется.

— Ты меня понял, — бросил Кириану очень недовольный Гай через плечо, возвращаясь к своей парте. И все занятие мрачно зыркал оттуда на них двоих, как не вовремя разбуженный филин из дупла.

Князь беспрестанно улыбался Иллис и время от времени что-то говорил, склоняясь к ней. Вид у него при этом был очень самодовольный. Габриэль кипел. Правда, внимательнее присмотревшись к девушке, чуть успокоился. Может, для других она и выглядит безмятежно-доброжелательной, а он-то знает, что значит, когда она вот так складывает губы и чуть отодвигается. Не нравятся ей твои ухаживания, индюк!

— Слушайте, перестаньте вести себя как ревнивые папаши! — возмущалась вечером в комнате Иллис. — Мне не три года, и даже не тринадцать, чужой мальчишка не отнимет

у меня бантик и не полезет целоваться. Если что, торжественно обещаю: сама двину его по голове совочком. Договорились?

— Если я правильно все понял, чужой мальчишка — это Князь? — уточнил Норр, который вместе с Льеном на утренних занятиях не был.

— Ты образец догадливости, — съязвил Гай. — Видел бы ты, что этот тип выделяет! Прости, Иллис, но ты и представления не имеешь, на что он способен!

— Это он представления не имеет, — усмехнулась девушка. — Успокойся, его ритуальные танцы так же фальшивы, как он сам. Кстати, я догадываюсь теперь, откуда были эти напасти на мою голову! — она качнула подбородком в сторону подоконника.

— Вполне в его духе, — кивнул Льен. — Только пока неясно зачем. Князь ничего не делает просто так.

— Сама в недоумении, — Иллис пожала плечами. — Разберемся.

«Чтоб ты провалился, ловелас проклятый!» — еще через пару дней думал Майс, провожая глазами павлиньи расшаркивания Князя перед девушкой. Он вполне разделял опасения Габриэля. Так и крутится вокруг их Иллис. Как кот вокруг сметаны! И морда самая что ни на есть кошачья, хищная!

И самое противное, в эту морду ему никак не въехать! Хитрая тварь ведь вроде как ничего такого и не делает! Всего лишь... увивается за ИХ девочкой с самыми мерзкими намерениями! А уж в том, что намерения мерзкие, — сомнений нет.

Они все уже вполне насмотрелись, как этот... нарезает круги вокруг Иллис. Вмешиваться она запретила. Первые пару дней они и на нее поглядывали с подозрением — может, пора спасать и против воли. Но нет. Иллис смотрела на Князьки выкрутасы совершенно равнодушно. Ну то есть не равнодушно... но без восторга — точно. Она умничка. Не поведется на эти индюшачьи танцы. Но приглядывать надо... мало ли.

А еще Кейрош уже какое-то время не менее странно таращится на Льена. Прямо глаз не сводит. Следит? С чего бы?

Друга спрашивать бесполезно, он только пожимает плечами и слегка улыбается. Князь тоже не ответит... но это уже все заметили, и по академии пошли гулять пока еще не слухи, но уже легкие опасливые шуточки. Интересно, сам-то Князь их слышал?

Глава 43

Иллис никогда не была дурой, а то, что она предпочла выждать и никак не реагировать на резко изменившееся настроение Князя... ну...

Себе она говорила, что наблюдает из чисто научного интереса. И тут же вздыхала про себя, осознавая лукавство этой отговорки.

Хотелось поверить. Очень.

Но все эти привычные танцы высшего света в исполнении Кириана были на удивление изящны, грациозны и... фальшивы.

В них хотелось верить, только вот не получалось. И от этого было еще грустнее.

Кончилось тем, что Иллис решила все прекратить раз и навсегда, пока у нее еще были на это силы. А не то предательский внутренний голосок рано или поздно может и уговорить ее рискнуть — вдруг интуиция на этот раз права?

Так получилось, что в тот день, когда девушка решила разрубить этот узел, Кириан тоже счел себя готовым к решительному штурму. Накануне в городе, в витрине ювелирной лавки, он увидел необычное кольцо. Очень простое, но при этом безумно элегантно, немного дерзкое в своей лаконичности и необычайно изящное.

Он ничего не смог с собой поделать и, двести раз обругав себя идиотом, зашел в лавку.

Старый ювелир встретил постоянного клиента с почтением и без колебаний выдал сыну рода Эса ди Кейрош беспроцентный кредит.

Ну да... «Простенькое» колечко стоило столько, сколько прежде Кириан тратил на побрякушки и подарки в год. Парень мысленно поежился, представляя, как будет отчитываться перед отцом об этой трате. Его никогда не ограничивали в деньгах, но он прежде никогда и не покупал таких дорогих вещей...

А тут не удержался и теперь злился на себя и на весь свет — он ведь собирался просто поразвлечься с орденской девчонкой? Завоевать ее, потешить самолюбие и успокоиться.

И что выходит на практике? Нет, он не влюбился по-настоящему. Чушь! Но кольцо словно создано для нее...

Вернувшись в академию, он еще какое-то время метался по саду и длинным коридорам как неприкаянный. Что это? Волнение? С какой стати? Он ведь не собирается всерьез признаваться в любви. Это будет... тактический ход. Да!

Но сердце упрямо то билось где-то в горле, то проваливалось в желудок и там трепыхалось пойманной птицей. Кириан уговаривал себя, что это волнение — просто азарт, как перед битвой.

Он мысленно подбирал слова, которые хочет, без сомнения, услышать каждая девушка. Он сто раз проговаривал их про себя и морщился — все не то, не то... В конце концов Князь с тяжелым сожалением решил отложить признание до завтра, чтобы подготовиться по-настоящему, может даже отрепетировать речь, проверить собственное выражение лица перед зеркалом, выражение глаз, позу...

Уроки актерского мастерства тоже входили в его обучение быть аристократом, и Кириан явно удался в свою беспутную мать-актрису, любовницу отца, оставившую его сразу после рождения и исчезнувшую навсегда с изрядной суммой денег, которую старший Эса ди Кейрош ей заплатил за это самое исчезновение.

Так что успехи Кириана отца не удивили, хотя он и не упустил возможности пренебрежительно искривить красивые губы, когда ему об этом доложили. Конечно, умение аристократа сыграть любую эмоцию и спрятать настоящую ценно само по себе, но успехи сына на этом поприще не стоили даже похвалы. Во-первых, Кейрош, даже незаконнорожденный, но признанный, и так должен был быть лучшим во всем, и в этом нет заслуги именно Кириана, это все благородная кровь. А во-вторых, любая черта в

сыне, напоминавшая о беспородной любовнице, заслуживала, с точки зрения отца, только презрения.

Вспомнив это, Кириан поймал себя на том, что уже довольно давно стоит в пустом коридоре у окна и бездумно смотрит на свое отражение в темном стекле. Ого, на улице уже стемнело?

Он повернулся, чтобы уйти к себе, и вдруг совершенно неожиданно наткнулся на взгляд светло-карих глаз-солнышек.

— Нам надо поговорить, — решительно закусив пухлую нижнюю губу, Иллис схватила его за руку и потащила за собой к лестнице и через холл на улицу, в парк.

Кириан шел, не сопротивляясь, как под гипнозом, и отчаянно пытался поймать в голове обрывки тех самых слов, что он совсем недавно выстраивал стройными цепочками-фразами.

Когда они дошли до пруда, он перехватил инициативу, потянув Иллис в заросшую плющом беседку.

— Мне тоже есть что тебе сказать, — усилием воли подавив волнение, Кириан принял свой обычный уверенный вид. — Я много думал... после того разговора... и после поцелуя. Иллис, я понял, что мои чувства глубже, чем я сам считал...

Кириан говорил и с каждым словом чувствовал себя все непонятнее. С одной стороны, слова вдруг полились потоком, гладко и складно, гораздо лучше, чем он сам придумывал. А с другой...

Что-то было не так. Что-то... Иллис реагировала совсем не так, как девушки, которых Князь раньше удостаивал своим вниманием. Она не краснела, не смущалась, не опускала глаза, не комкала в руках кружевной платочек. Она смотрела прямо и очень внимательно. И как-то... грустно.

Почувствовав все это, Кириан вдруг разом потерял нить своих гладких речей и комплиментов, сбился и выпалил:

— Иллис! Я... Мне кажется...

— Тебе только кажется, — девушка прервала его, вздохнув и чуть отвернувшись. — Кириан, давай поговорим серьезно.

— Давай! — с готовностью согласился он, чувствуя растущую где-то чуть правее грудины тяжесть. — Но для начала я хочу, чтобы ты взяла вот это. Оно почти так же прекрасно, как ты сама, хотя, конечно, ничто с тобой не сравнится. Я... мне необходимо, чтобы оно стало твоим.

Сказал и замер, чувствуя себя полным идиотом. Ну как так?! Это же должно было быть игрой, притворством, ради прихоти, ради победы! Почему вдруг все слова превратились в правду?!

Иллис не взяла протянутую ей открытую коробочку, только посмотрела на кольцо и перевела взгляд на лицо Кириана.

— Нет, прости, — в ее глазах мелькнула настоящая боль. Или ему показалось? — Но я не возьму. Прости. Я не хочу играть в эту игру. Я понимаю, что ты привык выигрывать, но... неужели ты сам не слышишь, насколько это все неправда? Ты говоришь красивые слова и сам не понимаешь их смысла, просто повторяешь, как песню на иностранном языке, потому что так принято и приятно звучит. А там... — она вдруг положила руку Кириану на грудь, и у него перехватило дыхание, — там ты ничего не чувствуешь. То ли не умеешь, то ли просто не нашел своего человека.

Она еще раз вздохнула, уже знакомым жестом поправила выбившуюся из косы прядку и снова посмотрела ему прямо в глаза:

— Перестань играть в меня, пожалуйста. Не надо больше этих цветов и подарков. Ты же сам понимаешь: между нами нет и не может быть ничего общего. Когда-нибудь ты

скажешь эти слова по-настоящему, и тебе поверят, но не сейчас. Прости...

Она развернулась и исчезла в темноте между деревьями, а Кириан остался стоять как громом пораженный. Так плохо и глупо он себя не чувствовал еще никогда в жизни.

Это... это... это просто нечестно!

А обиднее всего то, что Кириан сам чувствовал, что его слова действительно звучали как по писаному и оттого фальшиво, но... но, торк побери!

Он не врал! Не врал!

Впервые в жизни сказал правду о своих чувствах, но ему не поверили.

Князь зажмурился и до боли сжал кулаки, пытаясь справиться с целой лавиной самых разных чувств. Боль, злость, боль, обида, боль, ярость, боль... боль!

Да как она... да кто она такая... да... почему?! Чем, торк побери, он ей не хорош оказался?!

Острая физическая боль привела его в чувство через какое-то время, и Кириан обнаружил, что так сжал руку, что красивая коробочка от кольца смялась в его ладони, а острый золотой лучик необычного украшения впивается в кожу до крови.

Яростно прикусив губу, Князь размахнулся и зашвырнул кольцо вместе с раздавленной коробочкой куда-то в темноту, в самые густые заросли. Развернулся и почти бегом кинулся к себе в комнату.

Больше никогда он не позволит себе быть таким идиотом! Никаких влюбленностей, никаких дурацких чувств! Отец прав!

Его шаги затихли вдали, когда кусты справа от беседки почти незаметно колыхнулись. Иллис подняла упавшее в путаницу корней колечко и сжала его в ладони. Она подошла к дереву и прижалась лбом к шершавой коре. Как... жаль... его? Себя? Того, что не случилось?

Как жаль, что все это неправда... и кольцо — неправда. И его слова.

Ладно. Теперь все закончилось.

А если в траву у корней дерева упало несколько слезинок — кому какое до этого дело?

Глава 44

Иллис пришлось заскочить в купальню, чтобы умыться, иначе ее зареванное лицо спровоцировало бы слишком много вопросов у парней. А ей так не хотелось сейчас обсуждать свою личную жизнь и свои слезы...

Кольцо она повесила на цепочку и надела на шею с твердым намерением потом подкинуть Кейрошу — все же дорогая вещь. Девушка сама себе не признавалась в том, что слишком большое значение придает этому изящно скрученному кусочку драгоценного металла.

Приведя себя в порядок, она легко, белочкой, взлетела на свое любимое дерево и с развилки перепрыгнула на подоконник, старательно соорудив на лице беспечно-счастливую гримасу.

— А вот и я! Соскучились?

— К нам заглянуло солнце! — Льен прикрыл глаза ладонью, будто их и в самом деле ослепил яркий свет. — Иллис, соскучились — просто не то слово! — И про себя добавил: «По тебе такой соскучились».

Остальные смотрели радостно и выжидательно. Они действительно очень давно не видели Иллис такой беспечно-веселой. Значит, ее притворство удалось на все сто, ну хоть здесь повезло.

— Лъстец! — Иллис соскочила с подоконника и щелкнула «лъстеца» по макушке. — Но так и быть, наслаждайтесь моей лучезарностью! — Она приняла горделивую позу, но почти сразу засмеялась.

— Эй, эй, а мы?! — Майс и Габриэль оторвались от нового Майсовского изобретения и ревниво подскочили к девушке.

— Чего вы? — удивленно округлила глаза Иллис. — По макушке захотели? Да хоть десять раз! — В подтверждение своих слов она щелкнула и того и другого несколько раз подряд.

— Нечестно! — тут же подпрыгнули все «осчастливленные». — Ты обещала лучезарность!

— Иллис, у меня тут завалилась шоколадка, ты случайно не хочешь? — чуть прищурившись, Норр обвел всю компанию победным взглядом.

— Где достал?! У нас же стипендия послезавтра! — возмущенно завопил Майс.

— Какая разница, отставить лучезарность! — Иллис больше месяца не вспоминала про шоколад. А сейчас просто слюнки потекли. Она захлопала ресницами и соорудила несчастную мордочку:

— Мне срочно нужно подкрепиться, я умираю от голода! Ах... уже почти умерла! — Она прижала руку ко лбу в картинном жесте и расчетливо упала «в обморок» прямо на кровать Норриана.

— Знать места надо! — бросил Норр через плечо и довольно ухмыльнулся. — А теперь рассказывай, «умирающее солнце», — он принялся методично размахивать перед носом Иллис золотистой оберткой, не давая ее в руки.

— Что тебе рассказывать? — несколько наигранно удивилось «солнце», водя за оберткой глазами, как кошка за бумажным фунтиком. — Ничего не знаю, кормите умирающую!

— Как что? — удивился Норр, отскакивая от резко выброшенной вперед руки Иллис. — Рецепт, как сделать тебя такой счастливой, разумеется.

— Много-много шоколада! — с готовностью поведала девушка и, усыпив таким образом бдительность, стремительным броском завладела лакомством. — Во-о-от...

— Хитрюга! — рассмеялся Норр. — Ладно, ловим на слове! Шоколад с меня.

В ответ раздалась только шелест сдираемой обертки и довольное урчание.

— Все понятно, — заявил Гай. — Кондитер станет богачом — я уже знаю, куда уйдет вся наша стипендия. Твоя-то, — он подмигнул Иллис, — уже давно там!

Девушка с готовностью закивала, не переставая жевать и урчать.

— Иллис, ты прямо как котенок-сладкоежка! — захихикал Майс, подлезая ближе. — Урчишь точь-в-точь как они.

— Сам ты котенок! — кучерявая белобрысая челка подверглась вероломному нападению. — Я взрослый стр-р-рашный зверь!

— Взрослые стр-р-рашные звери не бывают такими невоздержанными сладкоежками, — Майс обиженно тряхнул помятой прядью, но тут же заулыбался.

— Иллис, Льен зовет нас к себе на каникулы. Ты поедешь? У него дома шоколадок мно-о-о-ого, — добавил он хитро.

— Хм-м-м... — девушка сделала вид, что задумалась. — Точно много? — Она подняла одну бровь, вопросительно-смешливо глянув на Льена.

— Ну-у-у... — протянул тот. — Мы возьмем с собой Норра, и будет много!

— Ну тогда-а-а... ну тогда-а-а-а... я подумаю! — важно кивнула Иллис и вдруг без предупреждения огрела подушкой своего шоколадного благодетеля.

— Если он не будет задаваться! — хохоча, дополнила она.

— Вот она, благодарность! — проворчал Норр, вылезая из мгновенно образовавшейся кучи. — Вот и корми тут некоторых шоколадками... а тебя подушками за это...

Он вооружился пледом с соседней кровати и грозно двинулся на хулиганку.

— Это кто тут еще задается, а? Вот сейчас мы тут кое-кого спеленаем, и я буду поедать шоколадки у нее на глазах! — закончил он совсем свирепо.

Дойти он не успел. А может, не хотел. За ногу его втянули обратно, в кутерьму смеха, подушек и щекоток. Даже плед не помог.

— Так у тебя еще шоколадки есть? И ты молчал?!

— Может, и есть...А что мне за это будет? — отсмеявшись, спросил Норр.

— А что ты хочешь? — Иллис веселилась вроде бы совсем как раньше. Но получить ответ не успела.

Внезапно в комнате раздался тонкий, пронзительный, хотя и негромкий звон. Девушка резко подскочила, перестав улыбаться, и выдернула из разреза рубашки обычный черный камушек на шнурке. Сейчас этот камушек звенел и наливался красным.

Что-то тревожное было в самом этом звоне. Что-то, что заставило замереть улыбки друзей.

— Черт! — Иллис вскочила, сжимая камушек. Но быстро взяла себя в руки, глянув на застывших мальчишек.

— Это вызов, — объяснила она, запуская пальцы в волосы и стараясь быстренько привести их в порядок. — Мне нужно попасть к связующему амулету.

— А где этот связующий амулет? — растерянно спросил Гай.

Раздавшийся стук в дверь прервал разговор.

— Курсант ди Рианн, к ректору, — выпалил дежурный третьекурсник, любопытными глазами оглядывая компанию.

— Вот тебе и ответ, — рассеянно констатировала Иллис. — Пойду узнаю, в чем дело.

На душе было тревожно. Экстренный вызов по пустякам не посылают. Тем более такой: красный цвет — общий сбор, срочно и важно.

Уже стемнело, а в кабинете ректора так и не зажегся свет. Тяжелый разговор ходил по кругу, и пожилой мужчина все никак не мог убедить собеседницу и не мог согласиться с ней.

— Мы опять вынуждены будем ждать несколько сотен лет, может дольше! Пойми, твоя кровь еще не иницирована, ты не нашла своих стражей, ты...

— Но она у меня есть, эта кровь. И этого достаточно, чтобы я была там и восстановила границу. Любой ценой.

— Любой?! Ты понимаешь, о чем говоришь?

— Я понимаю, — Иллис устало прикрыла глаза. — И мне очень страшно... очень. Только нет другого выбора, нет! Эта самая кровь несет в себе долг, вы же знаете... Она все равно притянет меня туда, где надо закрыть брешь. Если не восстановить накопитель, две соседние башни выгорят в течение недели. Конечно, Орден попытается растянуть на них силу оставшихся, но... граница исчезнет максимум через месяц. Что это значит, не мне вам рассказывать.

— Это было не просто нападение, — собеседник тяжело опустился в кресло, и стало заметно, что он уже совсем не молод. — Им помогли изнутри. Точно в нужный момент, расчетливо и хладнокровно.

— И Аркадрийский выступ они тоже не просто так выбрали, — кивнула Иллис. — Смогли атаковать сразу с трех направлений. Уже известно, что именно там произошло?

— Нет. Но даже младенцу понятно... — генерал закашлялся, а потом поднял посеревшие глаза на девушку. — Они знают о тебе. О том, что ты выжила. И тебя там будут ждать.

— Я понимаю, — повторила Иллис. — Они очень точно рассчитали время. Еще полгода — и я прошла бы инициацию. Только если сейчас не заполнить накопитель, через два месяца инициировать будет некого, негде и незачем.

— Уже больше двухсот лет граница проницаема. По капле, но эта дрянь просачивается в наши земли постоянно. С контрабандистами, с моровыми поветриями, со всякой нечистью... Мы делаем все, что можем. Рейнджеры, Орден, мои вчерашние выпускники. Но без тебя...

— Так погибли мои родители, — очень тихо проговорила девушка. — Из-за меня. Из-за того, что кровь Эйро наконец набрала достаточную силу и я родилась девочкой. И ТАМ знают, что будет, если я доживу до совершеннолетия. Это данность, которую мы не можем изменить.

— Если тебя не станет...

— Если меня не станет, Звезда выберет новый род, — твердо оборвала Иллис. — И вы снова будете хранить кровь королей и ждать, пока Эйро пробудится.

— Сколько поколений? — с горечью спросил ректор.

— Сколько понадобится. И вы справитесь. Потому что другого выхода у вас нет.

— А ты? — пожилой мужчина с неожиданной силой схватил девушку за плечи. — Ты что же, решила, мы столько лет прятали и берегли тебя только потому, что ты королева? А ты не думала, что мы просто...

— Я знаю, — несмотря на тяжесть, сдавившую грудь так, что дышать было трудно, Иллис улыбнулась, погладив собеседника по руке. — Я тоже очень люблю вас всех. Я обещаю... я сделаю все, чтобы дойти. И все, чтобы вернуться.

— Девочка, девочка... — генерал привлек к себе собеседницу и обнял. — Это

неправильно, это...

— Я тоже так думаю, — невесело усмехнулась Иллис, позволяя обнимать себя. Она уткнулась в плечо старому другу — хоть на секунду спрятаться от тяжелого выбора, хоть на полсекундочки... — Только нашего мнения никто не спрашивает, — закончила она, отстраняясь. — Пора.

— Что сказать парням? — Грарард нехотя отпустил ее.

— Не знаю... — ее пальцы сжали виски. — Не надо им знать... Это просто мобилизация. Вдруг я все-таки... — она вскинула глаза, — вернусь.

— Хорошо. Когда ты едешь?

— Прямо сейчас. Нельзя терять время.

— Может, дождешься хотя бы рассвета? Тебя ведь не отпустят без объяснений, да и нам надо подготовиться к твоему отъезду.

— Да, пожалуй, — после короткого размышления кивнула Иллис. — Как только рассветет.

Глава 45

Она вернулась в комнату не скоро. Надо было подумать, смириться с предстоящим и набраться сил для того, чтобы не показать своего состояния друзьям. Так что обратный путь опять пролегал через окно. Так, подумалось, будет менее заметно, что прежняя жизнь закончилась.

Парням показалось, что Иллис отсутствовала целую вечность. И вот, наконец, привычный силуэт в окне. Ребята тревожно всматривались в лицо девушки, очень надеясь прочитать по нему, что все в порядке.

— Уф-ф-ф, — Иллис улыбнулась, перескакивая через подоконник. — Вы чего сидите с такими постными физиономиями?

— Есть повод их поменять? — слегка улыбнулся Норр.

Ох, Хеллес... Как трудно... Они смотрят. Они ждут. Они очень хотят услышать хорошие новости.

— А есть повод не менять? — Иллис спрятала тревогу и боль так глубоко, что на секунду сама поверила: все в порядке. — Вы чего вообще насупились? Это всего лишь новости из Ордена. Такое часто бывает. Так что отставить кукситься, кто-то обещал мне много шоколада! Платите по счетам, господа! — Она улыбалась, улыбалась, улыбалась...

Какое-то время они смотрели недоверчиво, они не торопились верить. Но вот нерешительная улыбка, вторая, третья... Поверили. Слава Хеллес, они ей поверили! И все же ушло то бесшабашное веселье, которое было в этой комнате два часа назад. Полил тихий душевный разговор. И, словно что-то почувствовав, ребята все никак не отпускали ее. А она не спешила уйти к себе за ширму, не в силах оторваться от них.

— Иллис, вот возьми, я для тебя сделал... — даже в полутьме было видно, что уши у Майса порозовели. — Если вот тут нажать, выскакивает ножик, ну и еще масса полезных инструментов там. Завтра утром покажу подробнее.

— Ух ты, спасибо! — девушка, улыбаясь с какой-то щемящей нежностью, притянула Майса за порозовевшее ухо и чмокнула в щеку. — Какой ты умница! Мне как раз не хватало именно такой штуковины! — Она почти не кривила душой. И правда не хватало... Жаль, насчет будущего ничего загадывать больше нельзя...

Постепенно все уgomонились, и комната погрузилась в сонную тишину. До рассвета. Только вот не всем в эту ночь удалось выспаться.

За окном темнота линяла в предрассветное серебро. Иллис неслышно вышла из-за ширмы и остановилась посреди комнаты, прислушиваясь к тихому дыханию парней. Вчера, убедившись, что они заснули, она попыталась написать им хоть что-то. Не получалось, слова казались глупыми и пафосными, фразы дурацкими, а признания слащавыми. В конце концов, она смяла в комок исчерканные листки и забросила в угол. И написала всего две строчки.

Тихо-тихо, чтобы не разбудить, она обошла всех четверых, вглядываясь в лица спящих. Хотелось запомнить их вот такими — безмятежными, совсем юными, родными. Майс, как всегда, сбросил одеяло и трогательно обнимался с подушкой. Габриэль растерял всю свою колючесть, и в его лице прорезалось что-то неуловимо-детское, нежное. Норр спал вытянувшись как на параде и даже во сне выглядел сосредоточенным. Льен улыбался...

Иллис аккуратно прислонила белый прямоугольник к стопке книг на письменном столе и толкнула створку окна, распахивая его пошире. Воздух уже пах весной. С рассветом проснулись птицы и радостно прозванивали новое утро такими голосами, словно мир родился только сейчас и будет существовать вечно. Иллис еще раз оглянулась. Да, вот ради этого утра. И птиц. И этих четверых, что спокойно спят в своих постелях. Пусть страшно. Она должна справиться. Больше не колеблясь, девушка легко перемахнула через подоконник.

Привычная развилка, дерево словно само тянется поддержать ее удобной веткой или изгибом ствола... остановиться всего на секунду...

Плотные шторы задернуты, но все равно слегка колышутся от утреннего ветерка. Ты спишь? Спишь. Спи... Я не знаю, что это было. Но все равно — спасибо. Это было... трудно. Но я не жалею. Потому что было не только больно, было еще и хорошо — как никогда раньше. Прощай.

У конюшен ее уже ждали. Гнедой оседлан, переметные сумки упакованы. Короткие слова прощания — не стоит тянуть. И ворота академии скрипнули, выпустив одинокую всадницу.

Она оглянулась только раз — с вершины соседнего холма. Здание академии еще нежилось в рассветных сумерках, кутаясь в покрывало свежей зелени. Но острые крыши уже пылали в первых лучах черепичным румянцем.

Иллис спешила. Проверила подпругу, упряжь. И уткнулась в мягкую гриву лицом, вытирая о нее непрошенные слезы. Страшно. Больно. Такое чувство, словно жизнь остается там, во дворе под старыми вязами, под этими черепичными крышами, в гулких коридорах с мраморными полами.

Когда это место успело стать ее домом? Да нет, не место. Те, кто там остался... Как больно прощаться. Это несправедливо! Ведь только все стало налаживаться... Почему я?!!

Она еще несколько минут стояла, спрятав лицо в конской гриве. Гнедой не двигался, чувствуя всадницу. Потом ласково фыркнул, толкнул головой в плечо.

— Да, конечно. Пора, — согласилась Иллис, тщательно вытирая лицо. — Поехали.

Она вскочила в седло и больше не оглядывалась. Маленькая девочка, плачущая от тоски и страха, навсегда осталась у вершины холма. Выглянувшее из-за восточного хребта солнце осветило дорогу перед младшим мастером Полуденного Ордена.

Все, что произошло потом, рассказать можно в нескольких фразах: очень страшно, очень больно, очень...

Нашествие кархов захлестнуло дикие земли, и пробиться к разрушенной башне оказалось нелегко. Мужчины-рейнджеры не могли в этом участвовать — магия темной стороны прорвалась в пустоши, и противостоять ей могли только женщины, да еще и прошедшие обучение в Ордене... И они гибли десятками и сотнями ради того, чтобы один маленький отряд незамеченным проскользнул среди холмов к самой границе.

У них получилось. Они дошли. Только вот назад не вернулся никто, и наследница — в том числе.

Иллис устало откинулась на каменную стенку, не отрывая руки от артефакта. Да она и не смогла бы, даже если бы захотела — камень все сильнее тянул из нее кровь, тянул жизненные силы и на глазах восстанавливался. Радужный щит появился уже через несколько минут и неуклонно разрастался.

Кровь Эйро... Если бы Иллис успела пройти инициацию, встав в центре Полуденной Звезды в день своего совершеннолетия, как сотни ее предков до этого, восстановить артефакт было бы делом нескольких минут и пары капель королевской крови. Но времени не было, и теперь для того, чтобы барьер вернулся, нужно отдать все.

Кровь впитывается в матовый овальный камень почти мгновенно. По руке медленно поднимается ледяная волна, и понятно, что, когда она доберется до сердца, все кончится.

Зато уходит боль. Сломанная ключица больше не впивается огненным копьём в плечо. И распоротое бедро и сотня других мелких ран словно сами собой исчезают из сознания. Впервые за эти жуткие несколько суток почти непрерывного боя можно расслабиться и ничего не бояться. Уходит напряжение, уходит страх, так мучивший. Страх не успеть, не суметь, не защитит... но она успела.

Теперь, когда весь этот груз уходит вместе с жизнью, можно спокойно подумать. Вспомнить...

Почему-то сейчас не встают перед глазами ни воспоминания из детства, ни те, кто остался в пустошах, своей кровью пробивая для нее проход к башне. С ними она и так скоро встретится. И с родителями. Мама... уже недолго.

Сейчас где-то рядом, словно наяву, улыбается Льен, упрямо сопит Майс, насмешливо щурится Гай, и Норр что-то пытается объяснить с самым серьезным видом. Как хорошо, что она смогла дойти... как жаль, что вернуться не получилось... Но сейчас даже это сожаление — без боли, только легкая грусть и пожелание счастья.

А потом из воспоминаний выплывает еще одно лицо и заслоняет все остальные. Какой же ты красивый... когда не корчишь свои дурацкие надменные рожи.

Хотя... все равно красивый.

Иллис улыбается своему видению с каким-то необыкновенным облегчением. Как хорошо... больше не надо обманываться, не надо бороться с собой и своими чувствами. Можно сказать те слова, которые уже давно живут где-то там, глубоко внутри, а теперь выходят так легко, так... правильно.

— Я... тебя... люблю...

Радужный щит вспыхивает и мгновенно проносится по холмам, отбрасывая почти сплошную массу кархов, заполнивших пустоши, сминая ее в темный воющий ком и выметая прочь. Барьер вернулся на свое место, распространяя от башни серию коротких ярких всполохов по всей границе.

Вот и все...

Иллис еще раз улыбнулась и потянулась к нему. Самое родное на свете лицо приблизилось, и последнее, что она почувствовала, — тот самый поцелуй на своих губах.

— Прощай...

Темнота, как кошка, неслышно подкрадывается, прыгает на грудь и застилает оставшийся где-то далеко полуденный мир. Только темнота, она греет и мурлычет тишиной.